

На Светле

После
ОГНЯ

Наверное, они не должны были встретиться. Его судьба — в Египте, среди раскопок и пирамид. Ее — дома, с мужем и сыном. Каждый из них должен был быть счастлив. Но случилась война, которая отняла у обоих все, что было им дорого. Она пронеслась огнем по их жизням. И то, что осталось после огня, несло только горечь. Может ли из горечи родиться любовь? Может ли любовь оказаться сильнее горечи? Есть вещи сильнее огня, но есть ли хоть что-то, что сильнее пепла?

Декабрь 1940 года

— Дожди — это хуже всего. Попомните мое слово — за ночь все заледенеет. И без того на дороге скользко. А завтра хоть коньки обувай.

— По счастью, мы к вечеру будем на месте, господин оберштурмбаннфюрер.

— Петер, — поправил немец, — мы ведь с вами условились.

Ноэль только кивнул в ответ. Он смотрел в окно, по которому стекали прозрачные капли дождя. Мир за этими каплями был непроглядно серым. Линке прав — за ночь на землю ляжет мороз. И серый, от которого тошно, станет голубовато-белым. Такого цвета у матери было одно из театральных платьев. Это он помнил еще из детства. Правда, он совершенно не помнил, о чем был спектакль.

— Чем займетесь в Париже? — снова пристал Линке.

— Скорее всего, преподаванием. Это проще всего. Да и я не привык слишком напрягаться, если нет возможности что-то изменить.

— Ну уж потерпите немного. Мы вернем вам возможность работать в Египте. А до того я вполне успею свести вас кое с кем из Берлинского музея. Уверен, вам будет интересно. Великие умы и теперь бредят экспедициями. Как знать, быть может, едва мы успеем обернуться, как вновь увидим пирамиды Гизы, Долину царей и Немецкий дом.

— Если последний устоит, — усмехнулся Ноэль. — Не пирамида. Чуть ударишь — рассыплется.

Офицер рассмеялся и бросил небрежно:

— Да уж, у древнеегипетских зодчих нам еще поучиться.

— Но это же восхитительно, когда есть чему учиться, не так ли?

Линке не успел ничего ответить. Колеса со скрежещущим шумом заскользили по дороге — машину повело. Слишком скользко. И слишком быстро. Шофер вырулил на обочину, их потрянуло, и автомобиль резко остановился.

— Лемман! — рявкнул офицер. — Следите, черт бы вас подрал, за дорогой!

Шофер обернулся к ним, и Ноэль, переводя дыхание, успел удивиться тому, насколько спокойно его лицо.

— Да, господин оберштурмбаннфюрер. Этого больше не повторится.

В сущности, ничего не повторится. Отдавая себе в том отчет, как никто из присутствующих, Ноэль промолчал.

В этот день он, обычно довольно разговорчивый, с трудом выдавливал из себя слова. А выдавливать было нужно. Он что-то плел о раскопках, на которые попал еще подростком с профессором Авершиным, о стоворотных Фивах, о ключе к расшифровке иероглифов, который он разрабатывал в группе профессора. Но это все было будто мимо. Просто описание картинки, которая всплывала в его памяти, но которая теперь была с изрядным налетом пыли. Ему казалось, что он карабкается на гору из хитросплетения слов, пробирается сквозь них к самой сути. А сути нет, и горы нет. Есть яма, черная, страшная яма.

Они все ехали. Петер что-то отвечал, о чем-то спрашивал. Ноэль, замолкая, буравил взглядом затылок шофера и часть его щеки, что была видна с заднего сиденья.

Прежде, кажется, еще только этим утром, он нервничал, ждал, мысленно торопил

время. Теперь проще было думать о том, что они всего лишь едут в Париж, куда собирался его подбросить оберштурмбаннфюрер Линке. Все знали, как дружны молодой египтолог и офицер, большой любитель египтологии. А теперь египтолог ловил себя на мысли, что совсем не застал войны. Но однажды война застала его. Застала врасплох. И теперь тоже. Пулеметной очередью по колесам.

Неужели оно?

Оно было неизбежно.

И он сам к тому стремился последние шесть месяцев. С того самого дня, что отпечатался в нем на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, эти секунды в машине отпечатываются тоже.

Затормозить не могли — тормоза не сработали. Съехали в кювет и заглохли.

Он запоздало вспомнил, что нужно пригнуться. И дернулся вниз под сиденье.

Немцы не успели. Мгновения не хватило.

Снайперы сработали четко. Всего два выстрела.

Первый — в висок оберштурмбаннфюрера. Тот и вздохнуть не успел. Завалился набок всей тяжестью, прямо на спину Ноэлю.

Второй — под ключицу шоферу. Тот еще хрипел, когда Ноэль скидывал с себя тело офицера.

Потом он распахнул дверцу машины, намереваясь немедленно ее покинуть. И вдруг услышал сквозь хрип и собственное неровное дыхание:

— Стой...

Обернулся. Шофер все еще дышал, все еще боролся с подступающей смертью, все еще не желал смириться.

— Стой! — снова выдохнул он, будто бы умоляя.

И Ноэль остановился, ведомый бог знает каким порывом. Потому что делать ему здесь было нечего, потому что людей этих он ненавидел. Безликости не было — у врагов были глаза, носы и уши этих двоих немцев.

Удерживая его взгляд своим, шофер рванул пуговицу шинели и зашарил по груди. И теперь Ноэль не мог оторвать взгляда от расплывающегося по ткани кровавого пятна.

— Отдай... жене...

Шофер протянул руку — та тоже была окровавлена. И Ноэль потянулся к нему, перехватив кожаный шнурок. Потом зажал его в ладони — это был медальон. Всего лишь медальон, который нужно было отдать. Пальцы его теперь тоже были в крови. Не в силах смотреть на руки, Ноэль снова поднял взгляд и почти задохнулся — лицо немца было спокойным и отстраненно собранным, будто только сейчас он проговорил: «Это больше не повторится». Будто он не стоял теперь на пороге смерти. Или, возможно, он оттого был спокоен и собран, что умирал?

— В Гамбург... Мюнстергассе 17... - снова шепнул шофер, и голова его запрокинулась.

Ноэль брезгливо поднес к глазам кусочек железа и усмехнулся, глядя на изображенную там фигуру. Улль. Покровитель спортсменов.

Уже гораздо позже, несколько часов спустя, сидя в какой-то гостинице и ожидая, пока проверят его удостоверение, конечно фальшивое, он нервно вертел в руках медальон. И заметил на обороте выгравированное: Fridrich*. То ли гравёр был безграмотный, пропустив одну букву. То ли родители шофера — излишне изобретательны. Ведь fridu означало «мир».

Потом про этот медальон он и вовсе позабыл, просто таская его среди прочих своих

вещей.

Он стремился стереть из памяти этот день, зная, что невозможно. Вытравить до конца нельзя. Можно только заглушить на время. И это иногда удавалось.

Уже в сорок втором, когда Франция была полностью оккупирована, а он маринровался на юго-востоке, в горах, научился почти с бахвальством рассказывать о том, как попал в Сопротивление и организовал убийство Петера Линке. Маки было все равно, как звали того офицера. Важно было то, что он был птицей высокого полета, оберштурмбаннфюрером СС, действовавшим в Вишистской Франции.

И, уж тем более, им было плевать, что этот любитель египтологии лично застрелил Денизу Гинзбург. Для них она была всего лишь одной из французских евреек, каких расстреляли или вывезли в лагеря тысячи. Кому какое дело до того, что Дениза была женщиной, на которой Ноэль Уилсон собирался жениться, едва заберет ее в Британию, к своей семье. И ему, как и Линке в автомобиле, не хватило мгновения.

Об этом Ноэль никогда не говорил. Но это он помнил всегда.

И еще он навсегда запомнил голубовато-белый налет на земле и пожухлых листьях на следующий день после дождя. Петер был прав — Петер редко ошибался в том, что касалось погоды.

*Верное написание Friedrich

Весна 1945 года

С озера тянуло прохладой. Поеживаясь в стареньком плаще, Грета ускорила шаг под неожиданными порывами ветра, который зло толкал ее в спину, заставляя почти бежать по набережной под старыми каштанами. Когда же ветер затихал на несколько минут, она почти останавливалась, пытаясь оттянуть свое возвращение домой. Как она скажет Рихарду, что ее уволили? Снова не будет денег, которых и без того не хватало. Снова придется что-то продать из бабушкиных вещей, большая часть которых уже была продана за то время, что они жили в Констанце. Если ей повезет, она сможет найти другую работу. Но уже много лет Грета была уверена, что ей больше никогда и ни в чем не повезет.

Она устало зашла в дом, долго возилась с туго завязанным под подбородком узлом косынки, поправила выбившиеся светлые пряди волос, которые ей теперь казались такими же тусклыми, как и она сама, и, наконец, посмотрела на Рихарда, сидящего за столом и жующего ломоть хлеба. Хлеб был очень свежим и крошился на столешницу.

— Обедать будешь? — спросил он, не поздоровавшись. — Прости, я тебя не дождался. Сейчас соберу.

Грета отрицательно мотнула головой. Ей совсем не хотелось обедать. Как и обычно. Она ела лишь потому, что Рихард говорил: надо!

— Не буду, — она медленно прошла к дивану и тяжело опустилась на него. — Меня уволили.

Рихард замер, не донеся ломоть до рта в очередной раз, и внимательно посмотрел на молодую женщину. Потом кивнул и легко сказал:

— Уволили. Понятно. По-твоему, это повод не обедать?

— При чем здесь обед? — нахмурилась Грета. — Как мы дальше будем?

— Найдем тебе другую работу, — пожал плечами Рихард.

— Вам легко рассуждать, — тоскливо протянула она. — Вспомните, сколько месяцев я оббивала пороги, прежде чем нашла эту. И если бы их учительница младшей школы не погибла... — резко замолчала и махнула рукой.

— Грета, мы только-только справили тебе новые башмаки. Теперь ты будешь оббивать пороги с шиком. И надеяться, что кто-нибудь еще погиб.

Рихард рассмеялся, но смех у него вышел тяжелым, будто удары молота о наковальню.

Чуть приподняв брови, Грета долго смотрела на пожилого человека, единственного близкого, который остался у нее на всей земле. И как бы ни шокировал порой мрачный юмор Рихарда, у Греты получалось не задумываться об этом. «Он не такой, каким хочет казаться!» — твердила она себе. Остаться без Рихарда она бы не смогла. И Грета всегда помнила, как много он делал для нее, особенно в последнее время.

— Сейчас и начну, — поднявшись, усмехнулась она и направилась к выходу.

— Стой! — рявкнул Рихард. — Стой, говорю!

Она послушно остановилась и обернулась.

— За что хоть уволили?

— Герр Мёллендорф заявил, что я не обладаю независимостью мышления, а без этого учителю сегодня никак нельзя. Что еще не время возвращаться к учебникам Веймарской республики, и я слишком много на себя беру, предлагая ему, ветерану Вермахта, такое, —

спокойно и равнодушно рассказывала Грета. — Всего лишь потому, что теперь директору понадобилось мое место для своей дочери. Две недели назад он так же уволил учителя немецкого языка. А через день новой учительницей стала фрау Мёллендорф, — она помолчала. — А говорят, что теперь учителям будет полагаться паек. Но вместо этого я осталась даже без жалования.

И вдруг лицо ее некрасиво искривилось, губы мелко задрожали, и Грета расплакалась, рукой размазывая по щекам слезы и не пытаясь успокоиться.

«Жалкая, безвольная кукла», — подумала она и громко всхлипнула.

— Ну-ну-ну... — пробормотал Рихард. Все знали, как он не выносил слез, и особенности женских. С детскими было куда проще сладить. Он торопливо убрал в сторону недоеденный хлеб и подошел к Грете. Взял ее за плечо единственной рукой — вторая была искалечена почти тридцать лет назад и представляла собой обрубок, заканчивавшийся у локтя. И проговорил:

— А плакать зачем? Или ты полагаешь, что с красным носом тебя быстрее возьмут на работу?

— Меня никуда не возьмут, — продолжала всхлипывать Грета.

— Куда-нибудь возьмут. Куда-нибудь, где твоих силенок работать не хватит. Потому пойдем обедать.

Продолжая вытирать слезы, она вздохнула и подошла к буфету. Отрезала и себе хлеба, налила немного молока и села к столу, поставив перед собой еду. Но есть не стала. В горле по-прежнему стоял ком.

— Ешь, говорю, — просто сказал Рихард, устроившись напротив, и стал внимательно рассматривать ее лицо, в чертах которого сохранились те же удивительные нежность и мягкость, что были еще шесть лет назад. И все равно, что с тех пор лицо это сделалось худым и острым. А глаза удивительного цвета, каким бывает у берега от водорослей вода в Бодензее, давно разучились улыбаться. Странно, но чаще всего Рихард вспоминал ее улыбку. Какой та была еще до войны и в первый ее год. Сначала улыбаться начинали глаза, а уже после улыбка отражалась на губах. И ранние морщинки были в уголках глаз, а не возле рта. Теперь она походила на тень самой себя, прежней. От переносицы под нижними веками расплывались темные круги, щеки чуть впали. А восхитительные светлые волосы, которые превращали ее в настоящую красавицу, теперь вечно были связаны в тугий узел на затылке. Иногда Рихард задумывался, кто из них старше на самом деле... И все-таки нежность в ее чертах оставляла надежду... Нельзя быть несчастной с таким лицом. Так не должно случаться.

— Не нужно тебе бродить по школам, — вдруг сказал он. — Толку не будет, а слезы будут. Сама подумай — кончено все. Думаешь, они позволят национал-социалистам жить, как жили? Учительство теперь не для тебя. Что-то другое придумаем.

Грета вяло кивнула, откусила немного хлеба и огляделась.

— Надо придумать, что можно продать. Мы за мои ботинки должны еще половину. А, может, их и продать? — она выставила ногу из-под стола. — Все равно скоро лето.

— Лучше продай меня, чем ботинки! — вдруг рассердился Рихард. — Впрочем, кому нужен калека...

— Мне.

Грета встала из-за стола, подошла к Рихарду, наклонившись, поцеловала его в щеку и вышла из столовой. Она знала, что сейчас снова расплачется, и знала, как сильно он этого не

любил.

Лето 1945 года, Констанц

— Дом старый, но довольно большой. В нем живут два человека. Она — бывшая учительница. Состояла в НСДАП с 1936 года. Он — инвалид. Не думаю, что они будут вам мешать.

— Инвалид и нацистка? — лейтенант Уилсон приподнял бровь. — Как бы я им не помешал.

— Дом большой, — гнул свое капрал. — Мебели немного, но зато сможете отдохнуть в одиночестве. Ваша комната на втором этаже. Тихо. Все лучше, чем казарма.

Ноэль отвлекся от дороги, стелившейся перед ними брусчатой мостовой, и посмотрел на своего спутника.

— Я бывал в местах, рядом с которыми и казарма покажется райскими кущами.

— Да но... генерал Риво дал особые указания относительно вашего размещения. Он поселился на соседней улице и желает, чтобы вы...

— Чтобы я всегда был под рукой, — закончил за него Уилсон. — Будет вам, капрал. Мне все подходит. Если только эта нацистка не устроит поджог среди ночи — со второго этажа разве только в окно прыгать.

— Не думаю, чтобы ей пришло такое в голову, — капрал был молод и предельно серьезен, до скуки. — Капитан Юбер собирал сведения о них и считал возможным...

О том, что Юбер — пьяница и шутник, Ноэль промолчал. Потому что только в его большую голову могло прийти поселить лейтенанта Уилсона к члену НСДАП.

— Ваши вещи из мэрии перевезут сегодня к вечеру.

— У меня их, по счастью, совсем немного.

Всего один чемодан, да и то из ценного в нем было только письмо отца, полученное перед самым отъездом в Констанц. Это же письмо было первым от семьи с самого начала войны. Краткое и сдержанное — так всегда писал отец. Они с мамой вернулись в Париж сразу после освобождения. Еще несколько месяцев у них ушло на поиски старшего сына. А тем временем младший, Оскар, совершил восемь вылетов в места боевых действий. Он теперь служил фотокорреспондентом. Ноэль помнил его еще тринадцатилетним подростком, когда видел в последний раз.

Они подъехали к дому, сложенному из серого камня. И Ноэль невольно улыбнулся, сообразив, отчего его не поселили на первом этаже — одна из нижних веток раскидистого дерева упиралась в окно, угрожая выдавить стекло. Это показалось ему отчего-то смешным. Зато не нужны занавески — в комнате и без того вечно темно.

Они поднялись на невысокое крыльцо, и капрал постучал в дверь. Открыл им инвалид. Мужчина старше среднего возраста и без руки. Он хмуро глянул на них и отошел в сторону, молча пропуская их внутрь.

— Лейтенант Ноэль Уилсон, — представился Ноэль, чуть кивнув хозяину дома.

— Лемман. Рихард Лемман, — отозвался инвалид. — Когда-то служил рядовым, пока не оцарапало.

Потом он обернулся к капралу и, хмуро улыбнувшись, сказал:

— Я думал, господин лейтенант — француз.

— Француз, — сдержанно ответил Ноэль, не дожидаясь, пока капрал Жером поднимет

челюсть, оправившись от возмущения вольностями герра Леммана.

— Я прошу показать господину лейтенанту его комнату! — потребовал Жером тоном, не терпящим возражений, и тут же, не выдержав, добавил: — И держать ваши соображения при себе!

— Как прикажете, — отозвался Лемман и кивнул в сторону лестницы, начинавшейся здесь же. — Следуйте за мной.

Лестница была узкая, темная и довольно высокая. Немец ковылял по ней, будто нарочно, медленно. И капрал заметно сердился. Ноэль только усмехался под нос — что еще этот немец может в своем бессилии? Наконец, они оказались у комнаты, дверь в которую была открыта. Лемман толкнул ее.

Мебели действительно было мало. Кровать, шкаф, стол и стул. Больше ничего, несмотря на то, что здесь оказалось просторно. Впрочем, это подходило. Уилсон давно привык обходиться малым и чувствовать себя хорошо, если было куда примостить голову, чтобы вздремнуть.

У кровати с наволочкой в руках стояла молодая женщина — как все немки, блеклая и худая. Ровная, как жердь, в бесформенном платье и без намека на женственность.

«А вот и нацистка...» — отстраненно подумал Ноэль.

Бросив быстрый взгляд на француза, Грета отвернулась и продолжила заниматься постелью. Единственное, что она успела заметить — рыжий цвет волос постояльца. Нет, не яркий и, пожалуй, далеко не редкий, но совершенно неожиданный в ее серой жизни. Она взбила подушки, расправила одеяло и у самого выхода, не глядя на офицера, негромко сказала:

— Чистые полотенца в шкафу.

— Вам следует также озаботиться ужином! — подал голос капрал. — Господин лейтенант с дороги теперь будет отдыхать. Продукты в машине. Впредь вас не будут этим обременять.

— Да, господин офицер, — кивнула Грета и посмотрела на Рихарда. Они и сами понимали, что рано или поздно в их доме окажется какой-нибудь француз, как уже во многих других домах. Но она надеялась, что в их тихую жизнь не вмешаются еще долго. Мало ей своих забот...

— Я спущусь в семь, — бросил Ноэль. — Если возможно, не могли бы вы принести сюда графин с водой.

Грета снова кивнула и, наконец, покинула комнату. Спускаясь в кухню, она пыталась представить, что она может приготовить французам, чтобы его это устроило, и чтобы он не обвинил их... да какая разница, в чем именно. Например, решит, что она желает его отравить.

Однако боязнь быть отравленным была последним, что беспокоило Уилсона. Наибольшее желание, какое он сейчас испытывал — это просто выспаться. Отъезд в Констанц в качестве переводчика генерала Риво получился внезапным и почти спонтанным. Война закончилась, но, наверное, теперь-то все и начиналось. Надежда вернуться домой, в Париж, сразу после победы оказалась всего лишь надеждой. Не все надежды сбываются. Оставалось мечтать об отпуске, чтобы просто повидать мать и отца. Если повезет — брата. О том, чтобы вернуться к науке речи не шло. Он застрял в военной форме, в этих офицерских погонах и в собственных способностях к языкам. Которые оказались так кстати теперь, после освобождения.

Он устало разделся и завалился на постель.

Белье было накрахмаленным, чуть царапало кожу. Взгляд, скользнувший по беленому потолку, выхватил абажур из растянутой по пышному каркасу выцветшей оранжевой ткани, которая когда-то, видимо, была красной. По самому краю он был украшен листовым орнаментом. Ноэль поморщился. Довольно ветхое и жалкое украшение для комнаты. Он живо представил себе мать в вечернем платье и с идеальными волнами темных волос, какой она бывала до войны, когда они выбирались куда-то. В ее доме никогда в жизни не могло обнаружиться такого уродства.

Он повернулся набок. Комната была хорошей, но, видимо, в ней давно уже никто не жил — слишком чистая, только выдраенная до блеска. И все-таки пахло в ней домом. Обитаемым домом с живыми людьми. Он ему понравился. Старый солдат, наверняка воевал в первую мировую. Она — нет. Невзрачная, хмурая, с угрюмым ртом.

Оба вполне ожидаемо станут его ненавидеть. Ноэль же разучился ненавидеть. Они были слишком жалки, и их было слишком много. Всех ненавидеть невозможно.

Он уснул крепким сном, будто провалился куда-то в черноту. Последние шесть лет проваливался. Яркие сны, какие снились ему годы назад, давно уже перестали приходить.

Вскочил с постели, когда комната была освещена лучами заходящего солнца, лившегося из окна откуда-то слева. Долго приходил в себя, пытаясь понять, где он, и не узнавая этого места. Потом вспомнил. Оделся и спустился вниз в пять минут восьмого.

Рихард Лемман, сидевший на лавке под лестницей с какой-то книгой, молча кивнул ему на одну из дверей в коридоре.

— Благодарю, — негромко бросил Ноэль и, не дожидаясь ответа, вошел в комнату, оказавшуюся гостиной. Здесь тоже было довольно просторно. И был настоящий обеденный стол, накрытый скатертью бледно-голубого цвета. У стола, раскладывая приборы, стояла Грета. Услышав, как открылась дверь, она подняла голову. По лицу ее нельзя было определить, о чем она думает. После она снова внимательным взглядом окинула стол, на котором в бабушкином пока не проданном праздничном сервизе накрыла ужин на одного, ровнее поставила тарелки, поправила салфетку и вышла из гостиной.

Он хотел окликнуть ее, но передумал, понимая, что ужинать с ним это семейство не будет. Еще он очень хорошо уяснил, что, кроме как о самом необходимом, с ним никто говорить не собирается. Впрочем, последнее, может быть, и к лучшему. Он легко переносил одиночество. Пожалуй, им тоже так проще.

После ужина, наконец, привезли его чемодан. Ночью почти не спал — выспался за день. Сначала перечитывал письмо отца. Потом, уже выключив свет, смотрел в оконный проем. Было душно — за день второй этаж нагрелся от раскаленной на солнце крыши. Ощущения внутри были в чем-то схожи, видимо, с тем, что мог бы испытывать цыпленок, если бы запекался живым в духовке. Не выдержал, встал и дернул ручку окна на себя. Когда ночной воздух ворвался в комнату, он шумно втянул его носом и вдруг подумал о том, что вот так теперь ему и жить — неизвестно, как долго, и неизвестно для чего.

Жара держалась стойко и даже у озера не давала забыть о себе. Хотя об озере тоже оставалось только мечтать — все дни проходили в тесных захламленных кабинетах комендатуры.

В Констанце Юберу не нравилось. Он совсем не походил на другие города, виденные им за шесть долгих лет войны, в которую он вошел двадцатидвухлетним су-лейтенантом, уверенным в том, что его силами победа станет непременно ближе. Спустя полгода он оказался в немецком лагере для военнопленных. И, пожалуй, это было самым спокойным временем за всю войну — за проволокой. Он протянул так три недели. И стал планировать побег, который сумел осуществить лишь через несколько долгих месяцев, за время которых, как он потом узнал, была расстреляна его семья в Лионе, оказавшаяся замешанной в действиях Сопротивления.

Из войны он вышел, пожалуй, еще более резвым. Но к резвости добавились злость и несколько седых волосков в челке, делавшей его молодое лицо с крупным носом и энергичным подбородком почти хулиганским. Вернись он теперь в родной город на свою улицу, его бы считали героем, говорили бы, что всегда знали, какого сына воспитал старина Виктор. Самого себя Анри Юбер героем не считал, так и не определив, за что же его повышали в чинах и давали награды. В то время как он только пил и насиловал женщин, если те говорили по-немецки. Нет, определенно, он бы не хотел попасться на глаза старине Виктору после всего. И сделал закономерный вывод: если души родителей смотрят на него из облаков, то проще заделаться атеистом и не думать об этом вовсе.

Теперь он ведал сбором сведений о семьях, в чьи дома рекомендовалось расквартировывать офицерский состав, формированием списков и регистраций и прочей бумажной ерундой, которая уже через неделю заставила его почти что взвыть. Иногда он думал о том, как жаль, что война закончилась — хотя бы не приходилось заниматься всякой чепухой и умирать от скуки. Он чувствовал себя почти как за проволокой. Только теперь был по другую сторону. В конце концов, тюремщик едва ли более свободен того, кого он должен стеречь.

Но случались и маленькие радости. К примеру, пиво колбасники варить за время войны не разучились.

— Исходя из любви к Германии и немецкому духу, Вагнер создал «Кольцо Нибелунгов». Из тех же побуждений Гитлер сжег Европу, — ворвался в не вполне трезвую голову Юбера голос Уилсона.

— Ты сумасшедший, если всерьез думаешь о причинах и следствиях, — ответил Юбер. — Кто об этом думает?

Осмотрел зал, заполненный по большей части солдатами в это время. Но кое-где встречались и обыватели из местного населения. Юбер выхватил взглядом старика в добротном костюме, весьма на вид солидного.

— Смотри, — кивнул он. — Вот этот. Он вообще не думал, ему некогда было думать и незачем. Как и нам. Он пил пиво в питейном заведении и читал газету. И сыновья его так же пили пиво, жрали сосиски и читали газеты. Организм усваивал все скопом.

Ноэль нахмурился и уставился в свою кружку. Его счастье. Изучению действительности он всегда предпочитал изучение прошлого.

Они встретились впервые в Лионе, куда Юбер вернулся после побега из лагеря для военнопленных. Тогда он узнал о гибели своей семьи. Дом не пустовал. В нем жила другая семья, которой его сдала тетка. Потом в родном квартале даже и с фальшивыми документами стало оставаться опасно. И он уехал в пригород, к друзьям. Это было началом. У них он впервые примерил баскский берет. И за долгое время был приставлен к делу — тоже впервые. Но все казалось по мелочам, ничего серьезного, в то время как душа просила чего-то настоящего, стоящего, чтобы слышно было за Альпами. И это случилось. К ним в группу пришел Уилсон со словами: «Я знаю, как устроить гибель Петера Линке».

Ему доверились. Юбер первым доверился. Именно потому, что Уилсон больше всех рисковал в этом деле. Тогда Анри решил, что историк — отчаянный смельчак. Оказалось, нет. Оказалось, мстил. И это тоже было ужасно скучно. Юбер убийцам своих родителей не мстил. От смерти нескольких причастных ничего не исправится. Легче станет лишь тогда, когда они все будут унижены, раздавлены, убиты.

— Я устал от этого, — снова вернул его к действительности Ноэль. — Сколько это будет еще продолжаться? Я думал, закончилось.

— Дурак, все еще только начинается, — скрежетнул зубами Юбер. — По-твоему, они достаточно поплатились?

— Я не знаю. Я говорю о себе.

— Тебе вообще нельзя было воевать. Ты для того слишком мягок.

— Если бы все были вроде тебя, то здесь все было бы в крови, — спокойно ответил Ноэль.

Юбер криво усмехнулся, взял в руки кружку и жадными глотками выпил все ее содержимое. А потом легко бросил:

— Не волнуйся, мой дорогой друг. Пройдет время, и я успокоюсь. Как ты можешь судить, после объявления мира еще ни один от меня не пострадал. Все, что было, осталось в горах. Форма сдерживает порывы души. Но я уже привыкаю.

— Закиснешь, — с улыбкой ответил Уилсон.

— Черта с два! Не раньше тебя.

Юбер громко присвистнул, чтобы привлечь к себе внимание, а потом крикнул:

— Хозяин, еще две кружки!

— Я свое еще не допил! — запротестовал Ноэль.

— Иди к черту! Я планирую надраться!

— А... ну удачи! — отмахнулся Ноэль и вдруг увидел у стойки хозяина заведения фрау Лемман.

— Это пиво отнесешь туда, — хозяин указал в угол погребка, где весело шумела компания солдат, — а потом вернешься за заказом для господ офицеров.

Женщина устало кивнула. Она смотрела, как огромная кружка в его руках медленно наполняется прозрачной жидкостью с густой белой пеной, и думала лишь о том, что болят ноги. Ноги болели сильнее всего, гудели даже во сне. Грета засыпала с этой болью и с нею же просыпалась. Бесконечные часы, которые она проводила в постоянном движении между густо расставленными лавками от стойки к посетителям, почти каждый из которых считал долгом ухватить ее за первое попавшееся место, становились для нее наказанием. Единственная же ее вина заключалась в том, что она родилась не в то время и не в том месте. Но мог ли хоть один человек похвалиться тем, что угадал со своим рождением? Ей, бывшей учительнице, о таких не было известно.

И Грета терпела.

Пивной ресторанчик на одной из боковых улиц старого города оказался единственным местом, куда ее взяли. Грета была уверена, что не без помощи Рихарда, который считался здесь завсегдатаем и водил дружбу с Гюнтером Тальбахом, хозяином заведения. Но единственное, что она хотела и умела делать, — учить детей. И потому в свои редкие выходные продолжала ходить по школам. Продолжая везде слышать отказ.

Подхватив со стойки приготовленное пиво, фрау Лемман привычно двинулась среди грубо сколоченных столов. В этот момент старые часы пробили четверть шестого, после чего пружина в них ржаво и неожиданно громко скрипнула. Грета вздрогнула, споткнулась о лавку, и несколько кружек, выпав из ее рук, звонко разлетелись осколками в темной луже. Следом за ними на полу оказалась и сама Грета, съезживаясь от грозного крика герра Тальбаха, тут же раздавшегося под низким потолком. Этот толстый, постоянно вытирающий пот со лба грязным полотенцем, лысоватый человек даже разговаривал так, словно командовал на плацу, ничуть не стесняясь в выражениях, а теперь от его гневного голоса порванный чулок становился сущим пустяком.

Потирая ушибленную коленку, Грета поднялась на ноги.

— Криворукая кляча! — возмущенно рявкнул один из солдат, которого она облила.

Тут Уилсон вскочил с лавки и рванул в сторону участников неприятной сцены, не услышав возмущенного оклика Юбера: «Ээ! Ты куда?»

Почему-то он видел сейчас только перепуганную женщину, другое его не зацепило. Грубости он так и не научился выносить.

— Постираете, Мартен! — бросил он солдату с облитыми брюками. В голосе его теперь зазвучали угрожающие ноты. И капрал Мартен, числившийся последние пару недель в охране генерала Риво, замолчал.

Ноэль перевел взгляд на фрау Лемман и, не зная, что ей сказать, и надо ли что-то говорить, настороженно всмотрелся в ее лицо.

Грета хмуро поджала губы. Ее смутило то, что лейтенант Уилсон оказался здесь и все видел, что отчитал солдата, пострадавшего по ее вине. Она запоздало кивнула Ноэлю и скрылась в кухне: надо было прибраться в зале, чтобы избежать новой порции ругательств Тальбаха.

Уилсон же молча вернулся к своему столу. Он чувствовал себя обескураженным произошедшим, особенно собственным вмешательством — то, что казалось ему нормальным в прежней жизни, довоенной, теперь воспринималось словно бы... с какой-то натяжкой, какой-то неестественностью.

— И что это было? — недовольно протянул Юбер. — Я тебя за шиворот схватить не успел, ты за каким чертом влез?

— Пей свое пиво, — негромко ответил Уилсон.

— Шевалье хренов!

— Послушай, — устало и примирительно сказал Ноэль, — я у нее живу. Я не могу сделать вид, что я ее не знаю.

Юбер ухмыльнулся и живо посмотрел на дверь в кухню, за которой скрылась официантка, словно ожидая, что та вот-вот появится. Но показалась другая девушка. Лицо его исказилось от злости. Собственно, когда Юбер был пьян, он обычно начинал злиться. Эта его черта была неискоренима.

— Так вот вы какая, фрау Маргарита Лемман, — отвратительным голосом медленно

поговорил Юбер и рассмеялся, а потом обернулся к Ноэлю: — Это ты послушай! Ты не у нее живешь! Ты живешь там, где тебя расквартировали. И пусть спасибо скажут, что их в доме оставили!

— Перестань, Юбер! Она всего лишь женщина, и она допустила оплошность. Это не повод обращаться с ней, как с животным.

— Она женщина, и это еще хуже! — рявкнул Юбер. — Нашел, кого пожалеть! Самку, единственное предназначение которой — раздвигать ноги перед солдатами Вермахта и рожать им новых солдат! Племенная кобыла! Сука в течке. Породистая арийская сука!

— Ты пьян!

— К черту пьян! А вот, что я расскажу тебе. Дурацкая история. Тебе не понравится. Она про одного французского мальчика... Назовем его Анри. И одну французскую девочку... Мадлен. Так вот... Пока мальчик торчал в каком-то вшивом шталаге в Меце, а его семью убивали эсэсовцы в Лионе, в другом конце города в маленький отель, принадлежавший тетке Анри, поселили восемь немецких солдат, а тетушка и ее дочка... Мадлен, перешли в пристройку, где и жили себе, стараясь не показываться немцам на глаза лишней раз. Они даже думали переехать в домик семейства мальчика Анри. Раз уж тех так вовремя расстреляли. Но немножечко не успели. Чуть-чуть. Кузина Анри очень уж понравилась тем солдатам... И как раз ко времени что-то там доблестная армия Третьего Рейха заняла... Было что отметить, и было с кем отметить. И они, все восемь, насильовали Мадлен двое суток раз за разом, раз за разом, по одному, по двое... Тетка ничего не видела, ее привязали к батарее в соседней комнате. Но там была отличная слышимость. Она два дня прожила, слушая сначала вопли и крики, потом стоны, потом уже только скрип кровати. И понимала, что когда все смолкнет, значит, девочка умерла. Ей было без малого шестнадцать... Разрывы, кровотечение... что там бывает у девочек... Черт подери, Уилсон, они двое суток насильовали мою пятнадцатилетнюю кузину, пока я гнил в этом чертовом шталаге!

Юбер схватился за кружку и стал жадно пить, не чувствуя, как пиво тонким ручьем стекает с уголков его губ по подбородку, по шее, за вырез рубашки.

— Она выжила? — хрипло спросил Ноэль.

Анри дернулся, пролив еще немного, и поставил кружку на стол. Потом поднял глаза на Уилсона, и в пьяном его взгляде была чернота.

— Она выжила. Пришел офицер... Вроде твоего обер... Этот порядочный был, пожалел двух баб. Солдат перевезли куда-то, тетку отвязали, доктора нашли. К вечеру привезли пакет картофеля, муки и сумку с армейскими консервами и шоколадом. А потом тетка два раза вытаскивала свою дочь из петли. Мало тебе? Когда мне было тринадцать, а Мадлен шесть, она сказала мне, что все равно не знает никого, красивее меня, и предложила сбежать и пожениться. Я обещал ей, как только вырастем.

— Что с ней теперь?

— С ней? Да ничего. Так и живет в Лионе. Голос потеряла. Связки повредились, когда второй раз вешалась. Она мечтала до войны учиться в консерватории. Когда-то у нее был красивый голос. Не очень сильный, но красивый.

— Мне жаль.

— Ни хрена! Мне станет легче, если ты затолкаешь в рот добропорядочной фрау Лемман свой член по самые яйца, — заявил Юбер и пьяно расхохотался.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Ноэль. — Все, собирайся, тебе проспаться нужно. Я отведу тебя домой.

— А не пошел бы ты?

— Угу, вместе пошли. Ножками, мальчик Анри, ножками.

Утро не задалось с самого пробуждения. Остатки кофе, который строго, по крупице использовался в случае приступов головокружения, что мучили Рихарда последние месяцы, подошли к концу. В обычное время Лемманы, как и большинство соседей, вместо кофе заваривали перемолотые корни одуванчиков. Иногда Рихарду казалось, что куда как вкуснее попросту пожевать ботинок. Но ботинки было жалко. А травы во дворе много. Еще и не то попробуешь.

Ничего из продуктов, принесенных лейтенантом и молча оставленных на кухне, куда он сам больше и не заглядывал, они с Гретой не брали. Еще не хватало, чтобы их обвинили в воровстве. Хотя Рихард прекрасно понимал, что француз, следуя непонятно каким соображениям, принес эти несколько банок тушенки им. Тушенку — к черту. От чашки кофе Рихард бы теперь совсем не отказался.

В такие моменты он, как никогда, чувствовал себя беспомощным. Чувство было отвратительным и не поддающимся никакому укрощению. Его могла бы спасти деятельность, хоть какая-то... Но работу найти здесь, в Констанце ему, инвалиду, так и не удалось. Он гнал от себя воспоминания о Гамбурге, где было все — свое дело, свой дом, своя семья. Кому теперь нужен чертов антиквариат? Впрочем, и тот где-то под развалинами, разгрести которые и жизни не хватит. Хуже всего то, что его на своих плечах тащит Грета. Как и все остальное. А он, старая развалина, и помочь ничем не может!

Рихард поморщился, посмотрел на свою чашку с отваром, который теперь принято было характеризовать «даже немного похоже на кофе», и негромко чертыхнулся. В доме с утра стояла привычная уже тишина. Грета, конечно, оббивает пороги школ — никак не успокоится. Француз на службу все еще не ушел, но он оказался не хлопотным. В его комнате всегда была тишина, друзей не водил, питался не в доме. Присутствие его оказалось наименьшим злом из того, что им пришлось пережить. Хотя и раздражало.

Сверху скрипнула дверца — шкаф открыл. Надо бы смазать... Рихард снова поморщился и отпил все-таки из чашки отвар. Потом поднялся со стула и выплеснул остатки жидкости в раковину.

— Сыт, — буркнул он под нос и направился в свою комнату. Взял было с полки книгу и тут же вернул ее на место. Темень непроглядная, а все этот кашган за окном! Срубить его к чертовой матери! Так где в жару тень взять? Только здесь и можно спастись. Да и Грета любила это бестолковое дерево.

Совершенно рассердившись, Рихард отправился в коридор, где под лестницей была дверца в кладовую с садовым инвентарем. Найдя там внушительную пилу, довольно ржавую и решительно тупую, снова чертыхнулся и пошел на улицу. Бороться за луч света в собственной комнате!

Но это оказалось не так уж просто. Ветка, упиравшаяся в окно, хоть и росла достаточно низко, но на стул становиться пришлось. Да и одной рукой, ни за что не держась, много не напилишь. Удивительно, а ведь еще каких-то три-четыре года назад ему в голову не приходило сердиться на себя из-за увечья. Он прожил без руки без малого тридцать лет и давно смирился с этим. Жизнь шла своим чередом. И он со всем научился справляться одной рукой. К счастью, правой. Левая иногда напоминала о себе тем, что болела на погоду, а временами и просто так, видимо, чтобы просто болеть. Ему до сих пор казалось, что она все

еще есть у него, именно из-за этой боли. Только потом он вспоминал, что всего лишь обрубок. Память тела — самая крепкая и надежная память. Но это давно не трогало его. А теперь всякая мелочь выводила из себя. Сдерживался только при Грете — ей еще его концертов только не хватало.

В конце концов, дело пошло. Медленно, тяжело, но пошло. В стороны полетели опилки, мышцы заныли, пот по лбу покатился. Над головой громко хлопнуло окно, но Лемман на это даже особого внимания не обратил. То, что француз курит в комнате, было очевидно. И, конечно, в форточку. Однако сейчас это все его не особенно трогало. Он был занят. Чертовски занят...

Через пять минут мучений Лемман слез со стула, прислонил пилу к стволу каштана и благополучно уселся на землю. Он тяжело дышал, сердился, ненавидел свою немощь и весь белый свет в придачу. Снова с тоской подумал о кофе на полке в кухне, который трогать было никак нельзя. Ради самого же себя. А потом, будто в ответ на его мысли и гнев, во дворе показался лейтенант Уилсон. Он некоторое время смотрел на немца. Тот, чувствуя на себе этот тяжелый взгляд, но при этом понимая, что во взгляде нет ни любопытства, ни жалости, заставил себя разомкнуть губы и сказать:

— Доброе утро, господин лейтенант.

— Доброе, — бросил француз и решительно направился к каштану.

Уже через минуту Рихард Лемман с немалой долей изумления наблюдал, как Уилсон, взобравшись на стул, пилит ветку, измотавшую все его нервы. Он справился с ней быстро — две руки и силы молодости. А потом, когда ветка с треском отвалилась и оказалась у его ног, быстро повернулся к Рихарду и спросил:

— Мне распилить ее еще?

— Нет, господин лейтенант, пусть сохнет, как есть. Отнесите ее на задний двор. Будет, чем зимой топить.

Уилсон кивнул, легко подхватил ветку и пошел прочь. Пока Лемман мысленно рассуждал о том, останется ли у них этот постоялец до самой зимы, к дому подъехал автомобиль и просигналил. Каждое утро на нем Уилсон ездил на службу в комендатуру.

Рихард, чувствуя себя разбитым, поднялся с травы и направился в дом — именно сейчас встречаться лишний раз с лейтенантом ему совсем не хотелось.

«Когда весь мир катится к чертям, всегда найдется француз, который не выстрелит... Или, по крайней мере, поможет спилить ветку проклятого каштана!» — рассерженно думал он, а перед глазами всплывали минуты последнего дня его спокойной прежней жизни, возврата к которой быть уже не может.

Два года прошло... Он и сам не верил, что это возможно. Да, да... ровно два года, за время которых он ходил, дышал, жил...

Оказывается, воспоминания иногда ярче жизни. Потому что теперь он почти посекундно помнил тот день. 29 июля 1943 года. Точно, как сегодня, проснулся, чувствуя ноющую боль в обрубке, бывшем когда-то его левой рукой. Ночь они провели у себя дома, а не в бомбоубежище, и она оказалась спокойной. Хильда уже копошилась у шкафа, собирая сумку. После последних событий было принято решение уходить из города. Остаться в Гамбурге и теперь — невозможно. Им хватило предыдущей ночи, когда было снесено и сожжено несколько улиц. Говорили, что люди в бомбоубежищах горели заживо, кожа и кости плавилась. Но думать об этом сил не хватало — чуть задумаешься, их совсем не станет. Лемманам чертовски повезло, что они оказались на другом конце города. Но сколько

еще может так везти?

— Где Грета? — старательно тихо спросил Рихард, не желая разбудить громким голосом Гербера, который впервые за несколько суток спокойно заснул. Что взять с ребенка? А усталость свое всегда берет.

— Ушла на рынок, — хмуро отозвалась Хильда.

— Какой к черту сегодня рынок?

— Обыкновенный. Хлеба купить. Ты его чем кормить будешь? Травой? — женщина кивнула на комнатку, в которой спал мальчик.

Рихард тряхнул головой и встал с постели. Он никак не мог в толк взять, как это так получается, что теперь придется оставить собственную квартиру, которую они только несколько лет назад с таким удовольствием обставляли. Оказалось, что все просто. И выбора никакого в том нет.

Он подошел к Хильде, присел на пол и стал доставать с нижней полки ботинки и туфли. Следовало их тоже упаковать.

— Эту пару оставь! — сердито вскрикнула Хильда. — Не на бал иду.

Он кивнул и поставил туфли на место. И некоторое время еще смотрел на них. Они были из черной лаковой кожи с красными вставками и на каблуках. Очень красивые. В них можно было чувствовать себя киноактрисой, вроде Марики Рекк. Впрочем, Хильда и впрямь немного на нее походила. Только была старше и полнее. Туфли она надевала от силы пару раз, хотя, когда увидела их на витрине магазина, не могла отвести взгляд — пришлось раскошелиться. Были и у них хорошие времена.

Он вдруг дернулся к ней, прижался щекой к ее коленям, обхватив их здоровой рукой. И прошептал:

— Все будет хорошо, увидишь.

— Не будет, — тихо всхлипнула Хильда, сжимая его костлявые плечи пальцами. — Никогда ничего уже не будет. Грета придет, а я плачу — что ж хорошего? Она так и не знает, что с этими ее Земперами — они были в Хаммерброке... С утра соседка сказала, до сих пор асфальт дымится. Нет, ты все-таки возьми эти чертовы туфли. У нас с ней почти один размер — всегда можно засунуть вату в нос. Хотя ей-то куда их носить?

— Так мне упаковывать твои дурацкие туфли или нет?

— Бери, сказала!

Потом они уже ничего не говорили, только деловито и молча складывали вещи. Забежал Свен — помощник в антикварной лавке. Попросил ключ — у него все еще оставались там какие-то вещи. Сказал, что они с женой уезжают из города — в деревне оставался дом его брата, погибшего на Восточном фронте.

— Мне тоже не мешало бы сходить, — бурчал Рихард, когда Свен убежал с ключом.

— Господи, что ты там забыл? Торшер восемнадцатого века? — ворчала Хильда.

Они даже не сразу услышали оповещение. Звук сирены долетел до них сквозь стекло, все еще державшееся в окне, несмотря на то, что в некоторых соседних домах от звука бомбардировок стекла повывлетали. Хильда только вскинула брови и негромко сказала: «Ненавижу...»

Греты все еще не было.

«Должна же она догадаться просто спуститься в ближайшее бомбоубежище!» — сказал тогда Рихард.

Все снова было механически. Хильда пошла спешно собирать Гербера. Тот хныкал и

просил остаться дома. Рихард помчался выкуривать из лавки Свена и все запирасть. Еще не хватало, чтобы кто-то стащил тот самый чертов торшер восемнадцатого века.

Вернулся он в ад. Ад, в котором у него больше не было ни жены, ни внука, погребенных под развалинами дома, в котором они жили.

— Мне велели явиться к десяти, — негромко сказала Грета дежурному на входе в комендатуру. — Фрау Лемман.

Она смотрела на плечи военного, пытаясь вспомнить, какое у него может быть звание.

Когда-то давно Фриц учил ее разбираться в нашивках и погонах, а Грета лишь улыбалась и отмахивалась от мужа. Какое имело значение, что за нашивки были у него самого, если она столько лет ничего не знает о нем? И важно ли, что за погоны носит тот, кто вызвал ее сюда?

— Капитан Юбер... — услышала она.

Дежурный что-то записал в своем журнале и указал на дверь рядом.

— Сюда! — коротко бросил он. — Ждите.

Грета зашла в небольшую комнатку, то ли гардеробную, то ли буфетную. И так и осталась стоять посредине, не зная, что делать дальше. Минут через десять появилась женщина средних лет, невысокого роста и с острым взглядом темных глаз. Она быстро, умело и тщательно обыскала сначала Грету, потом ее сумку и кивнула на дверь.

Грета вновь оказалась перед дежурным.

— Капитан Юбер, — повторил офицер, — второй этаж, комната номер двадцать два.

Кивнула, медленно поднялась по лестнице. У двери кабинета, который оказался в самом конце темного коридора, никого не было, и Грета несмело постучала.

— Войдите! — донеслось до нее. У говорившего был сильный французский акцент.

Толкнув дверь, вошла в кабинет и остановилась в шаге от двери.

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Меня вызвали... Фрау Лемман.

— Да, я помню, — сказал капитан и кивнул на стул напротив своего стола. — Присаживайтесь, фрау Лемман.

Немного помолчал, дождавшись, пока она сядет, внимательно посмотрел в ее лицо. Пошарил по столу, выдернул из кипы бумаг какой-то лист и продолжил:

— Маргарита Лемман, тридцать лет. Мне поручено составить список национал-социалистов в соответствии с их трудоустройством. Как я понимаю, на момент работы в школе, вы состояли в партии?

— Да, господин капитан.

— Сейчас школы закрыты. Но вы были уволены ранее?

— Да, господин капитан.

— По какой причине?

— Директор счел, что я слишком подвержена влиянию со стороны.

Юбер чуть заметно улыбнулся и бросил лист на стол.

— А вы подвержены? — поинтересовался он.

Грета молчала.

Когда мачеха родила ребенка, отец велел оставить на год школу.

Когда она выбрала профессию учительницы, она должна была вступить в партию.

Когда она попросила Фрица отложить свадьбу на год, он ответил, что тогда она может забыть о нем навсегда.

Ей всю жизнь говорили, что делать. И она делала. Так, как ей говорили.

— Да, — наконец, ответила Грета.

— Хорошо, — проговорил капитан, а потом бесстрастно спросил: — Где вы работаете теперь?

— В погребке герра Тальбаха в Альтштадте, господин капитан.

— Получаете продуктовые карточки?

— Да.

— Если бы сейчас для вас нашлось место... вы преподавательница в младших классах? Если бы нашлось место, вы оставили бы Тальбаха?

— А это возможно? — голос фрау Лемман дрогнул.

— Школы закрыты, учебный год, вероятнее всего, в срок начат не будет, учителей не хватает. Как вы понимаете, преподавательский состав будет проверен и утвержден позднее. Вы ожидали победы Германии в войне?

Грета опустила голову и ответила достаточно громко, чтобы капитан Юбер ее услышал:

— Да.

Каждому было хорошо известно, где заканчивали свои дни те, кому хватало смелости не ожидать победы.

Капитан широко улыбнулся и встал из-за стола, обогнул его и оказался возле фрау Лемман.

— Итак, вы, член НСДАП, желавший победы Германии, теперь хотели бы учить детей? Верно?

Она хорошо понимала, что именно так и выглядит ее намерение остаться учительницей. Она также понимала, что, если бы все повторилось, она прожила бы свою жизнь точно также.

— Верно, — хмуро подтвердила Грета.

— Кофе хотите?

— Кофе?

— Кофе, — его взгляд теперь был самым доброжелательным. Прежней сухости вопросов и интонаций, будто не бывало.

— Нет, — отказалась Грета и посмотрела в лицо капитану.

Она смотрела — и не видела. Цвет волос или глаз не имел никакого значения. Все французские военные были для нее похожи друг на друга.

— Неужели я услышал от вас слово «нет»? — рассмеялся Юбер. — Гитлер нравился вам?

— Что вы имеете в виду?

— У нас говаривали, что самая добропорядочная жена и мать могла бы отдаться ему, пожелай он. Это так?

— Я не могу отвечать за всех.

— Отвечайте за себя, — доброжелательность исчезла. Теперь в голосе появилось что-то новое, чего в их разговоре ранее не было. Что-то неприятное, липкое, отчего хотелось вымыть руки и лицо.

— Как часто мужчина, обладающий властью, считается с желанием женщины? — кажется, впервые за все время разговора фрау Лемман посмотрела в глаза капитану — темные и такие же неприятные, как и его голос.

— Случается и такое. Я знаю, что вы желаете получить возможность вернуться к профессии, а вы знаете, чего хочу я. Насилие в мои планы не входит — отбивает всякое удовольствие. Приходится считаться.

— То, что вы говорите — отвратительно, — ровным голосом проговорила Грета.

— Не более отвратительно, чем, имея мужа, мечтать оказаться в постели с фюрером, — капитан Юбер присел перед ней и протянул руку, коснувшись ее щеки, потом провел пальцами по коже к губам и остановился: — Нравился он вам или нет? Настолько, что за него вы отправляли мужей на войну?

— Прекратите, — она отстранилась от его руки, — я никого и никуда не отправляла.

Француз тихо рассмеялся и встал.

— Вероятно, вас будут вызывать еще. Неважно, по каким вопросам. Сами понимаете — проверки, списки. В школу вас не возьмут. Членам НСДАП путь заказан. Можете забыть с работе преподавателя. Во всяком случае, до тех пор, пока не передумаете по другим пунктам нашего нынешнего разговора. Вам все ясно?

— Мне ясно, господин капитан, — ответила Грета.

Все было предельно ясно. В школу ей не вернуться никогда. Недвусмысленно высказанное предложение капитана Юбера было не приемлемо даже ради любимой работы. В конце концов, пока Тальбах терпит ее, пока в доме есть еще несколько вещей, которые можно продать, они как-то проживут с Рихардом. Интересно, лейтенант Уилсон оставил тушенку с тем же намерением, что и капитан? С той разницей, что не высказался столь прямолинейно. Грета нахмурилась. Эта мысль задела ее. Стало обидно, что это может оказаться правдой. Уилсон отличался от многих других, которых сейчас, казалось, было бесчисленное множество везде: на улицах, в пивных, в лавках, в учреждениях. Ей иногда казалось, что французскую речь она слышит чаще, чем немецкую. Потому что немцы старались помалкивать, тая свои мысли не только от чужаков, но и от своих.

И все же Уилсон такой же, как все остальные.

«Надо попросить Рихарда врезать в дверь замок», — думала Грета, когда услышала звонкий детский голосок, рассказывающий о Петере Мунке.

Она разглядела среди листвы мальчишку лет восьми, сидящего с книгой в руках на крыльце дома, мимо которого проходила каждый день. Грета неслышно прошла между деревьями и остановилась, скрываемая все еще густой зеленью, которая только-только была подернута осенью, не вполне вступившей в права. Август заканчивался...

— Так дальше продолжаться не может, — неправдоподобно весело, явно совсем не по делу, голосил мальчишка, — если мне не повезет, я наложу на себя руки. Был бы я так же уважаем и богат, как Толстяк Эзехиль, или так же смел и силен, как Долговязый Шлуркер, или так же знаменит, как Король Танцев, и мог бы, как он, бросать музыкантам талеры, а не крейцеры! Откуда только взялись у него деньги? В самом деле, Канцлер, откуда? — мальчик посмотрел куда-то вниз, под крыльцо, где из кустов торчал кошачий серый хвост, и добавил: — Вот, к примеру, были бы у меня деньги, купил бы еды и тебе, и себе. Себе, конечно, больше, я ж человек все-таки. Но и тебе перепало бы, честное слово! Дальше будешь слушать?

Прислушиваясь к словам мальчика, Грета подошла еще ближе. И с удивлением заметила, что ребенок внимательно смотрит в книжку, которую держит верх ногами. Он повторял сказку почти слово в слово. И если бы она своими глазами не видела перевернутый текст, то была бы уверена, что ребенок читает.

— Привет! — улыбнулась она мальчишке. — А про Маленького Мука знаешь?

Мальчик поднял свою белобрысую голову и очень серьезно посмотрел на Грету.

— У нас этой книги нет! — заявил он. — Я ее не читал.

— А если я тебе принесу, почитаешь мне? Как своему коту, — и она кивнула на кошачью морду, появившуюся из-под крыльца.

— А у вас есть? — глаза ребенка вспыхнули, но тут же погасли, и он смущенно добавил: — Но я новые книги не так хорошо читаю, как те, что уже читал.

Грета взяла книгу, перевернула ее и вложила обратно в руки мальчишки.

— Мы можем почитать вместе. Как тебя зовут?

— Отто Бауэр. А вы — фрау Лемман, я вас знаю! Вы раньше работали в школе и каждый день ходили этой дорогой мимо нашего дома.

— А сам ты в какую школу ходишь, Отто Бауэр? — спросила Грета и коснулась ладонью его волос.

Мальчик отстранился и перевел взгляд на кота.

— Я не хожу, — ответил он и тут же крикнул: — Канцлер, иди сюда!

Кот фыркнул и скрылся в кустах.

— Сейчас каникулы, — Грета кивнула. — Но скоро начнется новый учебный год.

Обязательно начнется, не могут же школы закрыть навсегда. В горле тоскливо заворочался ком.

Мальчик только мотнул головой.

— Не хожу, — повторил он.

Грета присела рядом с Отто на ступеньку, долго разглядывала его худое, немного упрямое лицо, тонкие руки, крепко вцепившиеся в книгу, острые коленки и смешные вязаные тапочки на ногах. В таких не бегают по улице и не ходят в школу. И выглядели они так, будто в них вообще не ходят, даже дома.

— А если я буду иногда приходить к тебе, будешь учиться? — ласково спросила Грета.

— Читать? — живо переспросил мальчик.

— Читать. Писать, считать.

— Правда? И станете ходить? То есть... Мама хотела меня учить, но... — сбивчиво заговорил ребенок, и голос теперь его был и серьезным, и восторженным. — Она говорит, ей и спать некогда... А в школу меня носить каждый день некому. Я ведь не хожу.

— Стану приходить, — Грета кивнула. — Я поговорю с твоей мамой и стану приходить.

— Только я вру, что умею читать, — честно сказал Отто. — Я просто все помню, что рассказывают.

Тихонько рассмеявшись, фрау Лемман ответила:

— Тогда будешь учиться читать и учиться не обманывать.

Осень 1945 года

Сидя за столом, Грета чистила небольшую репу, которую обнаружила сегодня в своей сумке. Все, что ей оставалось — подчиниться железной воле фрау Бауэр, прекрасно теперь осознавая, в кого удался нравом маленький Отто. Однажды, еще в первые недели уроков с мальчиком, Грета обнаружила у себя в сумке вареное перепелиное яйцо. К несчастью, к тому времени она уже успела вернуться домой. Пришлось снова обуваться и мчаться к дому, в котором она теперь проводила немало времени. Никогда ей не забыть поджатых губ Генриетты Бауэр, когда та поняла, зачем вернулась учительница.

«Даже думать не смейте, что я возьму его! — заявила сердитая женщина. — Иначе вам придется взять назад слово, которое вы дали моему мальчику!»

Потом в сумке стали появляться овощи или грибы. И Грета еще несколько раз приносила еду обратно, но фрау Бауэр была неумолима — она обижалась, сердилась, даже иногда кричала. В конце концов, когда Генриетта заявила, что запретит давать уроки Отто, Грете пришлось смириться — этот странный шантаж подействовал. Не учить Отто Бауэра было преступлением — с его-то способностями.

Теперь Грета поглядывала в окно, за которым капал противный вялый ноябрьский дождь, и думала о том, что можно будет приготовить им с Рихардом суп из очисток... И будет пюре.

Неожиданно внимание ее привлек служебный автомобиль, подъехавший к дому. Шофер генерала Риво неизменно подвозил лейтенанта по пятницам в это самое время — в два пополудни. Хоть часы сверяй. Потом лейтенант отдыхал в своей комнате, а к шести вечера отправлялся к генералу, где собирались офицеры. Возвращался он очень поздно.

О том, куда ездит, никогда не говорил, но догадаться не трудно — о том, что Риво устраивал посиделки в занимаемом доме, знали от слуг. Там пили, играли в карты, приводили местных шлюх. Раз в неделю. По пятницам.

Уилсон вышел из автомобиля, запахнул расстегнутую шинель и поднял голову, посмотрев на небо, затянутое тяжелыми низкими тучами. Потом быстро прошел в дом. Автомобиль фыркнул напоследок и уехал.

Однако вместо того, чтобы сразу подняться к себе, как обыкновенно делал, лейтенант, едва раздевшись в коридоре, проследовал сразу на кухню. Остановился у порога, пригладил пальцами волосы и сказал:

— Добрый день, фрау Лемман. Я не помешал?

— Добрый день, господин лейтенант, — кивнула Грета в ответ и опустила глаза, аккуратно нарезаая репу одинаковыми кубиками. — Вы здесь живете так же, как и мы. Мы же вам не мешаем?

— Да, абсолютная тишина в доме — это, конечно, мешает ужасно, — усмехнулся Ноэль и вошел в кухню, следя ненавязчивым взглядом за спорными движениями ее рук.

За последние несколько месяцев жизни у Лемманов они перекинулись от силы несколькими ничего не значащими фразами. Не было ни одного настоящего разговора. Они здоровались, прощались, иногда Уилсон спрашивал, можно ли взять чашку или тарелку из кухни, и однажды попросил не убираться в его комнате чаще одного раза в две недели — пыль он и сам был в состоянии вытереть. Равно как и собрать постель.

— Между прочим, ваша репа была бы немного вкуснее, добавь вы тушенки, что стоит на той полке, — кивнул он в сторону подвешенного шкафчика.

Грета подняла глаза на постояльца.

— Вы будете сегодня ужинать дома? — равнодушно поинтересовалась она. — Я приготовлю вам с вашей тушенкой.

— Не стоит утруждать себя из-за моей персоны. Эти банки там с июля. Если бы я собирался с ними разделаться, уже сделал бы это. Впрочем, неважно.

Ноэль сел на стул, и теперь их лица оказались прямо друг напротив друга на расстоянии вытянутой руки. Кажется, впервые за эти месяцы они были так близко. Он привык к ней. К хмурому взгляду, к худому лицу, к одежде, будто сшитой из нескольких мешков разных оттенков. Причем самостоятельно, без помощи портнихи.

Сейчас, вблизи, он, пожалуй, даже назвал бы фрау Лемман хорошенькой, если бы это слово хоть немного вязалось с тем, как она резала проклятую репу и бесстрастно отвечала, будто разговаривала со стеной. Для немки она выглядела довольно милостивой, хоть и сливалась с белыми тюлевыми шторками на окне — светлые волосы, светлые брови и ресницы, голубые глаза, белая кожа. Да, да. Арийка. Отличной породы.

Ноэль отчего-то рассердился, сунул руку в карман и, наткнувшись на небольшой конверт, вспомнил, зачем вообще явился. Он достал оттуда конверт и положил его на стол перед фрау Лемман.

— Мне достались билеты на концерт Городского оркестра. Мэрия заботится о досуге солдат французской армии. Я не пойду, у меня другие планы на нынешний вечер. Да и не с кем. Идите с герром Лемманом.

— Продайте, — пожала плечами Грета и поднялась из-за стола.

На плите закипела вода, и она бросила в кастрюльку очистки. Рядом поставила варить репу для пюре. Потом мыла посуду, вытирала стол. Ждала, когда француз, наконец, уйдет к себе. А он все не уходил. Сидел на стуле и следил за ее перемещениями по кухне. На ее предложение не ответил. Выжидал, пока она остановится хоть на минуту.

— Герр Лемман любит музыку? — резко спросил он.

Вопрос прозвучал неожиданно. Грета чуть заметно вздрогнула и посмотрела на лейтенанта.

— Об этом вы можете спросить у него самого, — она немного помолчала и добавила: — Зачем вы это делаете?

А черт его знает, зачем! Ноэль посмотрел на дурацкий конверт на столе, сожалея о том, что вообще затеял этот глупый разговор. Но когда утром в комендатуру принесли билеты и оставили ему в качестве приглашения, он почему-то подумал, что за то время, что живет в Констанце, ни разу не видел, чтобы Лемманы выбирались хоть куда-то, кроме как на работу да на рынок. Эта маленькая семья вызывала в нем странное и необъяснимое чувство сожаления — о том, через что прошли они все. Образование историка давало ему привилегию, какой не было ни у кого из друзей. Он знал, что время быстротечно, и однажды всему будет дана своя оценка, которую и теперь предугадать невозможно. Несмотря на то, что были победители и побежденные. Но было еще нечто важное — всем им предстоит как-то жить со случившимся и дальше. Как жить — он не знал. Он был историком. Он копался в прошлом.

— Ни за чем, — проговорил Ноэль устало. — Если хотите, идите. Если нет — поступайте с билетами, как знаете. Оставляю их вам, фрау Лемман. С вашего позволения, я

пойду к себе в комнату.

Он встал со стула и посмотрел на Грету. Они были почти одного роста, она разве только немного ниже. Потому теперь они снова оказались лицом к лицу. И он вдруг заметил, что глаза у нее никакие не голубые. Они были между голубым и зеленым. Близкими к бирюзовому. Неожиданный цвет на лице, казавшемся ему раньше бесцветным.

— Спасибо. Надеюсь, ваш вечер тоже будет... музыкальным, и вы не пожалеете, что отдали нам свои билеты, — сказала Грета.

Ноэль кивнул и направился было прочь, но вдруг остановился, как в начале их разговора, на пороге и спросил:

— А вы любите музыку?

— Люблю, — ответила она Ноэлю, и он, наконец, вышел их кухни. Некоторое время слышались его шаги по комнате, потом стало тихо.

Было около половины пятого, когда Грета поднялась к себе и стала собираться.

«Главное, чтобы музыка была достаточно громкой, и урчание в животах не было слишком слышно рядом сидящим», — думала она, пока бродила по комнате от шкафа к трюмо, одевалась и причесывалась.

Ее суета заняла меньше времени, чем она ожидала. И теперь Грета сидела боком на стуле, опустив голову на спинку, и задумчивым взглядом, исподлобья разглядывала себя в небольшом зеркале, закрепленном на внутренней стороне дверцы шкафа. Она хмурилась. Не по привычке, появившейся у нее долгие месяцы назад. А потому, что ей бы радоваться своему отражению. Но что еще у нее было своего, кроме отражения? Туфли соседки, которые она выпросила на вечер за четыре картофелины. Платье бабушки.

Когда-то это платье помогло ей заработать несколько марок.

Приехав в Констанц, без работы, почти без денег, Грета, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей о погибшем сыне, разрушенном доме, пропавшем муже, перебирала бабушкин гардероб. Некоторые вещи можно было перешить, что она и сделала с платьем из светло-коричневого креп-сатена в крупные кремовые розы. Оно вышло с кокеткой, укороченными рукавами и юбкой из клиньев. Так случилось, что в этом платье ее однажды заметила жена обербургомистра и заказала пару вещей для себя и старшей дочери. А вскоре она устроилась в школу.

Грета подняла голову, поправила свою незамысловатую прическу — она разучилась управляться с волосами.

И все же зачем она собирается на этот концерт? К чему делать вид, что жизнь может быть нормальной — с музыкой, беззаботными выходными, красивыми платьями? Неработающие школы, вечера у генерала Риво, перепелиное яйцо, съеденное украдкой от Рихарда — это теперь обычная жизнь.

Грета устало вздохнула, заставила себя подняться, притворила дверцу шкафа. Все же она действительно любит музыку. И если она сейчас же не выйдет, старик станет сердиться и долго ворчать.

Она резко распахнула дверь комнаты. Та обиженно скрипнула.

И, уже спускаясь по лестнице, заметила внизу надевавшего шинель лейтенанта Уилсона. Он, увидав ее, чуть подался вперед, чтобы кивнуть, и тут же замер, впервые обнаружив, что женщина, с которой он прожил под одной крышей без малого полгода, оказывается... красавица... Черт подери, да она была красивее почти всех женщин, что он знал в своей жизни, просто какой-то другой, совсем другой красотой, чем он привык.

Узкое приталенное платье неожиданно обрисовало то, что скрывалось под дурацкими мешками, в которые она пряталась все это время. У нее, оказалось, есть и грудь, и талия, и черт подери, бедра! Только острые, чуть выступающие вперед ключицы казались прежними, от той Маргариты Лемман, что днем нарезала репу. Мимолетно он подумал, что к этому платью бы перчатки и шляпку... Ноэль только шагнул к лестнице, будто желая протянуть ей руку и помочь сойти вниз, как раздался грохот двери из комнаты Рихарда. Немец влетел в коридор, размахивая галстуком, и сердито пробурчал:

— Отчего не изобретут галстуки для одноруких! Невозможно же завязать! Грета!

Она молча подошла к нему, взяла галстук и ловкими движениями, которые оказались вовсе не забыты, завязала его. Потом поправила воротник рубашки и почти открыла рот, чтобы попросить Рихарда остаться дома. Но вместо этого сказала:

— Зачем вам галстуки для одноруких, когда есть я?

— Да, да, ты есть, — кивнул Рихард и улыбнулся, похлопав здоровой рукой ее ладошку.

Ноэль сглотнул и четко, разделяя слова, и с произношением более правильным, чем у самих немцев, проговорил:

— Желаю вам приятного вечера.

— И вам хорошо провести время, господин лейтенант, — негромко ответила Грета.

Из дома они вышли вместе. Лемманы направились пешком на концерт. Сегодня давали Прощальную симфонию Гайдна. Любимую симфонию Ноэля Уилсона. И он слышал ее в своей голове, когда оглянулся, чтобы посмотреть на странную пару в старых, выдавших виды пальто. Рихард выставил в сторону правый здоровый локоть, и Грета взяла его под руку. Странно, но вот такие, как сейчас, они выглядели элегантно. Совсем не так, как обычно. Или, может быть, Уилсон привык к ним за столько месяцев?

Потом он быстрым и легким шагом отправился на соседнюю улицу, где располагался дом генерала Риво. Он представлял собой двухэтажный особняк, до оккупации бывший, вероятно, домом какого-то высокопоставленного лица. Сюда Грегор Риво перевез свою жену и здесь теперь обосновался неизвестно на какой срок.

С первой недели своего пребывания в Констанце, генерал стал устраивать эти вечера. Сказалась кочевая жизнь. Хотелось постоянства. И каждую пятницу на первом этаже особняка было одинаково людно и задымлено. Сигары были хорошие, кубинские, Монтекристо. Других генерал не курил и офицерам не предлагал.

Спиртного тоже было много.

Несколько молодых женщин, немки, танцевали под патефон друг с другом, опустив головки со сложными прическами друг другу на плечо и чуть прижимаясь бедрами. Иногда пары разбивали солдаты, чтобы потанцевать с понравившейся. Если мужчины желали более близкого знакомства, получали вполне приличное и приемлемое приглашение зайти на чашку кофе. Никакого кофе у женщин, конечно, не оказывалось, и на кофе им оставляли после. Некоторым везло — если понравилась особенно, офицер заглядывал регулярно и присылал пакеты с едой.

В соседней комнате, где не велись шумные и непристойные разговоры, собирались перекинуться в карты. Накурено было еще сильнее. Ставки делались не очень большие, но играли всерьез и увлеченно.

Последняя комната, отданная на растерзание офицерам, представляла собой почти английский клуб — пресса, радио, обсуждение политики, восточных союзников, деятельности Контрольного совета. Сюда же подавали ужин. И эта комната была

единственной, куда иногда спускалась мадам Риво. На то, что происходило в других комнатах, она лишь снисходительно пожимала плечами и говорила: «Эти люди так далеко от дома, нужно же им хоть какое-то развлечение!»

— Что вы думаете делать, когда вас демобилизуют? — неожиданно спросил генерал, чем отвлек Уилсона от его вялых размышлений относительно партии в покер. Уж лучше покер, чем слушать разговоры на тему вечера. Темой была анкета, разработанная для граждан Германии, по которой должна определяться степень вины в преступлениях нацизма. О мирной жизни думать забылось. Думать можно было о том, чтобы ежедневно исполнять обязанности и не умереть от скуки или отвращения, потому что ни для кого из присутствовавших война так и не закончилась. Уж лучше о покере.

— Ваши лингвистические способности заслуживают похвал. Могли бы переводить политикам. Планируете остаться в профессии?

— Планирую, но не в этой, — с улыбкой ответил Ноэль. — Языки — мое побочное увлечение. Я историк.

— Кому нужна история? — рассмеялся Риво. — Самая склизкая из наук.

Ноэль, оценив шутку, кивнул. Объяснять генералу, что самая большая мечта его жизни — вновь увидеть пески Северной Африки, было бесполезно. Не оценит. Вероятность вновь их увидеть очень мала. Ему самому экспедиции не собрать — слишком рано застала война, слишком мало успел. Профессор Авершин мог куда больше, но в письмах чаще писал о том, что планирует съездить в Берлин, навести старые, довоенные связи с немецкими учеными, вновь оказаться в святой святых Берлинского музея. Видимо, теперь, на старости лет, не особенно горел желанием расставаться с матерью, пусть и на несколько месяцев. Хватало им в жизни разлук. Да и кому теперь нужны раскопки в мертвых городах, когда живые разгребать от обломков не один десяток лет?

Отделавшись кое-как от не в меру болтливой и не вполне трезвой генерала, Ноэль направился к игравшим в карты. С порога поморщился — там было серо от табачного дыма. А из дыма вдруг выплыл, подобно видению, Анри Юбер.

— Черт, тебя искал, — безо всякого приветствия заявил он. — Никаких карт, тебя спрашивала Карин. У нее грудь из декольте почти вываливается, и чулки шелковые, как у шлюхи из хорошего района Лиона.

— Ну, так и тащи ее отсюда, пока никто другой не перехватил, — засмеялся Ноэль.

— К черту. Твоя.

— Сегодня я предпочту бокал бурбона и сигару.

— Аристократ, — хохотнул Юбер и, прислонившись к стене, скрестил руки на груди. — Или постоянная появилась?

— У меня нет времени на постоянные привязанности.

— Риво гоняет?

— Если фигурально выражаться, то да. Сижу в кабинете, перевожу корреспонденцию.

— Ну и на хрена тебе погоны? Бабы и без них по тебе сохнут. Служба бумажная.

— Слушай, да забирай ты себе Карин и не завидуй, — засмеялся Ноэль. — Будешь достаточно щедр, и о тебе станет спрашивать в следующий раз.

— Иди к черту, — хохотнул Юбер, — не по карману. Могу позвать ее на концерт, как раз приглашения из мэрии завалились, но, думаю, ей не подойдет.

— Да и припоздал ты. Лемманы ушли еще пару часов назад.

Поймав непонимающий взгляд Анри, Ноэль только усмехнулся:

— Я отдал им свои билеты.

— Болван!

— А они как добропорядочная супружеская пара бургеров надели лучшее, что у них было, и отправились слушать Гайдна, — невозмутимо продолжал Ноэль.

— Кто супружеская пара? — не понял Юбер.

— Лемманы. Я у них живу. Пять месяцев.

В глазах лионца появилась насмешка, красивые губы неприятно скривились, портя лицо с его крупными чертами.

— Маргарита Лемман, тридцать лет, официантка, член НСДАП?

— Тебе пора бросать пить, — рассмеялся Ноэль.

— Рихард Лемман, сорок девять лет, ветеран первой мировой, беспартийный?

— Или за добавкой сходить? Язык еще не заплетается?

Юбер вдруг на минуту сделался серьезным и будто протрезвел.

— Они не муж и жена.

Ноэль, направившийся было в сторону двери, остановился и удивленно вскинул брови.

— Вот как? Живут под одной крышей, с одной фамилией, отношения самые нежные — и не муж и жена?

— Самое большее — любовники. Она его невестка. Ее муж в сороковом еще пропал. Неудивительно, что отношения самые нежные. Отсутствие руки не делает мужика импотентом.

— Он ей в отцы годится, — нахмурился Ноэль.

— Значит, как муж он ей подходит, а как любовник — в отцы годится. Уилсон, кто из нас пьян? Ты пять месяцев у них прожил, и ничего не знаешь?

В жизни Ноэля Уилсона подчас случались моменты, когда он чувствовал себя идиотом. Но чтобы так... определенно впервые.

Декабрь 1945

В начале зимы приехал Оскар. Совсем взрослый, совсем чужой, похожий на Николая Авершина, которого сам Ноэль отцом называл через раз. Светлые, почти белые в детстве волосы потемнели, стали темно-русыми. Оскар выше Ноэля на полголовы. Еще подростком в рост шел с такой скоростью, что не успевали покупать новые брюки. И вырос таким же долговязым, как отец. А выразительные глаза были совсем мамины, той же немного вытянутой формы, коньячного оттенка, с пушистыми по-женски ресницами. Чуть удивленные, озорные, временами дерзкие. И такие молодые. Впрочем, он и был мальчишка. Как только в фотокорры попал? Да еще и сражения фотографировал. Хотелось надрать ему уши и сгрести в охапку. Это казалось так просто, когда Оскару было тринадцать. И так глупо теперь.

Он носил военную форму, сидевшую на нем, как влитая. Широко улыбался, громко говорил, с аппетитом ел. И рассматривал старшего брата.

— И как это тебя не забросило в Японию? — спросил Ноэль в самый первый вечер, не понимая, как говорить с этим молодым мужчиной, тогда как в сознании его все еще был мальчик, росший у него на глазах.

— Я не особенно рвался, мне хватило войны. Видимо, мамины связи в министерстве. Там тоже ее поклонники.

— А если бы направили?

— Полетел бы. Ты же здесь.

— Меня весной должны демобилизовать. Недолго осталось.

— И домой? В Париж?

— Для начала. Дальше — как получится. Я совершенно не представляю, чем теперь заниматься.

Он не слукавил. Когда Риво сказал, что в апреле он может начинать паковать чемоданы, Ноэль растерялся. Оказывается, можно растеряться, едва перестают отдавать приказы и наступает тот момент, когда вдруг остаешься один на один со своей жизнью. Без войны, без долга, без привычки.

Один раз заговорили о Денизе. Оскар так неловко упомянул, что Гинзбурги перебрались в Париж. Из семьи выжили только младшие сыновья, близнецы, которых спасли соседи и увезли из города. Потом мальчиков забрала семья, которая их и укрывала все это время. Теперь Пьеру и Жаку было по восемнадцать, и они вернулись в свою старую квартиру на улице Монторгей.

— Когда они были в Париже, — негромко сказал Ноэль, — я примчался туда, к ним домой. Их увели уже. Ничего не нашел, вещи стояли там, где стояли всегда. Никаких следов того, что их арестовали, никакой борьбы. Совсем ничего. Я поехал в комендатуру. Хотел попробовать назваться ее мужем, сказать, что они ошиблись. Надеялся, что удастся как-то хоть ее оттуда забрать. Не успел. Она оказывала им сопротивление, ее застрелили.

Голос его звучал бесстрастно. Отболело, теперь уже сделалось почти спокойно. Можно было жить дальше. Все это время он почти не вспоминал о ней. Было множество всего, что заслонило... Он так привык к тому, что любит женщину, которой давно нет в живых, и которая так никогда и не стала его женой, что теперь с удивлением осознавал — уже и не

любит, уже и не важно. Вернее, важно было, каждую минуту жизни важно. Но влиять на то, рад он, грустен, счастлив или нет — никогда не будет. Просто она всегда внутри, под множеством слоев другого, чторосло. И все. И оглядываться он не станет уже никогда.

Беспокоило другое. Новое, странное, может быть, незначительное.

Они с Оскаром бродили на набережной Бодензее. Это было на третий день по его приезду. Жил он в комнате Ноэля у Лемманов. И, кажется, легко сошелся с Рихардом. Впрочем, Оскар всегда и со всеми легко сходил. У него не могло быть врагов. Даже среди тех, кто были врагами по определению. Теперь у озера ветер трепал его русые волосы, он смотрел на воду и нес что-то восторженное о том, что надо было ехать с камерой. Но отпуск был коротким — к чему таскаться с аппаратурой?

Потом они шли по какой-то улице, на которой теперь кое-где остались еще магазины. Многие закрылись — кому нужны были пирожные, духи, зонты и часы, когда не хватало на хлеб, и продукты получали по карточкам? Два куса хлеба с маргарином, одна ложка молочного супа и две картофелины ежедневно, двадцать грамм мяса раз в неделю. И чертова армейская тушенка на полке в их кухне, которая вот уже сколько месяцев выводила из себя.

А потом Ноэль долго рассматривал витрину маленького шляпного магазина. Нет, конечно, не саму витрину, а аккуратную маленькую шляпку без полей, обтянутую коричневой тканью самого подходящего оттенка и украшенную короткой вуалью, которая элегантно укладывалась либо поверх шляпки, либо спускалась на глаза. Пришлось зайти. И выложить за нее львиную долю собственного жалования. И заодно за перчатки — они нашлись как-то сами собой. И без них уйти было нельзя. Оскар понимающе усмехался. И наблюдал.

В один из первых вечеров он вынул из дорожной сумки конверт и бросил его на кровать, которую ему уступил Ноэль, расположившийся на полу.

— Держи, — легко сказал младший брат. — Они передали тебе на расходы.

— Они в своем репертуаре, — рассмеялся Ноэль.

— Бери, а то обидятся. Ты же знаешь маму.

— Знаю. И чувствую себя богатым маменькиным сынком.

— А ты и есть богатый маменькин сынок. На твое жалование особо не разгонишься. Бери, будет на шпильки девочкам.

Девочкам... Это было даже смешно. И черт знает на что похоже!

Он не узнавал себя и не знал, куда от себя деться. Фрау Лемман готовила что-то на кухне, а Ноэль замирал в коридоре, глядя на нее, пока она не видит. И желая немедленно всыпать в кастрюлю с готовящейся там похлебкой тушенку. Потом она поднимала глаза, он надевал фуражку, кивал и выходил прочь, на улицу, где сигналила машина, приехавшая за ним.

Он возвращался со службы, а она читала что-то в гостиной у камина. И он снова замирал, глядя на нее, а потом, опасаясь быть замеченным, быстро раздевался и стремглав мчался в свою комнату. Где еще долго сердился на себя.

Грета была холодной и сдержанной. Такие женщины никогда не нравились ему. Казались пресными. А эта... Эту он хотел накормить. Эту он жалел. И, что еще хуже, тайно восхищался ею — за столько времени ни единой жалобы.

В одну из пятниц они с Оскаром отправились к Риво. Братец, оказавшийся на воле, тут же бросился во все тяжкие — проигрался в карты, выпил больше, чем стоило, подцепил одну из девушек и ушел с ней — пить кофе. Юбер, наблюдая за мальчишкой, усмехался и говорил,

что за младшим братом нужно следить получше — еще подхватит сифилис. Ноэль рассердился, буркнул: «Можно подумать, тебе это не грозит». И вскоре ушел. В доме давно спали, а он еще долго ворочался в постели, думая о том, что сходит с ума, непонятно по какой причине. А потом во сне Грета Лемман приглашала на кофе его.

Оскар уехал через неделю, обещал писать, хотя оба понимали, что он забудет про свое обещание уже через пару часов.

Так незаметно подошло Рождество.

Шляпка в красивой картонке все еще лежала в его комнате, спрятанная в шкаф. Он знал наверняка, что во время уборки фрау Лемман его не открывает.

В Сочельник он собирался к Риво, который устраивал вечеринку. И планировал там надраться. Что думали делать Лемманы, он не представлял.

Потому, когда днем 24 декабря он вошел на кухню с пакетом, в который была завернута целая курица, купленная им на рынке в то утро, и встретил там Грету, то, без приветствия, но стараясь, чтобы голос звучал доброжелательно, сказал:

— Фрау Лемман, мне необходим ваш совет.

Обернувшись к Уилсону, Грета переспросила:

— Совет, господин лейтенант?

— Именно, — невозмутимо ответил Ноэль. — Видите ли, я хочу сделать герру Лемману подарок на Рождество. Но без вашей помощи у меня ничего не выйдет. Вот, — он протянул ей пакет. — Как ее лучше приготовить?

— Вы собираетесь готовить?

— У меня это скверно выходит. Но наша кухарка всегда говорила, что курицу можно испортить только соком лимона. А у меня нет лимона. Потому, смею надеяться, справлюсь. А если вы поможете... сделать Рихарду подарок...

Ноэль замялся и положил курицу на стол.

Не решаясь его открыть, Грета долго смотрела на пакет, из которого торчали тонкие куриные лапы.

— Это очень дорогой подарок, господин лейтенант.

— Но ведь сегодня Сочельник, — пожал плечами Уилсон. — Я уйду к генералу. А вы отпразднуете. Пожалуйста, помогите мне с этой курицей.

— Хорошо, — кивнула Грета. — Я приготовлю вашу курицу для Рихарда.

— Спасибо, — улыбнулся Ноэль и поднялся к себе, делать вид, что пытается спать.

Когда открыл глаза, было уже темно. Включил свет, посмотрел на часы, обнаружил, что через десять минут здесь будет машина Риво, которую он обещал за ним прислать. Отправился в ванную, никого дорогой не встретив, но с удовлетворением отметив, что по дому разносится божественный запах жареной птицы.

Не успел одеться, как на улице просигналил шофер.

Он торопливо сбежал вниз, надел шинель, обулся. И вдруг замер. В очередной раз рассердился на себя, но остановиться уже не мог — снова мчался по лестнице в свою комнату.

Распахнул дверцы шкафа, сдернул с верхней полки картонку, в которой были шляпка и перчатки.

Спустился на первый этаж, грохоча сапогами и досадуя на себя — эту лестницу Грета вымыла с утра. Спешным шагом вошел на кухню. Поставил коробку на стол перед носом ничего не понимавшей женщины, торопливо пробормотал: «Счастливого Рождества». И

выскочил на улицу, не желая слышать снова про дорогие подарки. В любом случае, когда он вернется, скорее всего, обнаружит эту чертову шляпку в своей комнате. В лучшем случае, ее постигнет участь тушенки.

Грета не слышала, как закрылась дверь, и как отъехал от дома автомобиль. Она, не мигая, смотрела на красивую коробку, которая в ее кухне выглядела нелепо и вызывающе. Эта коробка была из другой жизни, чужой и устроенной.

Женщина робко сняла крышку.

Шляпка!

В ее шкафу единственной шляпкой, в которой можно было не показаться призраком прошлого, еще летом полакомилась моль. Грета аккуратно достала шляпку из коробки, повертела в руках. Красивая, дорогая. Наверное, модная. Под ней оказались перчатки в тон. Она уже потянулась за ними... и остановилась.

Она не должна это принимать. Самое лучшее вернуть прямо сейчас, пока Уилсона нет дома, занести в его комнату и оставить на столе. Если она, Маргарита Лемман, оставит эти вещи себе, он наверняка станет думать, что она ничем не отличается от тех, кого привозят в особняк Риво по пятницам.

Эти проклятые пятницы. Они были ужасны. Грета без сна лежала в постели, глядя в темноту, до тех пор, пока на лестнице не раздавались шаги лейтенанта. Иногда она вставала, чтобы в лунном свете разглядеть стрелки на часах. Будто это могло что-то значить: вернулся он в два часа ночи или в четыре.

Она сердилась на себя за это, и в последнее время все сильнее, когда стала замечать, что француз останавливает на ней свой взгляд. Это приводило в замешательство, тревожило, заставляло вечерами тянуться к замку в двери, который Рихард врезал по ее просьбе.

Особенно смущало чувство, которое появлялось все чаще от его взгляда. Внутри нее что-то теплело, и Грета ловила себя на пугающей мысли, что ей это нравится. Иногда в голове вспыхивали странные желания: чтобы он коснулся ее волос, назвал по имени. Зашел к ней.

Грета была уверена, что все это не больше, чем одиночество. Слишком давно она сама. И почти уже не верит, что Фриц жив. Столько лет ни строчки. Она все труднее вспоминала его лицо. Помнила глаза, губы, волосы. Все отдельно, словно от разных людей. И помнила голос.

Она снова посмотрела на шляпку в своих руках. Ей бы, пожалуй, пошло. Грета подошла к стеклянной дверце буфета и, глядя на свое отражение, надела ее. Опустила вуаль. И снова подняла.

— Ты похожа на принцессу, — раздалось с порога. — Ну или, по крайней мере, на жену какого-нибудь министра.

Грета вздрогнула, неловко стащила шляпку с головы и впихнула ее в коробку. Потом пригладила волосы и посмотрела на Рихарда.

— Не говорите чепухи.

Мужчина пожал плечами и вошел на кухню.

— Он подарил?

Грета кивнула.

— А вам курицу. Она почти готова.

— Ну и чудесно, — улыбнулся Рихард, устраиваясь за столом. — Счастливого Рождества, Маргарита!

— Счастливого Рождества, — ответила Грета и, подхватив коробку, вышла из кухни с

твердым намерением вернуть ее французу. Но вместо этого, страшно на себя сердясь, она убрала ее в самый дальний угол верхней полки в своем шкафу.

Зима 1946 года

— Нет, все же жаль, что мне ампутировали левую руку, а не правую. Как думаешь, это была бы уважительная причина для незаполнения их чертовой анкеты? — Рихард бросил перо на стол, поставив кляксу на его поверхности, и рассеянно полез в карман за сигаретами. Сигарет там не обнаружилось, и он стал вытирать кулаком чернила. — Больше ста вопросов, чтобы не дали сдохнуть с голоду.

— Заставили бы левой отпечатать на машинке, — вздохнула Грета, подавая Рихарду портсигар. — Все равно придется заполнить. Они не отстанут.

Рихард взял из ее рук сигареты, сунул одну в зубы и проговорил:

— Не отстанут. Твой Тальбах первым сбегал, отнес эту анкетку в ратушу. И жена его. Теперь ждут свидетельства о прохождении денацификации. Говорят, иначе могут и погребок его конфисковать. И пришлось бы тебе, ласточка, снова работу искать. Послушай, спички на кухне.

— Он такой же мой, как и ваш, — ответила Грета, выходя из комнаты.

Сама Грета заполнила анкету еще несколько недель назад. И теперь ее снова вызывал капитан Юбер. Наверное, сообщить о результатах проверки. И это ее беспокоило. О том, чем еще может обернуться их встреча, она старалась не думать. Так же, как старалась не думать о том, что несколько раз видела капитана Юбера и лейтенанта Уилсона вместе, и было понятно, что они приятели. Потому что обычно сразу после этого Грете вспоминалась красивая цветная коробка в ее шкафу.

— Да и погребок вряд ли конфискуют. Заплатит штраф, тем и отделается, — вернувшись из кухни, она протянула Рихарду коробок.

— Ты гляди, — не слушая ее, бушевал Рихард, углубившийся в чтение анкеты. — Им интересно, состоял ли я в какой-либо запрещенной оппозиционной партии после 33 года. Я похож на самоубийцу? Я отдал этой стране все, что у меня было, оставив себе всего одну руку, а им интересно, состоял ли! Я никогда не голосовал за национал-социалистов! Никогда! В тридцать третьем сделал ход конем и проголосовал за коммунистов. И что? Где теперь немецкие коммунисты? Можешь об этом спросить фрау Зибер. Ее мужа забрали восемь лет назад. Она считает себя вдовой. Послушай, прикури мне. Не могу!

— Я вообще не голосовала, — пожав плечами, Грета чиркнула спичкой и протянула Рихарду, — и в студенческом союзе не состояла, их вообще тогда в высшей школе не было. Только все это неважно по сравнению с тем, что я была членом партии, — она отошла к окну и стала смотреть во двор, занесенный снегом. — Мне кажется, я не пройду проверку.

— Ну и к черту! Или тебе запретят работать в погребке? Это ничего не меняет. У нас забрать уже нечего. Не пройдешь и ладно. Ноги целы, руки на месте, голова тоже. Переживешь.

— Раньше меня не приняли бы ни в одну школу, если бы я не вступила в партию. Теперь меня могут уволить из-за того, что я в ней состояла. Тальбах грозитя пока лишь уменьшить жалование. В качестве компенсации. Опасается, что у него могут быть проблемы...

— Старый жлоб, — крикнул Рихард и выпустил кольцо дыма. Это у него получалось лихо. Потом перевел взгляд на Грету и негромко спросил, будто до этого не решался: — Может... спросить лейтенанта?

Она удивленно посмотрела на него.

— О чем спросить?

— Спросить, можно ли что-то сделать.

— Не надо беспокоить герра Уилсона. Скоро и так все будет известно. Меня вызвали в комендатуру послезавтра.

— Ты никогда никого не хочешь беспокоить! — рассердился Лемман. — Живешь так, будто жить боишься! Все норовишь поменьше места занять, к самому краю жмешься! Думаешь, этот француз не поможет, если попросить? Поможет. Черт знает почему, но этот поможет!

— Наверное, поможет, но я не хочу быть обязанной ему. Да и вообще никому, — Грета снова отвернулась к окну. Там теперь летели крупные хлопья снега. Было красиво, и захотелось прогуляться. Но вместо этого она поежилась и сильнее закуталась в старую кофту. — Неважно. Сами же говорите: руки, ноги целы...

Рихард встал со стула и подошел к ней. Проследил за ее взглядом и невольно подумал о том, что хотел бы хоть на минуту заглянуть в ее хорошенькую светлую головку. Что за мысли там бродят? Иногда ему казалось, что она не здесь и не теперь... Наверное, таким людям приходится непросто...

— И что мне делать с тобой, ласточка моя?

Грета повернулась к нему, поцеловала в щеку.

— Не надо со мной ничего делать, — сказала она устало, — схожу в комендатуру. Все выяснится.

Все выяснилось. Спустя два дня она явилась в комендатуру к капитану Юберу. Тот, сунув обе руки в карманы брюк, стоял у окна, прислонившись к подоконнику. И едва она вошла, осмотрел ее таким взглядом, что оставалось поежиться — словно бы тут же облапал. А потом без приветствия сказал:

— И кто бы мог подумать, что добропорядочная фрау Лемман окажется лгуньей.

— О чем вы, господин капитан? — спросила Грета, остановившись посреди кабинета.

— У вас занятая анкета. Вы присаживайтесь, что стали?

— Чем она показалась вам занятой? — Грета присела на стул, на котором сидела в прошлый раз, и подняла глаза на хозяина кабинета.

«Что может быть общего у него и Уилсона? — думала она, разглядывая капитана. — Служба... пятницы... право победителя...»

— Насколько я припоминаю, вы служите официанткой у Тальбаха? Во всяком случае, так вы проходите по нашим спискам. Верно?

— Да, господин капитан.

— А в анкете вы указали, что вы учительница, — улыбнулся он и подмигнул ей. — И зачем же вы вводите власти в заблуждение, позвольте узнать?

— Но я учительница, — пробормотала Грета.

— Бывшая. Контрольный совет запрещает членам НСДАП преподавание в школах. У вас запрет на профессию, понимаете вы это? И чему вы можете учить? Основам селекции арийской расы? Этого теперь никто не допустит!

— Я могу учить читать и писать. Или теперь наших детей вообще не надо ничему учить?

— Контрольный совет определит, кто имеет право преподавать. Но вам это не грозит. Свидетельство о прохождении денацификации вы пока не получите. Не стоило вам хитрить при заполнении анкеты.

— Я не хитрила, — она сглотнула подкативший к горлу ком. — Я — учительница.

Юбер приподнял бровь и подошел к столу.

— Пить хотите? — участливо спросил он и потянулся к графину с водой.

— Нет, спасибо, господин капитан.

Француз усмехнулся уголком рта и подошел к ней ближе. Присел на краешек стола и склонился к ее лицу.

— Маргарита... — протянул он, — я могу вам помочь, понимаете вы это?

— Я не нуждаюсь в вашей помощи, — отшатнулась от него Грета.

— Дело ваше, — легкомысленно улыбнулся Юбер и выпрямился. — В таком случае, можете быть свободны.

Как странно, совсем ничего не изменилось. Ее жизнью снова распорядились, а Грета по-прежнему смогла встать, выйти из кабинета, пройти по длинному коридору, такому же пустынному, как и в прошлый раз. Оказавшись на улице, она предусмотрительно подняла воротник и придерживала его рукой: сегодня было особенно холодно, и снег не смягчал мороза. Грета чувствовала, как слезы текут по ее щекам, и уныло думала, что даже ее собственные слезы от нее не зависят. От нее ничего не зависит. И все, что ей остается, — жить дальше, снова смирившись с обстоятельствами, делать так, как велят.

Проходя мимо озера, она на мгновение остановилась. Шевельнулась мысль, как все могло бы стать просто, если всего лишь войти в воду. Все случится быстро, от холода тело сведет судорогой, дыхание перехватит. А дома будет ждать Рихард.

Рихард... Грета нахмурилась и, резко развернувшись на каблуках, пошла домой. В конце концов, еще есть старые настенные часы в дорогом деревянном корпусе. Наверняка их можно продать за хорошую цену. И это оказалось так кстати. Спустя несколько дней они получили известие о том, что Рихард Лемман признан попутчиком, и обязан выплатить штраф в размере 1550 рейхсмарок.

Упомянув фрау Зибер в разговоре о национал-социализме и коммунистах, Рихард ошибался только в одном. Если бы Грете, бог знает зачем, захотелось расспросить эту даму относительно судьбы ее мужа, та выгнала бы ее из своего дома и плевала бы в спину. Национал-социалистов она ненавидела, пожалуй, даже сильнее, чем французских солдат, изнасиловавших ее в первые дни после того, как они вошли в Констанц. Как ни странно, в этом своем горе она тоже винила нацистов. Французы по ее стойкому убеждению всего лишь сыграли реванш. Теперь она проклинала нацистских шлюх, заигрывавших с солдатами, и опасалась проходить мимо комендатуры — там людей в форме было больше всего. Еще встретишь кого из тех... чьих лиц она даже не помнила.

Детей у нее не было. Единственный ребенок, которого она прижила от мужа, умер в первые часы жизни. Больше забеременеть ей не удавалось. Герр Зибер не допускал этого. «На какую жизнь?» — говорил он. А потом и его у нее забрали. С молчаливого согласия таких, как фрау Лемман и ее свекор.

Теперь она в старом шерстяном пальто стояла у дома Лемманов, ожидая, когда из него выйдет французский лейтенант с британской фамилией. О том, что союзническим войскам запрещено заговаривать с местным населением, она знала хорошо. Однако правило это теперь выполнялось не так строго, как поначалу, потому попытаться достучаться до него можно. Все лучше, чем идти в комендатуру.

Едва тот показался на невысоком крыльце дома, как женщина решительно двинулась к нему и, безо всякого смущения, окликнула:

— Господин лейтенант! Господин лейтенант! Позвольте обратиться к вам!

Ноэль остановился, спустившись с крыльца, и посмотрел на подбежавшую женщину. Та была довольно крупной, даже немного выше его, а миловидное ее лицо покраснело от мороза — видимо, долго ждала.

— Да, да, слушаю, — сказал он, — фрау...

То, что это была соседка Лемманов, он знал, но имени ее не помнил. Да и откуда? Немцев он видел только со стороны, кроме семьи, в которой жил. К счастью или к несчастью, он имел дело только с бумагами.

— Зибер. Фрау Зибер, — ответила женщина и кивнула. — Я хотела поговорить о... о вашей хозяйке. Фрау Лемман. Дело в том, что, насколько мне известно, она взяла на себя смелость заняться преподавательской деятельностью, в то время как Контрольным советом партийным нацистам запрещено преподавать.

— Не понимаю вас, — недоуменно проговорил лейтенант, натягивая перчатки. — Откуда у вас эта информация? Фрау Лемман работает официанткой в погребке.

— Да, да, я знаю. Но свободное время она проводит у Бауэров. И мне доподлинно известно, что она взяла на себя обучение ребенка. Страшно подумать, чему она станет его учить.

Ноэль невольно поморщился. Как будто не ясно. Школы закрыты. Дети сидят по домам. Теряют целый год. И что с этим делать, как справляться, пока непонятно. Об этом думали меньше, чем о том, как «перевоспитать». Ни газет, ни радио, ни школ.

— Почему вы пришли с этим ко мне, а не к властям?

— Потому что вы выслушали меня, а там сочтут доносом из мести за то, что они убили

моего мужа.

— Они?

— НСДАП. Он был коммунистом.

— Ясно. Но это все равно. Рассмотрели бы.

— Я надеюсь, вы отреагируете быстрее.

— Разумеется, — кивнул Ноэль. — Благодарю вас, фрау Зибер. Мне нужен адрес этой семьи. Следует разобраться.

— Хафенштрассе, 3. Готова поспорить, она и сейчас там — бывает дважды в неделю в это время. Что ей грозит?

— Денежный штраф. Не волнуйтесь, фрау Зибер, я прослежу за тем, чтобы это дело довести до конца.

— Благодарю вас, господин лейтенант! — кивнула женщина и, резко развернувшись, пошла к своему дому. Ноэль поморщился. Иногда ему казалось, что все его нутро превратилось в помойную яму, в которую скидывают худшее, что есть.

Вместо того чтобы идти в столовую комендатуры, где он собирался обедать, пришлось искать эту чертову Хафенштрассе и чертов дом номер три. Его поиски были вознаграждены. На первом этаже указанного дома было большое окно. Очень чистое, очень низкое. И шторы были сдвинуты в сторону. Что ж, чутью фрау Зибер оставалось только позавидовать. В тот момент, когда лейтенант Уилсон заглянул в чужое окно, чего не делал с подросткового возраста, когда подглядывал за ткачихами в раздевалке ирландской бани вблизи Бэдфорда, Грета Лемман поправляла перо в руке мальчика лет восьми, который явно не знал, как за него взяться.

— К следующему уроку еще разок повтори спряжения сильных глаголов, — уже с порога сказала Грета и вышла в коридор.

Спиной к ней стояла фрау Бауэр. Грета была уверена, что Генриетта снова кладет к ней в сумку что-то из продуктов.

— Фрау Бауэр, — окликнула ее Грета. — Вы опять за свое. Перестаньте, Отто еда нужнее, чем мне.

Генриетта обернулась и сердито ответила:

— Это вы перестаньте. Это сало, я его не ем. Отто столько не нужно. Я оставила ровно половину. Все честно.

— Нечестно. Но вы не желаете этого признавать. В конце концов, я работаю, у нас есть продуктовые карточки. А вы одна с Отто.

— Это сало принесла фройляйн Мёллендорф, дочь вашего бывшего директора, — усмехнулась Генриетта. — Я шила ей новый костюм к весне. Слишком модный для нашего городка и для нее именно сейчас. Ее отец под следствием. Мне кажется, это справедливо. Если она заняла ваше место, то вы хоть полакомитесь их салом.

Грета устало кивнула. Справедливым она это не считала, но спорить все равно было бесполезно. Фрау Бауэр умела настаивать на своем.

— В следующий раз я приду к десяти, — надевая пальто, сказала Грета. — Герр Тальбах велит теперь являться на час раньше.

— Тогда придется перенести. К десяти мне нужно успеть в ратушу. Эти их проклятые анкеты — в ателье мне не выдают карточки без квитанции о том, что я сдала бумагу. Не бог весть, какая еда, я куда больше выручаю заказами... Но все же!

— Сегодня не выдают карточки, завтра начнут увольнять. Обязательно идите, да вам и

опасаться нечего. Вы давно вдова, в партии не состояли.

— Да, да... — Генриетта вдруг замолчала и некоторое время рассматривала Грету, а потом глухо сказала: — Я никогда не говорила вам и никогда уже не скажу. Вы подарили Отто надежду. А значит, подарили надежду мне. Все, идите, а то я расплачусь.

— Мы позже условимся о следующем уроке, — Грета коснулась ее руки и чуть сжала. Как объяснить этой женщине, что это она подарила надежду ей — позволив делать то, что Грета любит, без чего жизнь ее вообще теряет какой-либо смысл. — До свидания, фрау Бауэр.

Генриетта снова сурово сжала губы, как всегда это делала, когда разговор заканчивался, и открыла Грете дверь.

— Заходите к нам, когда вам хочется, и все, — сказала она выходявшей прочь учительнице. — Покажу вам новые фасоны. Мне картинки наши красавицы приносили, которые в генеральский дом ходят. Желают красивых платьев, а платить нечем.

— Им платить нечем, а мне шить не из чего. Да и к чему? В погребке лучше не красоваться.

Грета снова кивнула и вышла на улицу.

Едва дверь за ней закрылась, как она почувствовала, что кто-то схватил ее за локоть. И совсем рядом, у самого уха, раздался горячий шепот лейтенанта Уилсона:

— Вы с ума сошли? Что вы творите? О вашей подпольной деятельности уже слухи пошли!

Отпрянув от его шепота, Грета попыталась вырвать локоть из его пальцев.

— Это вы сошли с ума. Я не веду никакой подпольной деятельности.

— А в комендатуре сочли бы, что ведете, — рассерженно заявил лейтенант. — Потому что сегодня я уберегу вас только от одного доноса, а завтра сочинят второй — ваши же соседи или соседи Бауэров! За каким чертом вы занимаетесь тем, чем не должны?

Она перестала вырываться и непонимающе посмотрела на Ноэля.

— Вам не стоило утруждать себя. А доносы все равно будут. Так пусть лучше пишут о том, в чем я не раскаиваюсь, чем начнут сочинять, например, о моих отношениях с оккупационными властями. Отпустите меня, господин лейтенант.

Но вместо того, чтобы разжать пальцы, Уилсон дернул ее руку на себя и процедил сквозь зубы:

— За отношения с оккупационными властями вам штраф не грозит. А за то, что вы, национал-социалистка, взялись за дело, которым вам заниматься нельзя — запросто!

— Вы, вероятно, правы. Мне стоило податься в шлюхи, — голос ее звучал ровно. — Но вместо этого я учу ребенка, которого ни при какой власти не желали учить. И если за то, что маленький Отто теперь умеет читать и учится писать, мне придется заплатить штраф — значит, мне придется. Впрочем, кажется, теперь я знаю, как смогу на него заработать.

— Да ничего вы не знаете! — выпалил Ноэль и притянул ее к себе. Их лица оказались так близко друг к другу, что он снова рассмотрел бирюзовые пятнышки в радужках ее глаз. И потерял голову. Ее губы, всегда угрюмо сжатые, сейчас побледнели на холоде, и он каким-то отчаянным движением прижался к ним своим ртом, захватывая их, пробуя на вкус, втягивая в себя ее кожу. Так, будто это совсем не первый поцелуй, которому полагалось быть робким и нежным. Нет, так целуют после долгой разлуки, после томления, желая насытиться.

Это случилось настолько внезапно, что Грета не успела удивиться. Как не успела удивиться и тому, что губы ее раскрылись навстречу его губам, вдоль тела пробежала

короткая судорога, и через мгновение она сама целовала его, словно только этого и ждала много-много лет.

«...сегодня я уберегу вас...» — мелькнуло в голове. Что за это она должна сделать? Его друг Юбер хотя бы говорит открыто. Грета с силой оттолкнула лейтенанта от себя. И, ничего не сказав, быстрым шагом пошла прочь.

Его мутило. Мутило страшно, до невозможности. И он думал только о том, как удержать кишки внутри себя и не разорваться. Вся жизнь превращалась в мясо и пепел. Может быть, после такого лучше и не жить вовсе. Или не знать, потому что когда знаешь, то задыхаешься от этого знания.

Кадры сменялись на экране с пугающей скоростью. Он никогда не любил документальное кино. Оно вызывало чувство тревоги. Он, ученый, историк, не любил документального. Теперь ненавидел.

Сначала панорамная съемка из Аушвиц-Биркенау. Тем более утяжеляющая восприятие, что черно-белые кадры были скорее... черными, будто выгоревшими. Потом фотографии, фотографии, фотографии.

Ноэль пытался сконцентрироваться на субтитрах, но не выходило. Картинка тревожила. Картинка заставляла испытывать животный страх. Нет, он боялся не того, что видел теперь на экране в кинотеатре. Он боялся самого себя, своих воспоминаний. Они воскресали, не спрашивая. Складывались в горы трупов — искалеченных, изуродованных тел. У многих не было лиц, их слизывало огнем, давило танками, рвало бомбами. И он был частью этого, частью огромного механизма... машины... машины смерти.

— «Машина смерти»? — негромко переспросил лейтенант Уилсон, лишь бы отвести взгляд куда-то в сторону.

— Да, под таким названием они будут его смотреть, — спокойно ответил Риво, а на лице его играл свет, отражавшийся от экрана. Это тоже было отвратительно.

— Значит, с меня — перевод субтитров?

— Здесь мало кто говорит по-английски. У них обучение языкам не поощрялось.

— До войны я знал нескольких ученых, свободно говоривших на трех-четыре языках.

— Ключевое слово, Уилсон, «ученых». У кого вы там живете? Семья бюргеров? Обыкновенная семья? Там говорят по-английски или по-французски?

— Нет, господин генерал.

Риво пожал плечами и усмехнулся.

— Будем водить их сюда с работы. Устраивать коллективные принудительные просмотры. И пусть только попробуют не рыдать. Вас ведь пробрало?

Ноэль кивнул и снова посмотрел на экран. Это была пытка. Для него это была пытка. Что говорить об обывателях? Американцы прислали подарок — пособие по перевоспитанию немцев. Документальный фильм, который следовало демонстрировать гражданам городов французской оккупационной зоны. Американцы всегда умели неплохо снимать — а здесь декорации были самые качественные и специальных эффектов не требовалось. Машина смерти сработала безупречно вместо декораторов, гримеров и осветителей. Пожалуй, сама Клара Уилсон, вечно недовольная работниками киностудий, могла бы только поплодировать режиссеру-постановщику. Ни одного актера, а шедевр такой величины, что хоть всю жизнь бейся — подобного не снимешь. Его главная ценность в том, что достигает сознания, вгрызается в него, и навсегда остается внутри. Ночным кошмаром.

— Сколько у меня времени? — спросил лейтенант.

— Чем быстрее справитесь, тем лучше. И никакой им Лиды Бааровой. Пусть сперва этим нажрут, — генерал ткнул пальцем в сторону экрана.

Ноэль с трудом сглотнул выступившую во рту слюну. И чуть заметно зажмурился. Если бы он верил в существование ада, то был бы уверен, что в действительности ад — на земле. В это время и в этом месте. Запечатлен на пленке. Навсегда.

Домой он шел пешком. Следовало проветриться. Морозный воздух прочищал мысли. Иначе хоть напейся. Но у него была особенность — от алкоголя он никогда не забывался.

Идти пришлось через небольшую площадь, где сам собой вырос стихийный рынок, куда жители Констанца сносили вещи из своих домов и продавали почти за бесценок. Попадались даже произведения искусства. Или просто добротные немецкие предметы быта. Теперь желающих продать становилось все больше — нужно было выплачивать штрафы. А купить — все меньше. Люди голодали. И Ноэль, глядя сейчас на их лица, почему-то невольно задумывался над тем, что для них худшее наказание: голод или «Машина смерти», увидеть которую им еще только предстоит? Страшно... за какой-то час они должны были впитать не много, не мало — шесть лет.

Неожиданно он наткнулся в толпе на глаза, которые теперь узнал бы, наверное, где угодно и когда угодно. До него доносились обрывки разговоров, и мир вокруг замер. Он сосредоточился в этих глазах, которые так же безотрывно следили за ним. Шел снег. Снежинки, будто пепелинки, летели по воздуху, касались лица, падали на одежду. Замирали на ресницах. На ее ресницах, чуть подрагивающих — верно от холода. Один этот взгляд подействовал на него сильнее, чем любая прогулка. Он словно вернулся в мир живых. В этом мире живых Рихард и Маргарита Лемман продавали на улице... часы из своей гостиной. Хорошие массивные часы в деревянном корпусе с изящной резьбой. Кажется, единственное, что еще было ценного в их доме. Ноэль решительно мотнул головой и направился к Лемманам.

Грета видела, как он приближается к ним. Мог бы пройти себе мимо. Так всем было бы легче. Она чувствовала себя так, будто ее поймали на краже бутылки шнапса. Хотя какое ему дело, даже если они распродадут весь дом. Она отвела взгляд, перехватила часы поудобнее — они были тяжелыми, руки замерзли и затекали одновременно, и, снова взглянув на подошедшего француза, кивнула ему.

— Добрый день, господин лейтенант.

— Сколько вы хотите за часы? — ровно спросил Ноэль, не глядя на Рихарда, но только в глаза Грете. Рихард же растерянно переводил взгляд с невестки на офицера и обратно. Заговорить сейчас он не решался.

Что последует за этим вопросом, Грета понимала прекрасно. И то, что Уилсон будет упрямо стоять здесь, распугивая и без того немногочисленных покупателей, было очевидно.

— Тысячу пятьсот пятьдесят марок, — ответила она, глядя на лейтенанта глазами загнанной в угол мыши.

«Тысячу пятьсот пятьдесят марок, — мысленно повторил он. — Сумма штрафа. Его или ее? Да, черт возьми, какая разница». Ноэль полез в бумажник. Деньги, присланные родителями с Оскаром, теперь оказались как нельзя кстати. Питался он все равно в столовой при комендатуре. Из одежды носил только форму.

— Пожалуйста, повесьте часы там, где висели. Не выношу пятен на стенах, — тихо сказал он, сунув в руки Рихарду нужную сумму. А после развернулся и пошел прочь. Говорить с ними сейчас было выше его сил. Потому что это не было помощью им. Потому что это была помощь себе. Чтобы не забыть, что он — это он, а не лейтенант Уилсон, часть машины.

— Вот болван, — пробормотал Рихард, глядя в его спину. — И нарочно не придумашь. Давай их сюда, пошли домой.

Они хотели выручить за часы тысячу восемьсот рейхсмарок, чтобы осталось немного после уплаты штрафа. Тальбах теперь платил не только меньше, но и нерегулярно, каждый раз напоминая, что держит Грету из милости, в то время как по закону обязан выгнать.

Возвращаясь домой, Лемманы спорили, что делать с часами. Грета настаивала, что их нужно повесить в комнате лейтенанта — теперь они его.

— Не говори ерунды, — ворчал Рихард, — повесим, где были.

— Тогда я упакую ему часы, когда он будет уезжать, — проговорила Грета. — Уедет же он когда-нибудь. Вот пусть и забирает их с собой на память о службе!

Дома Уилсона не оказалось. И в этом не было ничего удивительного: пятница. Часы вернулись на стену в гостиной. Рихард отправился по пивнушкам. А Грета устроилась под окном штопать белье.

Ровно в пять минут восьмого в двери щелкнул замок. Лейтенант Уилсон еще в первые дни своего пребывания в Констанце попросил дать ему отдельный ключ, чтобы не зависеть от того, есть ли кто-то в доме. В коридоре раздались шаги. Сперва заскрипели доски лестницы. Ровно две. Потом скрип прекратился, словно бы вошедший замер, занеся ногу. Потом он спустился, и шаги раздавались уже в направлении гостиной, откуда лился свет. Он показался на пороге и посмотрел на стену. Часы были на месте.

— Добрый вечер, — сказал он негромко после недолгого молчания.

— Добрый вечер, господин лейтенант, — отозвалась Грета, не поднимая головы.

— Простите меня. Я понимаю, что, наверное, я... вмешался в вашу жизнь...

Грета кивнула. Это было неизбежно, что их жизни соприкасаются. Они тоже, пожалуй, вмешивались в жизнь своего постояльца. Не пройди он сегодня мимо рынка, смог бы потратить свои деньги с большей пользой.

— Мне было бы проще думать, что мы взяли у вас эти деньги в долг, — сказала она. — Но, к сожалению, я никогда не смогу ни вернуть их вам, ни отработать. От уборки вы отказываетесь, едите вне дома. Если хотите, я могу стирать.

Она откусила нитку и поднялась, чтобы разложить все по местам.

— Прачечная работает исправно. У вас своих забот хватает, — пробормотал он. — Если бы я мог что-то изменить, ничего этого не было бы. Но я не могу.

— А вам и не надо. Мы вам никто, и вы здесь ни при чем, чтобы что-то изменять.

Он кивнул. Она права. Почти. Только это не они ему никто — это он им никто.

— И все же простите, — сказал он и повернулся, чтобы уходить. А потом остановился. Уйти было немислимо. После того поцелуя на улице они избегали друг друга. А он вдруг со всей ясностью осознал — он не хочет избегать. Он не может избегать ее.

Ноэль снова повернулся к ней и тихо позвал:

— Грета...

Она остановилась у шкафа, куда ставила свою шкатулку с нитками, и обернулась к французцу. Он мучительно долго смотрел на нее. А потом просто сказал:

— Вы нравитесь мне.

Что она могла на это ответить? Живущему в ее доме чужому мужчине, который тоже ей нравился. Нравился так, что она забывала о Фрице, которого любила, и с которым у нее был ребенок, погребенный далеко на севере под обломками их дома. Теперь она забывала, что должна ждать мужа. Ведь никто не сказал ей, что он мертв. Но вместо этого Грета все чаще

думала о человеке, который стоит перед ней и смотрит на нее так, что все внутри переворачивается. Его она ждет вечерами, его отчаянно ревнует к каждой девице, бегущей к офицерам, его поцелуй вспоминает.

— Я этого не хотела, — негромко сказал Грета.

— Я знаю. Я тоже не хотел. И понимаю, как для вас это все может выглядеть. Но мы с вами взрослые люди. Мы могли бы...

— Что... мы могли бы?

Он нахмурился. Кажется, когда он делал предложение Денизе Гинзбург, слова вылетали сами собой. Фрау Лемман замуж позвать он не мог. Браки с немками запрещены. С ними даже разговаривать не особенно разрешается. Любые предложения иного рода выглядели бы отвратительно. Для Греты, для него... И все-таки он сказал неожиданно охрипшим голосом:

— Попробовать быть вместе.

Грета сглотнула и, размахнувшись, со всей силой, на которую была способна, влепила ему пощечину.

— Вы не в себе! — выдохнула она и выскочила из гостиной.

Он потер вспыхнувшую щеку и еще некоторое время смотрел на дверь. Еще не поздно было поехать к Риво и надраться до полуобморочного состояния. Нет, все-таки поздно. Все уже поздно.

Потом он ушел к себе. Взясся за перевод. В этот день он задержался, выписывая текст из «Машины смерти». Что-то перевел сразу, сходу. Теперь сидел над тетрадью и вносил правки, помечал неточности. Велено было убрать все витиеватости. Язык должен был быть сухим и внятнм. Когда в следующий раз посмотрел на часы, очнувшись от громких шагов внизу (не иначе явился Рихард Лемман), дело шло к одиннадцати. Потом хлопнула дверь, и дом снова затих. Тихо было до такой степени, что ему казалось, он различает стук собственного сердца. Он разделся, погасил свет и лег в постель. И знал, что совершенно точно не уснет. В глаза бил яркий свет уличного фонаря, проникавший в окно. А перед глазами менялись резкие картинки. Ссохшиеся трупы концлагеря, похожие не на людей, а на уродливых кукол. Маленькая ранка в голове Линке, из которой выходила жизнь. Резня в деревеньке у подножия гор, где под руку попали коллаборационисты, кричавшие, что они тоже французы. Газовые камеры, крематорий, ботинки, валявшиеся в маленьком предбаннике. Господи, он никогда не думал, что ботинки — это так страшно! Он никогда не думал, что после войны станет страшно! Он думал, что после войны он станет есть, пить, спать, жить. Ничего не получалось. Все казалось извалянным, измазанным, отравленным. Он сам был насквозь заражен. Снова картинки. Пожар. Это горело их убежище в горах. Их нашли тогда. И они ушли глубже в горы. Из пятнадцати их осталось шесть. Еще один скончался в дороге. Похоронить оказалось задачей. Лопат не было. И вместо земли — камни. Но вдруг похоронить, как положено, стало важнее всего на свете. Юбер был зол, как черт. Руки стер в кровь. Того, кто хоть попытался бы бросить разбирать эти камни, сам бы убил.

Ноэль выдохнул и перевернулся на бок.

Ворота. Пугающе огромные. Сторожевая башня. Высокие стены. И проволока, за которой нет ничего, кроме того, что жизнью назвать нельзя — только глаза. Мертвые, страшные глаза людей, которые еще дышат, но уже не живы.

И другие глаза. В которых есть что-то, отчего сжимается сердце. От которых выгоревшее покрывается зеленью травы и синевой неба. Оказывается, нет неба ярче того,

что синее над выгоревшим. И, оказывается, что дышать нельзя без этой синевы и зелени. Потому что если можно еще за что-то зацепиться, то за нее. А больше уже ничего не спасет. Все — ночные кошмары. Видения, от которых боишься спать.

Ноэль резко сел на кровати. Хватит.

Быстро встал. Прошлепал к двери. Ее комната тоже была на втором этаже. Чуть дальше от лестницы по коридору. Сколько раз мысленно он шел туда, к ней... И идет теперь — на самом деле идет.

Хотел постучать, занес руку и замер. А потом решительно дернул ручку. Дверь не поддавалась. Заперто. Но он знал, что никуда уже отсюда не уйдет.

Щелчок раздался в тишине слишком громко. В свете ночника ей хорошо было видно, как дверная ручка вернулась на место. Грета часто включала ночник в своей комнате, с самого первого дня приезда в Констанц она боялась оставаться в темноте. В темноте приходили ее мертвые — Гербер, Хильда, бабушка. Иногда мама. Фриц никогда не приходил.

Но там, за дверью стоит другой мужчина — живой, молодой, сильный, красивый, который пришел к ней. И разве не этого она хотела, не об этом думала сегодня, вчера, на прошлой неделе. Так для чего же иногда она закрывала дверь? Чего боялась больше: того, что он может прийти, или что она сама однажды пойдет к нему?

Грета поднялась, тихонько подошла к двери и повернула замок.

На лицо, выступавшее из темноты коридора, упал свет ночника. Его темные глаза смотрели прямо на нее. Он втянул носом воздух и, ничего не говоря, вошел и закрыл за собой дверь. Замок снова щелкнул.

Приблизительно в начале февраля Рихард Лемман с удовлетворением отметил, что жизнь, хотя бы в их с Гретой доме, стала немного напоминать довоенную. Нет, дело не в том, что, заплатив штраф, он получил свидетельство о прохождении денацификации. «Они решили, что я перевоспитался!» — с хохотом провозгласил он, явившись домой с этой новостью. Его самого эта мысль забавляла чрезвычайно. Потому что была отчасти верна — читая союзническую военную газету, разочаровался в коммунистах. Впрочем, других газет не было. Потому, глядя на французов, он не особенно распускал уши.

Было другое. Что-то изменилось неуловимо.

Началось вполне обыкновенным солнечным морозным утром. В такую погоду у Рихарда ужасно кружилась голова. В последнее время эта закономерность изрядно выбивала его из колеи.

Он сел за стол. И Грета поставила перед ним чашку с... кофе. Дымящимся, ароматным, настоящим, а не тем, что характеризовали как «даже немного похоже на кофе». Он быстро посмотрел на полку, где стояли банки лейтенанта. Так и есть. Упаковка кофе переместилась на стол. Рихард перевел недоуменный взгляд на невестку и осторожно спросил:

— И что это значит?

— Кофе? — услышал он. — Может значить только кофе.

Ее ответ его не очень удовлетворил, но он торопливо отпил из чашки, будто боялся, что Грета передумает. Не передумала. По утрам он теперь получал лейтенантский кофе. Чем был весьма доволен.

Рацион стал понемногу меняться.

Сначала незаметно. То кусочек сала в супе, который должен был быть овощным. То белый хлеб вместо привычного уже серого. Рихард отдавал себе отчет в том, что это богатство явно не по продуктовым карточкам получено. Впрочем, решил, что Тальбах отыскал свою совесть где-то среди пивных бочонков.

В одну из пятниц лейтенант Уилсон остался дома. Это случилось впервые на памяти Леммана. Обыкновенно тот уходил в шесть и возвращался сильно за полночь. А тут остался — ни с того, ни с сего. Спустился в гостиную с какой-то книгой. Почитал у камина с полчаса, пока Грета что-то штопала в кресле напротив. А потом демонстративно поднялся, сказал: «Желаю вам доброй ночи!» И ушел в свою комнату.

— Он заболел? — поинтересовался Рихард у невестки.

Грета удивленно посмотрела на него и пробормотала:

— Я учительница, а не доктор.

— Ты не учительница. Ты официантка.

— Тем более, откуда мне разбираться в болезнях, — ответила Грета, сосредоточенно вдевая нитку в иголку.

Это было резонно. И не согласиться с этим с его стороны было бы глупостью. Потом Рихард просто кивнул и стал наблюдать за французом. Внешне все было по-прежнему. Он вставал позже их, когда Грета уже уходила, собирался на службу, коротко здоровался с Рихардом, дожидался гудка автомобиля с улицы и уезжал. Возвращался он вечером, в прежнее время. И уходил к себе. Рихард почти успокоился. До следующей пятницы. Уилсон снова остался дома. Притащил откуда-то шахматную доску и шахматы. И предложил ему,

Рихарду Лемману, партию! Это был явный симптом. Особенно учитывая, что до войны герр Лемман с ума сходил по шахматам. Потом все было не ко времени. А его собственные фигуры и доска были разбомблены вместе со старой квартирой в Гамбурге. Но умение-то пивом не затопишь!

У лейтенанта просто не было никаких шансов. И, снисходительно улыбаясь, немец согласился сыграть.

Спустя пару часов Лемман сердито хмурился, смотрел то на шахматную доску, то на лейтенанта, и решительно обличал его:

— Сейчас вы могли съесть моего ферзя! Я же прекрасно видел! И вы видели! Так почему не съели?

— Потому что я не видел.

— Лжете! Лжете, как ваши газеты!

— К прессе я не имею никакого отношения, только к кино.

— Ааа! — махнул рукой Лемман. — Плевать! Вы выиграли у меня перед этим две партии! Выиграли враз! Неужели вы думаете, я поверю, что вы не заметили ферзя!

— Поверите, потому что это правда!

— Я в состоянии еще определить хорошего игрока!

— И хорошие игроки бывают рассеянными.

— Чушь! Вы меня пожалели! Я отказываюсь играть с вами впредь.

— Жаль. Мне понравилось.

И в этот момент Уилсон так обезоруживающе улыбнулся, что шансов не стало у Рихарда. Уголки его губ медленно поползли вверх, и он сказал, пытаясь скрыть улыбку:

— Однажды мне повезло. Очень повезло. Я оказался в одном окопе с французом, и он не убил меня. Пожалел. Мне было девятнадцать. С тех пор я часто говорю, Грета не даст солгать... Даже когда мир катится к черту, найдется француз, который не выстрелит.

— Я наполовину русский.

— Я постараюсь это пережить, — совершенно серьезно ответил Лемман. И вдруг увидел нечто невероятное, что уже и не ждал увидеть. Грета в своем кресле едва заметно улыбалась. У него перехватило дыхание от понимания того, что это они с Уилсоном заставили ее улыбнуться. Не желая застать ее врасплох, он быстро опустил глаза к шахматной доске и вернулся к партии.

На следующий день их рацион претерпел новых изменений. Грета приготовила картофель, принесенный откуда-то лейтенантом, и... тушенку. Благоухало так, как не благоухало уже много-много месяцев, не считая Рождества. Потом происходящее немного разъяснилось. Уилсон впервые ужинал с ними, а не в столовой при комендатуре. Он быстро поел и ушел в свою комнату. Рихард озадаченно смотрел ему вслед. А затем снова перевел взгляд на невестку.

— В сущности, он славный малый, не находишь? — подозрительно спросил он.

— Возможно, вы просто к нему привыкли, — пожав плечами, отозвалась Грета.

— А ты?

— Вы считаете это неправильным?

— Я ничего не считаю. Мне никогда не полагалось что-то считать! Это вы, молодые, на все имеете свое мнение!

Ничего не ответив, Грета стала убирать со стола. Неожиданно подошла к Рихарду, порывисто его обняла и, поцеловав в щеку, шепнула: «Старый ворчун!» И ушла наверх.

Рихард так и остался сидеть, глядя на чистый стол и по-дурачки улыбаясь.

С тех пор француз с ними и ужинал. Это настораживало, но спрашивать старый немец не решался. Он наблюдал за обоими. Слишком явно было — что-то происходит между ними. Но что именно и как далеко зашло?

Теперь он ясно видел, как эти двое подчас замирают, глядя друг на друга. Мимолетно. Не присмотришься — не заметишь. Но Лемман всегда считал себя довольно внимательным. Как можно объяснить то, что продукты из армейского пайка стали появляться на полках с завидной регулярностью? Или то, что он однажды застал Грету, относившую в комнату лейтенанта постельное белье, самое красивое в доме, с кружевной прошвой? Или то, что Уилсон починил поломанное кресло с чердака и перетачил его в гостиную к окну, чтобы во время шитья Грета не ютилась на стуле? Или то, что Грета вдруг стала напевать себе что-то тихонько под нос, когда возилась по хозяйству?

Потом произошло уж вовсе невероятное. Однажды она принесла два старых платья своей бабушки и села их распарывать. При этом вид у нее был весьма вдохновленный.

— Что это будет? — осторожно поинтересовался Рихард.

— Платье. Если получится.

— Аааа... — протянул он и пошел на кухню, курить. Платье — это слишком серьезно. Платье — это уже не просто повод для беспокойства, это огромный плакат с красными буквами, предназначенный мужчине, гласящий: «Может быть...»

Однажды старик проснулся среди ночи от того, что во рту пересохло. Потянулся к графину на тумбочке и замер. Какой-то странный, едва различимый звук заставил его прислушаться. То ли мышинный писк, то ли кому-то среди ночи вздумалось покататься на несмазанных качелях... Какие еще качели в конце зимы? И вдруг понял — это кровать поскрипывает на втором этаже. Это, черт ее подери, кровать поскрипывает! Мерно, в каком-то одном ритме... ритме, известном всем мужчинам и женщинам всей земли. Лемман расплылся в улыбке, откинулся на подушку и легко вздохнул. Вот и ответ... Он торопливо укрылся одеялом с головой. И вскоре спокойно и крепко уснул.

— Представляешь, хочу грушу, — Грета тихонько рассмеялась. — Никогда не любила груши. А сейчас, кажется, съела бы... Такую сочную, знаешь, чтоб по рукам стекало...

На узкой кровати Ноэля они не могли быть иначе, как тесно прижавшись друг к другу. Ей нравилось приходить в его комнату. Открывать для себя новые ощущения. Его рука на ее груди не давала ровно дышать. Или нога ее затекала под тяжестью его ноги. Грета редко засыпала в такие ночи, словно боялась что-то упустить, что-то важное, значимое, что придаст ей сил пережить еще один день.

Теперь она смотрела в черные провалы его глаз, зеленый цвет которых хорошо помнила. И чтобы видеть их, она не нуждалась в свете.

— Ты был в детстве, наверное, ужасно смешной!

— Я был гадкий, — лениво прошептал Ноэль, касаясь губами ее волос. — Обрывал груши, такие, о которых ты говоришь, в чужом саду, когда ездили за город. Заливал клеем туфли актрис, бывавших в доме. Выпустил мамину канарейку. Отчим ужасно злился...

— В твоём доме бывали актрисы? — с любопытством спросила Грета.

Ноэль чуть повернулся к ней и провел губами по ее шее, вдыхая запах кожи.

— Да. Я рос за кулисами. Мама — актриса, отчим — режиссер. Ужасный зануда, старше ее лет на двадцать. Он отправил меня в Бэдфорд, когда я застал его с какой-то

девчонкой из балета. Я выскочил из шкафа в самый неподходящий момент с простыней на голове и с воплем: «Я привидение!»

Грета выводила пальцем узоры на его груди, пока слушала. Представив себе эту сцену, она прыснула, уткнувшись в его плечо. И все еще посмеиваясь, проговорила:

— Первый раз общаюсь с привидением.

— Мистер Уилсон тоже оценил, — рассмеялся Ноэль. — Настолько, что избегал забирать меня домой на каникулы. Из этой тюрьмы я вырвался только к пятнадцати годам, когда мама вышла замуж за отца.

Не находя слов, Грета чуть приподнялась, долго удивленно смотрела на Ноэля и, наконец, медленно проговорила:

— Я запуталась.

— Я тоже, — хохотнул он, с обожанием глядя в ее нежное лицо, на которое теперь упал яркий свет уличного фонаря. — И до сих пор не распутался. Но так уже вышло. Мама вышла замуж за отца, когда я был уже довольно взрослым мальчиком, весьма заинтересованным в том, что девочки прячут под юбками.

— Не думаю, что им удавалось это спрятать от тебя, — Грета снова примостила голову на подушке. — Мне тоже не удалось, — пробормотала она и нахмурилась: вышло серьезнее, чем ей бы хотелось.

Он перекатился на нее, опершись локтями на матрац, чтобы не придавить женщину под собой. И их губы теперь почти соприкасались. Он слышал, как бьется в ней сердце. Казалось, еще немного, и услышит, как бьются в ней мысли.

— Я же сказал, что был гадким, — шепнул Ноэль. — Но я исправляюсь. А ты? Ты была хорошей? Мне кажется, ты носила платица с рюшами и ленточки в косах. Это тебе очень подходило. У тебя и теперь бывает такой чистоплюйский вид, что хочется взъерошить.

— Я — чистоплюйка. Другой не буду, — она коснулась губами его губ. — Тебе не нравится?

— Господи, да я с ума схожу от твоего чистоплюйства, твоей благопристойности, твоего благоразумия и от того, как ты смотришь на меня вечерами, когда ждешь ночи.

Грета улыбнулась, довольно сощурившись, и пробормотала:

— Скоро начнет светать. Ты не спал совсем.

— Ты тоже, — он убрал с ее лица несколько прядок оказавшихся возле рта волос и нежно-нежно, легко-легко стал целовать губы, нос, глаза, лоб, а потом остановился и шепнул: — Будешь спать?

— Нет! — проговорила в губы и обхватила его ногами, запоздало удивившись себе.

Среди мелких хлопот и частых бессонных ночей незаметно наступила настоящая весна. На деревьях появилась зелень, каштан во дворе по многолетней привычке растил свечки между лапастых листьев, в некоторых дворах смело царили первоцветы.

Проснувшись однажды солнечным утром, Грета встала с намерением вымыть в доме окна. Что бы ни происходило в твоей жизни — окна должны быть чистые. В погребок ей надо было прийти после обеда, а за полдня она успеет убраться в комнатах.

Прихватив ведро и тряпки, она решила начать с комнаты Ноэля.

Губы сами растянулись в улыбку. Она улыбалась своим воспоминаниям, ночным разговорам, запаху табака, который, несмотря на все ухищрения, все равно чувствовался в комнате. Грета теперь часто улыбалась. Ноэлю. Рихарду. Она знала, что старик посмеивается над ними, и, замечая его хитрый взгляд, обязательно смущенно целовала его. Если бы не Рихард, она никогда бы не оказалась в Констанце и никогда бы не встретила лейтенанта Уилсона. И не была бы так счастлива, как теперь.

Грета подошла к окну, собрала с подоконника какие-то вещи — разную мелочь, которая накапливается словно сама собой, даже если твои вещи умещаются в единственный чемодан. Из рук ее выпал футляр. Плотный, обтянутый коричневой кожей, немного потрепанный, но, видимо, следовавший за своим хозяином уже очень давно и, конечно, повсюду. Он звонко стукнулся о пол, раскрылся от удара, и из него посыпались безделицы, которые совсем не нужны, но жалко выбросить. Грета улыбнулась своей неловкости, оглянулась на дверь, подумав, что вот-вот из уборной выйдет Ноэль, собирающийся в комендатуру. Торопливо наклонилась и стала собирать выкатившиеся несколько монет, запонку, медальон...

Быстрым взглядом осмотрела медальон. Украшения с характером лейтенанта никак не вязались. Уль... обычный сувенир, какие сотнями продают на ярмарках. Но у француза? Грета перевернула медальон. Fridrich... второго такого быть не может.

Вздрыгнула.

Гадкая, тошная мысль больно резанула внутри.

Ноэль убил ее мужа.

Эта мысль забила, будто бы вместо сердца. И Грета так и осталась стоять, не в силах сдвинуться с места. Куда и зачем? Неважно...

Он застал ее одну в своей комнате, когда выходил из ванной. То, что она там, он понял еще в коридоре — дверь была приоткрыта. Улыбнулся тому, что так вовремя из дома ушел Рихард, а до приезда служебного автомобиля еще целых полчаса, за которые, увы, так мало можно успеть. Так мало и одновременно так много. Ноэль перекинул полотенце через шею и вошел в комнату.

Она стояла спиной к нему у окна. И почему-то сейчас показалась ему совсем маленькой, совсем хрупкой. Таковую хотелось прижать к себе и никуда никогда не отпускать. Браки с немками запрещены... Пусть. Это ведь не навсегда.

Он подошел к ней, склонил голову и поцеловал ее открытую шею, выступающую из выреза блузки.

— Ты здесь при свете дня, — негромко сказал Ноэль с улыбкой в голосе. — Почти невероятно.

Резко отпрянув, Грета развернулась к нему лицом и стала медленно отступать к стене.

Не отрывая от него хмурого взгляда. Кто был этот мужчина? Ее любовник. Убийца отца ее сына.

Она протянула к нему раскрытую ладонь, на которой лежал медальон.

— Откуда он у тебя?

Ноэль как-то сразу все понял. Он долго смотрел на медальон, но видел только линии на ее руке. Они были глубокие, четкие, ни одной смазанной, будто вся жизнь ее определена заранее. Как странно, он никогда не верил в гадания и прочую чушь. А линии на ее руке, будто нарисованные жирным карандашом или тушью, впервые заставили его пытаться что-то в них прочесть.

Потом поднял глаза на Грету. Даже сомнения не возникло. Ни на секунду.

Гамбург. Лемманы были из Гамбурга.

Мюнстергассе, 17? Кажется, так...

Так не бывает... Но случилось. С ним, в его чертовой жизни! В памяти, залитой кровью, резко всплыло пятно на шинели под ключицей никому не известного шофера, чью фамилию он давно забыл.

А он был Лемманом!

Фридрихом Лемманом.

Ноэль шагнул к Грете и снова остановился.

— Он погиб во Франции, — ровно сказал он. — В сороковом. Вместе с оберштурмбаннфюрером Линке.

— Откуда он у тебя?

— Я был в той машине. Он отдал.

Так просто — он отдал. Грета сжала ладонь. Медальон больно впился в кожу. От этого не так стучало в голове. Глухо ныло, что теперь она ничем не отличается от девиц у комендатуры. Картофель, тушенка, кофе. Кофе был для Рихарда. Но жили же они столько лет без этого проклятого кофе!

Она оторвала тяжелый взгляд от Ноэля, обвела им комнату. В этой комнате вся ее прошлая жизнь с мужем оказалась неважной. Ей нравилось приходить сюда, делить постель с этим французом. Забыв, что Гербер ее убит. Что им сделал маленький Гербер, что на его голову сбросили бомбы? И Фриц убит.

Он убил Фрица.

Грета глубоко вздохнула. В комнате пахло табаком. Фриц никогда не курил.

— Как вы оказались в одной машине? — глухо спросила она.

— Я спланировал убийство Линке. Он лично казнил женщину, на которой я собирался жениться. Линке увлеклся египтологией, я сыграл на этом. Мы вместе ехали в Париж. Дорóгой автомобиль расстрелял снайпер. Шоферу не повезло — он просто был шофером этого человека.

— Он просто был моим мужем. У нас просто был ребенок. И мне просто не повезло.

— А еще просто была война. Которую не мы развязали.

Грета положила Улля в карман передника.

— Право победителя, — кивнула она, подняла с пола ведро и направилась к выходу.

Он рванул за ней. Обогнал на пороге и резко закрыл дверь, не давая ей выйти.

— Прости меня, — выдохнул он.

— Не надо, — подняв на Ноэля глаза, проговорила она негромко. — Ты делал то, что считал должным. И мне пора об этом вспомнить.

— О чем вспомнить, Господи? Ну чего ты хочешь от меня? Я все сделаю. Только останься.

— Я не могу. Тебе не нужно ничего делать. Я не могу.

— Пожалуйста, Грета...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Одновременно с его «пожалуйста» с улицы донесся сигнал автомобиля. Ноэль вздрогнул. Прошли его полчаса. В глаза ей теперь смотреть не получалось. Слишком ясно осознавал — она действительно не может. К чему мучить еще и этим. Глядя на него, она всегда будет видеть только убийцу своего мужа... и своего ребенка. И все-таки он, игнорируя повторный гудок, снова прошептал:

— Пожалуйста...

— Тебя ждут, — ровно сказала Грета. Тем тоном, каким говорила когда-то давно. До той ночи, когда открыла ему свою дверь. До тех ночей, когда бегала к нему, как изголодавшаяся дворовая кошка.

Ноэль больше не останавливал ее, и она, наконец, ушла из комнаты, в которой за один миг все встало на свои места. Он невидящим взглядом смотрел в дверной проем. Потом с тем же взглядом прошел к кровати, стянул с шеи полотенце, бросил его на спинку и стал одеваться. Одевался он быстро по армейской привычке.

Когда уже садился в машину, зачем-то оглянулся на окно кухни, которое выходило на дорогу, и из которого Грета смотрела в те дни, когда оставалась дома дольше него. Это бывало редко — обычно она уходила очень рано, когда он еще спал, наверстывая ночные часы.

Сейчас в окне было пусто.

— Что-то вы сегодня задержались, господин лейтенант, — сказал капрал Жером, улыбаясь. — Дела не пускали?

— Дела, — отрезал Ноэль. — Едемте.

В тот вечер он вернулся поздно и сразу поднялся в свою комнату. Видеть ее больные глаза было выше его сил. Мучить ее своим присутствием — еще хуже.

За ужином Рихард получил капустную похлебку с кусочком рыбы из армейской консервы. Грета к ужину не притронулась и ушла к себе. С тех пор она почти не ела и совсем перестала улыбаться. Спрашивать снова ничего не стал. Захочет — расскажет сама. Но она не рассказывала. Она словно была где-то бесконечно далеко, неожиданно обнаружив, что существует отвратительно страшный мир за пределами построенного ею мира. Построенного ими мира. И об этом нельзя забывать.

— Господи, это чушь какая-то, — рассмеялся Юбер. — Я уже не знаю, кого ненавижу сильнее. Немцев за то, что они сделали. Или наших тварей с их гребанными анкетами, кино, перезахоронениями и прочим дерьмом, которое проходит через меня.

— Каждый делает то, что должен, и то, что может, — отмахнулся Ноэль и пригубил бокал.

— Ни хрена. Мы ничего не можем. В горах, без погон, мы могли больше. Здесь только два пути. Либо к стенке и расстреливать тысячами. Либо просто забыть и делать вид, что все нормально. Я бы выбрал первый вариант, но у нас патронов не хватит.

— Есть еще бомбы.

Уилсон поморщился и мотнул головой.

И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли. А там был маленький Гербер Лемман. И его тоже ниспровергли.

Ноэль хорошо помнил ее взгляд, когда она рассказывала ему о том, что у нее был сын. О его гибели она сказала кратко: «Нас разбомбили. Он умер». Он повернулся к ней, привлек к себе и тихо спросил: «Ты плакала тогда?»

«Кажется, нет, — ответила Грета. — Я не помню тех дней. Я помню, что Рихард привез меня в Констанц. Здесь плакала. Когда поняла, что Гербер остался там, под завалами. Когда думала, что ему было больно. А я ничем ему не помогла».

На это Ноэль ничего не мог сказать. Мог только обнять, прижать к себе крепче. И больше никогда-никогда не заговаривать ни о войне, ни о том, что было до войны. Все это осталось за окнами и за дверью его комнаты, в которую она приходила. Весь мир был там. Настоящими они казались себе только друг возле друга.

Как вышло, что от мира не спрячешься? И нужно было принимать друг друга со всем их прошлым и настоящим. Можно ли принять? Нужно ли? Она не смогла, и не ему винить ее в этом. Потому что тысячу раз виноват сам.

— Бомбы — это выход, — хохотнул Юбер. — И лучше ядерные, как в Японии.

— Право победителя.

Тогда, шесть лет назад, он победителем не был. Он взял на себя право мстить. Это было правильно. Иначе было нельзя. Последующие годы он расплачивался за это решение. В горах, в городах, в огне и дыме. И теперь расплачивается. Оставалось посыпать голову пеплом. Или просто не быть.

Весна была ужасной. Он много пил, мало ел, почти не спал. Он изматывал себя. Днем работой, ночью — алкоголем. Остановиться не мог. Было тошно. Они с Гретой настойчиво избегали друг друга и почти не виделись. Когда он выходил из комнаты, ее уже не было. Когда он возвращался, она давно спала. Дважды он, накачавшись спиртным, задерживался перед ее дверью среди ночи, тянулся к ручке и уверенный, что комната заперта, уходил к себе.

— Какое, к черту, право! — не унимался Юбер. — Я бы и Риво подорвал, будь моя воля! Мы это все натворили! Все вместе, понимаешь?

— Все вместе, понимаю, — тупо повторил Уилсон.

Это он понимал лучше кого бы то ни было. Особенно здесь, по пятницам. Глядя в лица

солдат, шлюх, жены генерала. Мадам Риво была милейшей особой. Спокойной, феноменально сдержанной, очень высокой, очень худой, с красивыми чертами вечно безмятежного лица. Она проплывала мимо нетрезвых офицеров с едва заметной улыбкой на губах, наклонялась к генералу, шептала ему что-то на ухо и уходила. После этого обыкновенно он пил меньше или не пил вовсе. Если сбросить бомбу на голову Риво, как бы она жила? Предпочла бы, чтобы ее голова была где-то поблизости? Как вздрагивали бы ее плечи, как говорила бы она: «А я ничем ему не помогла». Ноэль поморщился и, чуть повысив голос, чтобы перекрыть лившийся из патефона фокстрот, сказал:

— Раз вместе, то тогда ясно, за каким хреном мы здесь все еще торчим, будто в заточении. Отвечаем за содеянное наравне с ними. Если бы нам еще разрешили на них жениться и плодить здоровое потомство, было бы идеально.

— С кем? С немками? — Юбер расхохотался. — Да я лучше оттрахаю свинью, чем женюсь на немке.

— Но трахаешь ты немок, а не свинью, — пьяно улыбнулся Ноэль. — Чем они хороши для одного и плохи для другого?

— Тем, что они немки, — отрезал Юбер, улыбки на его лице как не бывало. И вместо улыбки появилось хищное выражение, которое Ноэль очень хорошо знал — так Юбер глядел на врагов. Наклонившись к лейтенанту и не отрывая взгляда от его глаз, он зашептал быстро, четко, внятно, как будто не выпил перед этим несколько стаканов крепкого виски: — А я расскажу тебе, как их вывалили в грязи, от которой пачкаемся все мы. Самая простая учительница младшей школы обязательно была членом Национал-социалистического союза преподавателей. Ее обрабатывали в лагере, учили строевой подготовке, вбивали в голову какие-то статьи и лозунги, чтобы она потом вбивала их же в головы учеников. Потом заставляли вступать в партию. Она не сопротивлялась. Потому что считала это правильным. Была уже достаточно обработана. Знаешь, как выглядел букварь, по которому она учила детишек читать? На обложке карикатура с евреем и надпись: «Не верь лисе в степи, не верь еврею в его божбе!» Нравится?

— Мне плевать.

— Нет, тебе не плевать. Ты ненавидишь это, Уилсон. Потому что такие, как эта учительница, заставляли детишек желать смерти Денизе Гинзбург.

— Она не могла, — пробормотал Ноэль, ощущая, как к горлу снова и снова подкатывает тошнотворный ком.

— Она могла. И тебе придется это запомнить, Уилсон.

Юбер усмехнулся, глядя на лейтенанта. Его беда была в том, что он понимал слишком много.

— Я ничего не хочу помнить, — негромко ответил Ноэль. — Я хочу только забыть.

— Тогда допивай свой виски и иди танцуй с Карин. Так оно вернее.

Карин сидела на подоконнике и раскачивалась в такт музыке. Ее светлые волосы были распущены, зачесаны на косой пробор, как у Вероники Лейк, и крупные локоны спускались на плечи. Черты мелкие и довольно смазливые для немки. Но Ноэль ловил себя на мысли, что никогда не помнит ее лица. Ее лицо интересовало его меньше всего на свете. Все знали, что девушка с самой большой грудью в гостинной генерала Риво — это Карин. На ней было темно-синее платье, старомодное, но явно перешитое — укороченное и со слишком большим вырезом. Тонкие руки в узких рукавах казались еще тоньше. Сейчас она опиралась ими на подоконник и слушала болтовню молоденького су-лейтенанта, желавшего привлечь

ее внимание. А еще она неотрывно следила взглядом за Уилсоном. Тот, отставив в сторону стакан, встал с дивана и направился к ней, едва чувствуя под собой поскрипывающий паркет.

— Фройляйн танцует? — спросил он.

— С удовольствием танцует, — с придыханием ответила Карин, спорхнув, будто птичка, с подоконника.

Он обнял ее, резко придвинул к себе, развязно зашарил рукой по спине, словно бы устраивал ее поудобнее. И повел в танце. Все так же не чувствуя под ногами пола. Он был слишком пьян, чтобы что-то чувствовать. И одновременно с этим слишком сильно чувствовал свое собственное тело, которое слушалось и поддавалось неточно, рвано, совсем не так, как ему представлялось.

Потом они оказались в ее квартире, на знакомой с какого-то времени кушетке. Он узнал эту кушетку по забавному узору на зеленой ткани. Мелкие бежевые цветочки. Такие подходят для детской комнаты. А не для комнаты шлюхи.

Карин лежала под ним, он еще до конца не разделся, снял только мундир и рубашку, но уже стянул с нее лиф платья. И мял ее большие полные груди. Она тихонько охала и подавалась навстречу его прикосновениям. Он глупо думал о том, были у нее дети или нет. Грудь совсем не девичья, хотя формы не потеряла. Он наклонился и стал целовать ее, чуть втягивая в себя ее горячую кожу и все сильнее возбуждаясь. А потом вдруг понял — это он не Карин, это он Грету сейчас целует. Это ее груди он мнет. Ее он хочет до дрожи. Так, что почти задыхается.

Он втянул носом воздух и перекатался на спину.

— Прости, я пьян. Слишком. Не могу, — прохрипел Ноэль, сосредоточенно глядя в потолок и сдерживая шумное дыхание.

— Это ничего, — ответила Карин. И тут же оказалась на его голой груди. Несколько мгновений она смотрела на его лицо, будто замороженная, и, наконец, тихо сказала: — Какой же вы красивый, господин лейтенант. Я бы всю жизнь только вас целовала.

Он ничего не отвечал. Он продолжал смотреть в потолок. Когда она стала частыми легкими поцелуями покрывать его лицо, он ничего не говорил. Ему следовало бы уйти сейчас же. А она зачем-то бормотала:

— Я помогу, я помогу вам.

Ее губы спускались все ниже. По подбородку к кадыку, к ключицам. Язык исследовал его кожу там, где ее не покрывали рыжеватые волосы. Она чуть прикусила его сосок и двинулась ниже, к животу. До тех пор, пока не нашла застежку брюк. В тот момент, когда ее дыхание коснулось внутренней стороны его бедра, он, чувствуя только снова резко образовавшийся в горле ком, оттолкнул ее и бросился в уборную. Его выворачивало. Как в детстве, когда отравился испорченной рыбой, поданной на стол. Еще хуже ему становилось от запаха собственной блевоты.

Уходя рано утром, когда небо еще только чуть окрасилось синим, а он едва почувствовал себя способным выйти на улицу, оставил ей на кофе. Труды должны быть вознаграждены. Больше он ничего не мог. И больше он ничего не хотел. Она сидела на кушетке, укрывшись простыней, и жалобно смотрела на него, словно бы была в чем-то виновата. А он думал, что так и не запомнил ее лица. Но всегда видел перед собой другое лицо. С мелкими морщинками вокруг глаз, которые удивительным образом умели улыбаться.

Поднявшись по лестнице, прошел по коридору к себе в комнату. А потом обреченно и устало двинулся дальше — к Грете. И стоял несколько минут у ее порога. Прикоснулся к дверной ручке, но так и не надавил сильнее. Прижался лбом к двери и закрыл глаза. Он устал. Он просто невыносимо устал от того, чтобы быть без нее. Потому что быть без нее не получалось.

В это самое время Грета стояла у окна, глядя на дорожку, ведущую к крыльцу. По ней несколько минут назад Ноэль прошел в дом. Скрип половиц в прихожей, шаги на лестнице, вдоль коридора. Она слышала, как он подошел к ее комнате. Кажется, до сих пор там стоит. У запертой двери.

Ночью Грета совсем не спала. Вела с собой бесконечный разговор. Часто вставала, смотрела на часы. Половина второго, три.

Вечером оставила дверь открытой. Видела, как за ним пришла машина, понимала, куда он уехал. Как прежде, словно и не было ничего между ними. Но дверь не заперла.

Однажды Ноэль оборвал ее одиночество. Она привыкла быть с ним. Только это? Но что заставило его однажды прийти к ней? Это было, вероятно, удобно, и можно было не таскаться к Риво.

Она кусала губы, беззвучно плакала.

Когда стрелки показали четыре, Грета повернула замок. Больше не легла. Успокоившись, стояла и смотрела в темноту за окном, зябко куталась в кофту. Видела, как начались сумерки, как становилось все светлее. В такое время она обычно уходила от него.

В прошедшие дни Грета иногда думала, что не только ночи привязывали ее к нему.

Она скучала по утрам, когда могла проводить Ноэля взглядом из окна. Скучала по вечерам, когда сидела с ним за одним столом или слушала их разговоры с Рихардом. Скучала по мимолетным прикосновениям, по внезапным воспоминаниям, приходящим днем, по легкости, с которой она бежала домой после работы. Теперь она знала то, о чем совсем не думала, пока они были вместе. Эти несколько недель были для нее наполнены жизнью, мечтами, светом. Весной, которую она вдруг заметила впервые за много лет. Рядом с ней был человек, которого она... любит. Как просто.

Грета прикрыла глаза. Услышала шорох гравия — возвращался Ноэль. Где он был, с кем? У нее нет права на этот вопрос. Он ничего не обещал. Не хотел, не мог. Но ей бы и этого хватило.

Если бы не Ульль, лежавший в ее шкатулке.

Что бы ни происходило в твоей жизни — окна должны быть чистыми. Так всегда говорила бабушка. А она знала, как лучше жить, и что нужно делать для всеобщего счастья. И была абсолютно уверена, что, если бы все были похожи на нее, мир был бы идеальным.

Грета выключила плиту — ужин для Рихарда был готов. Для него она по-прежнему брала продукты Ноэля. И потому ничего не рассказала старику про Фрица. Она ругала себя за малодушие, но оставить Рихарда без нормальной и в достаточном количестве еды не могла. Тем более, все равно и это когда-то закончится. Рано или поздно Ноэль уедет во Францию. Сама дома почти не ела, отговариваясь тем, что Тальбах разрешил обедать в погребке.

Она уныло глянула на окна. Нужно вымыть, чтобы не думать о еде. Распахнув створку, услышала звук подъехавшего автомобиля. Кроме Ноэля, больше никому, но время было неурочное. Грета плотно сжала губы и нахмурилась. Было от чего. Лейтенант Уилсон теперь мало чем напоминал того офицера, что поселился в их доме много месяцев назад. Он похудел, и одновременно с этим лицо его нездорового цвета приобрело ту опухлость, которая бывает при чрезмерном увлечении алкоголем. Весь он казался помятым, и это мало кому могло понравиться. Последние недели доводили до изнеможения обоих. Даже если не отдавать себе в том отчет, нельзя было не чувствовать этого. И вместе с тем, он так ни разу и не приблизился к ней после того их последнего разговора, когда все вдруг стало на свои места. Господи, на свои ли?

Увидев ее в окне, Ноэль замер на одно только мгновение, но она не могла не заметить. Так, словно это мгновение длилось вечность. Потом он отвернулся к шоферу и что-то ему сказал.

Кроме Уилсона из автомобиля вышел мужчина преклонных лет в добротном плаще — даже на таком расстоянии было видно. И в шляпе с узкими полями. Этот мужчина был невысок, но подтянут. Лицо его было гладко выбрито. В лучах заходящего солнца блеснули очки.

Офицер и незнакомец проследовали к дому. В замке звякнул ключ, и входная дверь распахнулась. До Греты донесся оживленный голос Уилсона:

— Пройдемте в гостиную, герр Кунц. Я позже найду номер моего отца. Сначала давайте выпьем кофе. У меня есть не самый плохой коньяк. Любите вы кофе с коньяком?

— Да, да... Для плаща холодновато. Я бы не прочь.

Голос Кунца был хриплый, немного неприятный. И он так растягивал гласные, словно бы говорил нараспев.

— Проходите сюда, присаживайтесь. Я сейчас приду.

Потом шаги зазвучали по лестнице. К его комнате.

И через пару минут Уилсон явился на порог кухни. В руках его была бутылка коньяка. Начатая.

— Могу я попросить вас? — сказал он ровным голосом.

— О чем?

Грета спустилась с подоконника и, не глядя на Ноэля, вытирала руки о передник.

— У меня гость. Мне бы хотелось угостить его кофе. Вы сварите? С коньяком. Он замерз.

Она вскинула на него глаза. Уилсон никогда не приводил гостей, кроме брата. И никогда ни о чем не просил ее. И теперь просит не для себя, а для этого человека. Кунц... Что-то знакомое, хотя фамилия далеко не редкая...

Грета кивнула и достала из буфета кофейник. Ноэль поставил бутылку на стол. Обернулся к ней и запоздало проговорил:

— Простите, я не предупредил. Для меня это тоже неожиданность.

— Вам незачем оправдываться.

— Спасибо, — кивнул он, помолчал несколько секунд, словно бы ожидал чего-то, и пошел в гостиную.

Грета долгим взглядом проводила его в спину, пока он не вышел из кухни. Еще несколько минут постояла в растерянности у плиты. Но кофе сам не сварится. Она взяла с полки банку, всыпала несколько ложек в кофейник и залила водой.

Вдруг до нее донесся голос незнакомого герра Кунца, кажется, еще более тягучий и неприятный:

— В Констанце я оказался случайно. Окончание войны застало здесь, я временно жил у сестры. Надеялся выехать из Германии хотя бы в Швейцарию, но тут зашли ваши войска, и это стало невозможно. Назад тоже вернуться было нельзя. Теперь эта ваша денацификация.

— Да, я понимаю... — Ноэль говорил тише, но и его было хорошо слышно. — Перемещения по стране сейчас затруднены. Но неужели не могли сделать для вас исключение? Вы ученый с мировым именем. Вас любой университет с руками бы отхватил.

— Не теперь, молодой человек. Теперь я, вроде как, с запятнанной репутацией. Нацист, как вы понимаете. Тавро на шкуре. Пока не получу свидетельство о денацификации, так и придется здесь жить.

Грета вздрогнула, просыпав сахар, который ссыпала в сахарницу.

Тавро на шкуре. Она с таким же тавром. Навсегда. Даже если когда-нибудь получит свидетельство. Получит ли? Или только способом, который предлагал капитан Юбер?

Она аккуратно собрала рассыпанный сахар и стала следить за кофе.

— Я подумаю, чем могу помочь вам, — голос Ноэля звучал сдержанно, но уверенно. — Это нельзя оставлять просто так.

— Придется, молодой человек. Мое имя значится в стольких учебниках... Так извратить то хорошее, что у нас было, и превратить в... это... Когда думаю, успокоиться не могу.

— Я читал ваши статьи подростком в Osteuropa. Рунические памятники древних германцев.

— Это было бесконечно давно, господин лейтенант...

Кунц... Почему ей казалось, что он должна знать этого человека. Учебники... древние германцы...

Грета ходила от буфета к столу, где собирала на поднос чашки, сахарницу, в молочник развела молока из армейского пайка. Кофе почти закипел. Коньяк. Грета бросила злой взгляд на бутылку. Вылить бы его в раковину! Но это ничего не изменит, он найдет другую. Она догадывалась почему. Знала, что ему больно. Если бы только могла помочь...

— Я напишу отцу. И позвоню для верности. Может быть, если действовать через него, что-нибудь получится. Вы не можете здесь прозябать. Если будет экспедиция, то он волен сам приглашать в группу тех, кто ему нужен. Если ему не откажут...

— Очень много «если», — перебил его Кунц. — Николай Авершин, без сомнения, один из лучших специалистов в египтологии. Но у нас с ним разные специализации. Зачем ему

последователь нордизма в группе. Мне иероглифы — как ему руны. Кто в такое поверит?

— Мы могли бы все же попытаться.

Грета поставила на поднос кофейник, две рюмки с коньяком, достала салфетки и прошла в гостиную. Ноэль подался ей навстречу, перехватив поднос, и коротко сказал:

— Познакомьтесь, это профессор Альберт Кунц. Я с детства знаком с его работами по научным журналам. Герр Кунц, это фрау Маргарита Лемман. Хозяйка дома.

Кунц привстал и старомодно склонил голову в знак приветствия, бросив на нее взгляд. Но смотрел словно бы сквозь нее.

Грета коротко кивнула в ответ... и вспомнила. Брошюра «О нации и воспитании». Статьи философов, социологов, других ученых, обязательные к использованию в каждодневной работе. Знание брошюры проверялось каждый семестр. Профессор Берлинского университета Кунц превозносил особенный дух нордического человека.

— Желаете что-то еще? — хмуро спросила она Ноэля, отвернувшись от его гостя.

— Нет, благодарю вас.

Грета почти выбежала из гостиной. В ее голове не укладывалось, как Ноэль мог привести этого человека в дом. После того, что он рассказал ей о себе, Линке, Фрице. В кухне Грета подошла к окну и тяжело втягивала в себя холодный воздух, стараясь больше не прислушиваться к тому, о чем говорят в гостиной.

«Когда этот человек уйдет, надо будет проветрить весь дом», — повторяла себе Грета раз за разом.

Не прислушиваться все же не получилось. Разговор в гостиной раздавался в совершенной тишине. Впервые за столь долгое время голос Ноэля звучал увлеченно, красочно, энергично. Она почти забыла, что он может быть таким. Профессор больше отмалчивался. Ноэль рассказывал о юности, о том, как в шестнадцать лет профессор Авершин забрал его с собой в экспедицию в Фивы. Тогда он оставил школу и доучивался уже на дому. К двадцати семи он стал преподавать в Парижском университете. И не оставлял надежды снова попасть в Египет для исследований, если это станет возможным.

— Перед войной почти удалось, — заключил Ноэль. — Мы договорились сотрудничать с Немецким домом. Не сложилось.

— Тогда очень многое не сложилось, господин лейтенант, и очень у многих. До войны я еще питал иллюзии относительно происходящего. Страшно стало, когда оказалось, что я лишь гайка в механизме. Так что у меня не сложилось куда больше, чем у вас.

— Вы не знали, чем это закончится.

— Не знал. Никто не знал. Но, надо признать, я не чувствую особенного раскаяния за себя. Я всего лишь работал.

Потом разговор стал немного тише. Профессор Кунц ушел поздно. Перед самым уходом, Ноэль влетел на кухню, почти по-детски взял с полки пару армейских консервов и сунул их в сумку. Бросил взгляд на Грету, будто она застала его за чем-то таким, на что он не имел права. А потом... улыбнулся. И вышел прочь.

Из коридора снова донесся его голос:

— Если вам нужна будет помощь, любая помощь, вы знаете, где меня найти. И все-таки я попытаюсь действовать через профессора Авершина.

— Вы меня обнадежили. Но сами сильно не верьте. Чтобы не разочароваться, — ответил Кунц. — Пока я всего лишь заполнил анкету. А это не гарантия. Но мне все же повезло, что я встретил вас, господин лейтенант.

Они сказали друг другу что-то еще, а потом хлопнула дверь, и щелкнул замок. Через несколько минут Ноэль снова появился на пороге кухни. Некоторое время он молча смотрел на Грету. А потом тихо сказал:

— Спасибо за кофе.

— Мне было нетрудно, — Грета помолчала и вдруг выпалила: — Каково это переживать за человека, из-за убеждений которого ты стал убийцей?

Его лицо на мгновение застыло. Взгляд непонимающе скользнул по ней.

— О чем ты? — спросил он.

— Такие, как он, — Грета кивнула в сторону входной двери, — научили таких, как Линке, что есть люди разного сорта. Этот человек, который пил твой коньяк в моем доме, в тридцать третьем во главе группы ученых поддерживал закон о предотвращении большого потомства. А после несколько лет был инспектором Наполас в Пруссии.

Ноэль побледнел. Судорожно сглотнул и оглянулся на дверь, словно бы ожидал увидеть там Кунца. Потом взгляд его вернулся к ней. Он был совершенно больным. Лицо же теперь ничего не выражало. Жили только глаза.

— Я не знал этого, — сказал он. — Я любил историю. Он был историком.

— У него были разнообразные интересы, — глухо ответила Грета. — И грандиозные мечты. А когда ему назначат штраф, он без труда найдет эту незначительную для него сумму, — она помолчала и посмотрела ему прямо в глаза. — Я хотела всего лишь учить детей. Теперь мне отказано в получении свидетельства о том, что я прошла денацификацию. А он пройдет. Такие, как он — проходят. Ведь он всего лишь историк.

— Перестань, пожалуйста, — прошептал Ноэль. — Я не знал ничего...

Потом стремительно подошел к столу, взял пустую чашку, открыл бутылку и плеснул в нее коньяку. Быстро осушил ее и снова оглянулся на Грету. Она смотрела, как он пьет. И чувствовала, как коньяк обжигает ее горло, проваливаясь вниз.

— Я ничего этого не знал, слышишь? — хрипло выдохнул он.

— Ты забыл, где ты. И кто вокруг тебя.

— Я забыл. Рядом была ты.

— Я такая же, — она слабо пожала плечами.

Ноэль резко обернулся к ней. На губах его вдруг отразилась улыбка. Но улыбка была злой, будто это он не улыбался, а скалился.

— Из нас двоих людей убивал я. И убивал бы снова, если бы пришлось вернуться в то время. Если таким я тебе не нужен, то я с этим ничего уже не смогу поделать.

Грета вздрогнула. Но это от холода, окно по-прежнему было открыто. Она подалась к нему, словно хотела что-то сказать, но резко развернулась и вышла из кухни.

Последующая неделя была тихой в сравнении с остальными. Лейтенант Уилсон возвращался домой раньше, чем все предыдущие дни. Но едва ли можно было назвать это улучшением. Пил он теперь в своей комнате. И очень много курил. По-прежнему в форточку, но табаком все-таки пропахли все вещи, постоянно тянуло в коридор и на лестницу. Когда с утра он уходил на службу, то, здороваясь с Рихардом или изредка с Гретой, если она оставалась дома, был очень вежлив и сдержан. Совсем как в первые месяцы своего пребывания в Констанце. Будто они чужие. С той лишь разницей, что чужим он больше не был. И самого себя он не чувствовал чужим. От этого становилось лишь горше.

В Страстную пятницу к Риво не поехал, хотя генерал ничего не отменял. Приехав со службы позже, чем обычно, он прошел мимо гостиной, где Грета по своему обыкновению у окна чинила белье, потом вернулся, поздоровался и поднялся к себе. Грета подняла голову, запоздало пробормотала приветствие, прислушалась к его тяжелым шагам по лестнице. Потом в доме снова установилась совершенная тишина. Только на стене тикали часы. Тикали как обычно. Необычным было присутствие Ноэля дома в пятницу.

Она была уверена, что он пьян. И на этом не остановится. За прошедшую неделю она часто слышала, как под утро он начинал бродить из комнаты в уборную. И знала, что только она виновата в этом.

Грета склонила голову к своему шитью. И неожиданно подумала, что могла бы подняться к нему. И все было бы иначе. Для нее, для него. Собрав нитки и сорочки, она почти взлетела по лестнице. Но направилась в свою комнату. Там замерла на кровати, прислушиваясь к тишине за стеной. До утра вздрагивала от каждого звука, шороха, и с облегчением заметила, как за окном начало светлеть.

Тальбах велел явиться с самого утра. Убрать в погребке и принимать первых субботних посетителей, которые ожидались в большом количестве: пока женщины на службе, мужчины не преминут заглянуть и выпить по кружке пива.

И только Рихард Лемман не нарушал своего привычного уже распорядка. Встал раньше лейтенанта и позже Греты. Убедившись, что кофе варить некому, сварил сам. С наслаждением, не дожидаясь, пока напиток остынет, и обжигая язык, стал пить. Проводил взглядом хмурого и помятого Уилсона, прошедшего со своим извечным «Желаю вам доброго дня, герр Лемман» мимо кухни.

— Господин лейтенант! — окликнул его Рихард.

Уилсон снова показался в дверях и коротко кивнул немцу.

— Сегодня суббота, — с улыбкой сказал Лемман.

— А мне нужно завершить дела, — в ответ улыбнулся Ноэль.

— Служба?

— В том числе.

— И поздно придете? На шахматы вас не ждать?

— Давайте завтра... Я буду к ночи.

— Воля ваша.

Ноэль пошел прочь, и теперь уже немец наблюдал, как он пересек двор и сел в машину. Когда автомобиль отъехал, Рихард тяжело вздохнул и задумчивым взглядом стал изучать узор на ободке чашки, прекрасно сознавая, что предложение сыграть в шахматы было

неуместным. Происходило что-то, чего он не понимал, но и понимал одновременно. Что-то, отчего лейтенант сошел с ума, а Грета решила уморить себя голодом.

Рихард допил свой кофе, вымыл чашку, оделся и отправился за газетой. Даже союзническую — и ту еще надо было достать. Но вернулся ни с чем. Газеты не было. Раньше надо вставать.

После обеда в виде капустной похлебки, думал вздремнуть пару часов. Но стало не до сна. В дверь постучали, пришлось открывать.

— Маргарита Леммен здесь проживает? — спросил молоденький солдат на крыльце дома. Он говорил с сильным французским акцентом и совсем не походил бы на солдата, если бы не форма.

— Лемман, — поправил его Рихард.

Мальчишка быстро достал из сумки конверт, сверился и сказал:

— Простите, Лемман. Мне необходимо передать ей предписание явиться двадцать третьего апреля к зданию мэрии.

— Зачем?

— По городу действует распоряжение о задержании гражданских лиц, не прошедших денацификацию, для перезахоронения жертв нацизма. Все в предписании.

Он сунул в ладонь Рихарда конверт и попросил расписаться в получении, будто не заметил того, что у немца только одна рука. После ухода солдата тот раскрыл конверт и прочел бумагу, адресованную Грете. Официальное уведомление о перемещении в Лёррах для перезахоронения погибших там евреев. Оно было подписано только накануне капитаном Анри Юбером. Слухи о том, что будут эти перезахоронения, ходили давно. Кто повинны, тем и хоронить. Но Грета! Грета, которая в жизни никого не обидела!

Рихард скрежетнул зубами и бросил окаянную бумажку на стол. Будь у него две руки! Это дело мужчин, а не женщин! Будь у него только две руки!

Предписание лежало на столе до самого вечера, когда Грета, не чувствуя ног, почти упала на стул в кухне. Было тихо, будто в доме она одна, и только свет из комнаты свекра подсказывал, что тот сейчас непременно выйдет ее встречать, как он это делал всегда. Притянув к себе ближе бумагу, прочитала, что ей надлежит сделать, зло улыбнулась подписи и опустила голову на сложенные на столе руки. Она такая же, как все. Повинная.

На плечо ей легла тяжелая ладонь и чуть-чуть сжала его.

— Я весь день об этом думал, — сказал Рихард.

— Зачем? — Грета встрепенулась. — Побудете немного без меня. Это недолго.

— Угу... Недолго... Недолго умом тронуться. Я не пущу тебя туда. Я знаю, что это такое. Я видел в войну братские могилы. Сам хоронил.

Грета прижалась щекой к его ладони и попыталась улыбнуться.

— Я справлюсь.

— Поговори с ним.

Она бросила быстрый взгляд на Рихарда и отвернулась.

— Нет.

Он обошел вокруг стола и сел напротив, всем своим видом показывая, что отступать не собирается.

— Поговоришь, иначе это сделаю я. Он поможет тебе. Он бы давно тебе помог, если бы ты позволила.

— И вы не станете этого делать!

— Ты запрещаешь мне?

— Называйте, как хотите, — кажется, она впервые сердилась на Рихарда. Но и он сердился не меньше. Окинул ее взглядом из прищуренных глаз и выпалил:

— Ну и дура! Ты его сколько еще изводить будешь?

Грета вспыхнула. Если бы он знал, что этот француз убил его сына! И тут же подумала, что придется испытать Рихарду, если он узнает о том, кто на самом деле человек, с которым он столько времени живет под одной крышей.

— Они нас изводят дольше, — равнодушно ответила она.

— Война закончилась, Грета! И что бы там ни было, оно осталось в войне! А в этой жизни тебе попался он.

— Ничего не закончилось! — она бросила ему бумагу из комендатуры. — Где он мне попался? Среди этого?

Рихард взял уведомление и убрал его в сторону. А потом посмотрел ей в глаза и сказал:

— Да. И среди этого тоже. И ты тоже попалась ему среди этого. Или только у тебя прошлое?

У них у всех было общее прошлое. На троих. Она об этом знала. Ноэль об этом знал Рихард — нет.

— Пусть его прошлое остается с ним.

— А оно и так с ним. Как твое — с тобой. Но оно прошлое. И сейчас у тебя есть надежда выбраться из всего этого. А ты... Ты моришь себя голодом, как последняя идиотка. А он в глотку льет спиртное! Вы с ума сошли, да? Ты в зеркало давно смотрела? На кого ты стала похожа? Хильде бы это не понравилось!

— Я ем! — заявила Грета. — Сколько хочу, столько и ем. А Хильде не понравилось бы, что я забыла ее сына! — она с шумом отодвинула стул, на котором сидела, и вскочила. — У меня есть муж. И это не он! — она указала рукой куда-то в сторону второго этажа.

Следом вскочил Рихард и стукнул ладонью по столу.

— Ты вдова, Грета! Вдова, слышишь?! — взревел он. — И ты никому ничего не должна, кроме себя! И вместо того, чтобы позволить себе быть счастливой, ты... ты хоронишь себя заживо!

— А я счастлива! — выкрикнула она и вышла из кухни.

Ссориться с Рихардом было неправильно. Он был единственным, кто искренне заботился о ней. Сегодня он коснулся того, что болело. Болело давно, но от этого не становилось легче.

В своей комнате она сидела в кресле, прислушиваясь к звукам в доме. Снова тихо. Снова тикали часы, отмеряя ее жизнь. Ее, Рихарда... Ноэля. Но не жизнь Фридриха.

«Ты вдова, Грета! Вдова, слышишь?!»

Вдова. Страшное слово. Но вдовы имеют право любить. Быть любимыми. Потому что ничего не возвращается. Потому что приходится идти дальше. И неизвестно, есть ли выбор, с кем идти. Есть ли вообще хоть какой-нибудь выбор?

Внизу Рихард громко хлопнул дверью. Грета вздрогнула. В тишине звук был слишком резкий. Она знала, старик все еще сердился.

«И что бы там ни было, оно осталось в войне!»

В войне остался Фриц. Так случилось, что это Ноэль убил его, а не наоборот. Так случилось, что она полюбила Ноэля. Господи, да как же так случилось? Как такое вообще возможно? И вместе с тем, почему это не удивляет ее? И все, что она может испытывать —

это горечь.

В коридоре слышались шаги, которые она ждала с самого вечера. Чего, по сути, еще она ждет в жизни, кроме этих шагов? Нужно быть честной — с тем, что Фрица уже не будет, она смирилась давно. А этих шагов, от которых скрипели ступеньки лестницы и пол второго этажа, она ждет ежечасно. И они тоже отмеряют ее жизнь. По привычке глянула на часы. Почти одиннадцать.

«Если таким я тебе не нужен, то я с этим ничего уже не смогу поделывать».

Нужен!

Господи, нужен!

Потому что без него уже ничего не имеет значения. Даже то, что она сама считала правильным. Но возможно ли приносить всю жизнь в жертву памяти? Она любит его. Ведь она давно поняла, что любит. И принимала это как данность, не задумываясь над тем, возможно ли любить того, кто был врагом. Да и врагом ли?

Рихард прав. Прошлое будет с ними всегда. Но у них может быть будущее. Стоит лишь ей сказать...

Оказавшись в своей комнате, Рихард сел на кровать и с трудом перевел дыхание. Он устал. Устал бесконечно за один только этот прошедший день. И за всю жизнь. Жизнь оказалась трудной. Такой никому не пожелаешь.

Восемнадцатилетнем юношей он попал на фронт. Его оторвали от семьи, от дома, от того места, куда он вращался корнями. Вырвали и бросили в Лотарингию, воевать. Его и отца. Отец погиб в первые же дни той первой войны, оставив их с матерью сиротами. А потом сам Рихард лишился руки. Это было Рождество, и ему было девятнадцать. Он еще помнил братания. Он помнил походы по траншеям из окопов к французам и наоборот. Он помнил, как возле него рванул снаряд, и как мир перестал существовать.

Зато он вернулся в Гамбург, к матери. Никому не нужным калекой. И учился жить заново — принимая себя таким. Ему повезло бесконечно. Еще в госпитале он встретил Хильду. Она служила медицинской сестрой. И она была первой, кто сказал ему, что он может жить, что он ничем не хуже прочих. Сказала своеобразно, как было свойственно только ей одной. Завела его в какую-то подсобку в госпитале, где не было никого. Поцеловала крепко и стала раздевать, будто утверждая его право на жизнь. На следующий день его выписали. Еще через неделю они с Хильдой обвенчались. А в положенный срок на свет появился Фридрих.

Потом было много всего. Поражение в войне, нищета, голод. Начало какой-то новой жизни, бесконечные идеи. Потом умерла мать. И они продали ее старый домик и открыли антикварную лавку, первым товаром которой был мебельный гарнитур и несколько картин из дома фрау Лемман — очень старых, доставшихся от ее бабушки, о которой говорили, что она была из богатых. Жизнь налаживалась. Фриц рос. Встретил Грету, которая хоть и была старше его на два года, но показалась им с Хильдой славной девушкой. Потом родился Гербер, и лучше быть, конечно, уже ничего не могло.

А теперь ничего нет. Ни лучше, ни хуже. Совсем ничего.

Он живет в чужом доме, в чужом городе. С молодой женщиной, которую беззаветно любит, и которая оставит его рано или поздно, потому что она тоже имеет право на жизнь.

Что он сделал?

В сущности, то же, что когда-то сделала для него Хильда. Сказал, что она может жить.

Потому что больше некому было сказать. Потому что у нее тоже нет никого.

Рихард бросил на стол конверт с уведомлением из комендатуры. Совсем как Грета только что, уронил голову на сложенную на столе руку. И долго-долго смотрел на этот конверт. Потом поднялся, достал из внутреннего кармана пиджака еще одну бумагу, совсем потрепанную, старую. И устроил ее рядом. Два письма, определявших их жизнь. И думать об этом страшно. Лучше не думать. Он чуть дрожащими пальцами развернул лист и впился глазами в подпись — текст этого проклятого письма он помнил наизусть. Friedrich, 5. Juni 1941.

В середине апреля приказ о демобилизации ушел в канцелярию. Пережить Пасху, передачу дел преемнику. И Ноэль Уилсон сможет считать себя свободным. Все. Он вернется домой, во Францию. Стащит с себя проклятую форму. И, может быть, попробует выдохнуть.

Риво довольно посмеивался, полагая, что новость о демобилизации не может не обрадовать его переводчика. Но переводчик, вежливо поблагодарив, с головой погрузился в завершение своих дел, не выражая никакой радости. Для того и явился в комендатуру в субботу, хотя надобности в том большой не было. Ему просто следовало решить, как жить дальше, когда он переоденется в штатское.

Иногда Ноэлю казалось, что теперь он вроде рыбы, выброшенной на сушу. Хватает ртом воздух, но задыхается — воздух совсем не тот, что ему нужен. Одно знал точно — он не хочет возвращаться домой один. Без Греты любой воздух будет не тот. И от любого он станет задыхаться. Хоть в Париже, хоть в Лондоне, хоть в Каире. Он долго-долго смотрел на свое отражение на стекле и понимал, что в этот самый момент уже уверен — с него довольно. Он любит ее. Он ее любит. И больше ничего. Нужно ли больше? Довольно ли этого, чтобы найти выход? Но уж точно довольно для того, чтобы попытаться.

Вечером он заехал к Юберу.

Тот был на редкость трезв и спокоен. Даже выглядел иначе, чем всегда.

— А, это ты... — с порога сказал Юбер, отступив на шаг и пропуская его в комнату, которую он занимал в чужом доме, почти таком же, как тот, где жил Ноэль. С той лишь разницей, что этот дом пустовал — когда-то давно, еще в сороковом, семью отсюда депортировали в Гюрс.

— Нужно поговорить, — сообщил Ноэль, стаскивая шинель. Теперь уже в ней становилось жарко. Это был первый теплый день за долгое время. Даже воздух нагрелся и сохранял тепло до вечера.

Юбер кивнул.

— Пить будешь?

— Нет, не сегодня.

— Как хочешь.

Они прошли на кухню. Юбер рухнул на стул и, опершись на стол, уронил голову на руки, будто вот-вот заснет. Ноэль снова замер у окна и снова вглядывался в свое отражение на стекле.

— Маргарита не прошла денацификацию, — наконец, сказал он.

— Я знаю, — ответил Юбер равнодушно. — Она и не могла. Судьи и учителя денацификации не подлежат. Ты забыл, кто она?

Забыл ли он? Как можно забыть после того, как стало известно, чьей она оказалась вдовой? Она сама говорила ему об этом.

— Нет, я помню прекрасно. А еще я хочу на ней жениться.

Юбер усмехнулся. Помолчал некоторое время, думая о чем-то своем, а потом сказал:

— И это тоже невозможно.

— Это не навсегда. Я уйду со службы. К гражданским нет такой строгости. Но она не прошла денацификацию.

— И не пройдет, говорю я тебе.

Странно, но голос Юбера звучал вяло. Без злости. И так устало, будто его самого что-то измотало. Ноэль отошел от окна и подошел к столу. Сунул руки в карманы брюк и тихо произнес:

— Если ты не понял... Я прошу тебя помочь ей.

Юбер поднял голову, на губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Это не в моих силах. Это вообще ни в чьих силах. Она нацистка. Ею и умрет.

— Тогда я обращусь к Риво.

— Риво первый будет орать, что ты предатель, что тебя надо отдать под трибунал. Его сына замучили до смерти, когда он не успел вывезти своих из страны. Его мальчишка издох, когда ему было всего восемнадцать. Знакомо? Он их ненавидит едва ли меньше меня. Будь его воля, их бы всех сгноили в их же лагерях. Вообрази его реакцию, если ты станешь его просить. Так почему он станет тебе помогать?

— Я не знаю, почему. Но у меня нет другого выхода.

— Тогда ты стучишь в ту дверь, которую никто никогда не откроет.

— Я знаю. Проблема в том, что мне некуда больше стучать, чтобы сделать все по закону.

Юбер приподнял бровь. Та красиво изогнулась на его непривычно бледном лице. Такое выражение у него бывало тогда, когда он желал прекратить разговор, тяготивший его.

— Она совсем задурила тебе голову, братец.

— Да нет... Напротив... Заставила увидеть себя самого. Какой я есть.

— Твою мать, Ноэль, меня всегда выводили из себя твои сентенции!

— А мне на это плевать.

— Что ты думаешь делать?

— Я от нее не откажусь, если ты об этом. Я все равно что-нибудь придумаю.

— Только мне не рассказывай что, а то я вынужден буду доложить об этом. Потому что ты пока еще носишь форму.

— Это на несколько дней.

Оба замолчали и некоторое время просто смотрели друг на друга. Потом Юбер шумно выдохнул:

— Послушай, я могу помочь в чем угодно, но только не в этом. По закону здесь все равно не получится.

— Я знаю. Что у тебя случилось?

То, что что-то случилось, Ноэль понял еще с порога. Он всегда это чувствовал в том, что касалось Юбера. Они были знакомы слишком давно. Трудно было представить себе двух более непохожих друг на друга людей. Но после всего, через что прошли они оба бок о бок, они всегда знали друг о друге самое главное.

Юбер отвел взгляд и, глядя прямо перед собой, словно перестал быть здесь и сейчас, произнес:

— Тетка написала. Мадлен в июле выходит замуж. Оказывается, война закончилась, Ноэль.

Они долго еще о чем-то говорили. Понимали, что, может быть, это последний их настоящий и важный разговор на долгое время. Потом, когда часы показывали начало одиннадцатого, Ноэль отправился домой. Следующего утра он ждал так, как еще никогда ничего не ждал в своей жизни. Он очень долго не мог заснуть, вспоминая то оттенок глаз, то интонации голоса. Ее. Женщины, оказавшейся с ним под одной крышей тогда, когда он

совсем не думал встретить Ее. Даже если не простит, даже если смерть Фридриха Лемманна навсегда стала стеной между ними, в эти последние часы перед рассветом он жил мыслью о том, что точно поговорит с ней. Потому что не поговорить было нельзя.

Пасхальное утро вышло солнечным и теплым. Лучи скользили по его комнате, словно бы забавляясь и играя с ним. Он открыл глаза и отчего-то улыбнулся. Потом встал, оделся, спустился вниз, на кухню. Варить кофе. И с удовлетворением отметил, что впервые проснулся первым. Лемманы, конечно, отправятся в церковь. Ноэль не собирался. На обед он был приглашен к Риво. Но что, в конце концов, такого, если утро он впервые за долгое время проведет так, как он хочет? Будто бы все хорошо.

Когда он с чашкой кофе направлялся из кухни в гостиную, сверху на лестнице раздался шум. Он поднял голову и увидел Грету.

На ней было то же платье, которое она надевала на концерт. Новое она так и не сшила. На голове красовалась шляпка, подаренная Ноэлем. Заметив его, она смутилась, но продолжила спускаться ему навстречу. Не отводя глаз ни на мгновение.

Уилсон сглотнул и шагнул к ней, едва не пролив кофе.

— Здравствуй, — только и смог выдохнуть он.

— Доброе утро, — улыбнулась в ответ она.

Ночью Грета несколько раз порывалась пойти к нему, но возвращалась в кровать. Она не находила в себе решимости, не находила верных слов. Решив оставить объяснение до утра, ненадолго забылась беспокойным сном. Но и теперь не знала, как сказать все, что думала в эти ужасные дни. Дни без него. И надеялась, что он все поймет. Потому что, кажется, только он один и способен был понять. Все по той же причине — прошлое было одно на двоих. И, может быть, будущее тоже.

— Светлой Пасхи, — улыбнулся и он — он не мог не улыбаться, глядя на нее сейчас. — Тебе идет эта шляпка.

Она чуть склонила голову, поправила прядь волос, заложенную за ухо, и, снова взглянув на Ноэля, негромко сказала:

— Спасибо!

— Вы уходите в церковь?

— Да, — кивнула она. — А ты?

— Нет. Позже уйду к генералу на праздничный обед. Отказаться никак нельзя, понимаешь?

— Понимаю. Я буду ждать.

— Я постараюсь сбежать пораньше. Мне нужно сказать тебе... много всего...

— Мне тоже.

Ноэль выдохнул. Стало легко. Он знал, что скажет ей. Знал, чего она будет ждать от него. И знал, что скажет она. Плевать на все. Они будут вместе. Если нужно, он останется в этом чертовом городе. Он найдет способ. Главное, что сейчас она стоит перед ним в этой шляпке и улыбается.

— Грета! Галстук! — донеслось из комнаты Рихарда, а потом на пороге показался он сам и хмуро провозгласил: — Я, в конце концов, откажусь от него!

— Не откажетесь, — она еще раз улыбнулась Ноэлю и подошла к Рихарду. — Вы будете в галстук, как и положено.

— Ну так вяжи! — рявкнул Рихард. — Мы опаздываем!

— Светлой Пасхи, герр Лемман, — подал голос Ноэль.

— Вы в церковь, конечно, не идете, — без одобрения констатировал немец.

— Я англиканец.

— А еще говорили, что француз! Разве среди французов бывают англиканцы?

— В жизни случается всякое, а у меня был не самый покладистый английский отчим.

Рихард поморщился, а потом проворчал:

— Нынче Пасха. Вам любая церковь подойдет.

— Я подумаю, герр Лемман, — рассмеялся Ноэль и посмотрел на Грету. Ее пальцы расправляли складки галстука. А он почему-то подумал о том, что она ни разу не видела его в штатском. И да, он тоже ненавидел галстуки, хотя у него было целых две руки!

— Грета, ну что ты возишься! Который час? — продолжал бурчать Лемман.

— Старый ворчун! — усмехнулась она, поцеловав его в щеку. — Ничего мы не опаздываем. Идемте!

Она направилась в прихожую. Проходя мимо Ноэля, шепнула: «Светлой Пасхи!» И скользнула пальцами по его ладони. Он попытался сжать ее руку, но не успел, словно цеплялся за воздух. Когда за ними закрылась дверь, он таки пригубил свой кофе, который безнадежно остыл. И подумал о том, что это самый вкусный кофе, что он пил в своей жизни.

Взяв Рихарда под руку, Грета оглянулась на дом. Она легко представила себе, как Ноэль еще некоторое время постоял в коридоре, потом поднялся к себе в комнату. Мимолетно подумала, что сама сейчас хочет остаться с ним.

— Что ты плетешься, как вяленая рыба? — услышала она недовольный голос Рихарда.

— А вы куда так торопитесь? Еще в пятницу называли себя атеистом, отправляясь по пивнушкам, а теперь боитесь опоздать, — Грета улыбнулась и чуть сжала его локоть. Но шаг ускорила.

В церкви уже было немало людей. Они с Рихардом кивали знакомым, желали Светлой Пасхи. К Грете подошла фрау Бауэр, с которой они тоже обменялись добрыми пожеланиями. Наконец она взяла сборник гимнов и прошла на свое место. Все остальное делала привычно, механически. Мыслями была далеко. Под голос пастора и орган она мечтала. Ей представлялись домашние уютные сценки. Она слышала, как Ноэль читает ей вечерами. Видела, как он кладет голову ей на колени где-то на пляже. И радостно улыбнулась, когда представила себе маленькую золотоволосую девочку. Пусть глаза у нее будут такие же, как у Ноэля. Подхватив псалом, который запели вокруг нее, Грета пыталась угадать, как Ноэль захочет ее назвать.

После службы они еще какое-то время провели в церкви. Теперь уже Грета торопилась домой. Быть там, у окна на кухне и ждать Ноэля. Большого ей не нужно.

Они шли дорогой, усыпанной гравием, по обочинам которой зеленела трава и цвели цветы. Небо казалось синим и ярким. И зелень была яркой. Кажется, не было совсем ничего тусклого или неясного. С мира будто бы только что стерли толстый слой пыли, и оказалось, что под ним он играет новыми свежими красками.

Все вокруг имело четкие очертания, все вокруг имело теперь особенный смысл и особенную статью, будто солнце выхватывало самое главное. Яркие линии и контрасты, запах воды с озера, крики птиц в небе. Когда за поворотом показался дом Лемманов, не менее ярко обрисовалась на крыльце темная мужская фигура. Фигура была долговязая и худая. Почему-то разглядев ее, Рихард резко стал и тяжело задышал.

Мужчина же на крыльце, заглядывавший до этого в окно, обернулся к ним.

— Фриц, — выдохнула Грета и крепко ухватила за руку Рихарда. Ей тоже пришлось

ОСТАНОВИТЬСЯ.

Октябрь 1937 года, Бремен

Среди разноцветных флажков и фонариков, зазывал и громкой музыки, смех Фрица различить было бы сложно, если бы он не стоял так близко и не обнимал ее за талию, что выглядело, может быть, даже и непозволительно для юноши и девушки. Представление еще только началось, но было так оживленно и весело, что хоть со смеху покатывайся.

— Гляди, ну настоящая собачья морда, вот уродец! — хохотал Фриц. — Говорят, эти ребята из французов. Ну разве только если из французских цыган. Я уж не представляю, где такое могло родиться!

Грета бросила быстрый взгляд туда же, куда смотрел Фриц, и отвернулась. Она жалела этих несчастных. Но думать дальше эту мысль не стала. Слишком ей было хорошо и весело рядом с Фрицем.

— Спасибо тебе, что уговорил меня приехать сюда, — она чуть качнулась к нему всем телом. — А давай поищем карусели?

— Да что их искать! Вон же!

Фриц схватил ее за руку и побежал в сторону большого цветастого шатра, за которым пестрели аттракционы. Дорогой успел растолкать кучу людей, выслушивая не самые лестные комментарии в свой адрес. Но такой уж он был — когда видел цель, переставал замечать что-либо еще на свете. К примеру, когда ему пришлось в голову отправиться с Гретой на ежегодную ярмарку Фреймаркт в Бремен, он вовсе не думал о том, что могут возражать его родители. Или что ее не отпустят. Он просто решил поехать на ярмарку. И всем пришлось с этим смириться. При этом на лице его всегда сохранялось завидное спокойствие, когда ему противоречили. Потому и спорить с ним было сложно.

Просто этим утром в последнюю неделю октября было достаточно тепло и солнечно, он забрал Грету из дома, не обращая внимания на недовольный взгляд ее отца, проворчавшего: «Она обещала выучить уроки с младшим братом». А потом они отправились на станцию, сели на поезд и за несколько часов оказались в Бремене.

Пробираясь среди рядов со сладостями, он кивнул на пряники в белой и коричневой глазури на одном из прилавков и спросил ее:

— Есть хочешь?

— Хочу! — ответила Грета, восхищенно глядя на Фрица.

Она не умела вести себя так, как он. В каждом его слове, в каждом жесте всегда была уверенность в своей правоте. И ей это нравилось. А еще ей нравилось, когда он, как теперь, крепко целовал ее в щеку и снова вел куда-то сквозь толпу, прокладывая им обоим дорогу.

— Полфунта пряников в белой глазури! — скомандовал Фриц, и, расплачиваясь, увидел за спиной молоденькой торговки нечто такое, что тут же привлекло его внимание и заставило позабыть про карусели. — Грета, смотри, тир! Я бы пострелял!

Уже спустя несколько минут, тоже совершенно позабыв про карусели, Грета восторженно наблюдала, как Фриц ловко сбивает все мишени в тире. Он был самым красивым, самым высоким и самым статным на всей ярмарке. Она с улыбкой замечала восхищенные взгляды, которые часто бросали на него девушки. А он выбрал ее. Еще Фриц был самым метким. Грета смотрела, как он уверенно держит винтовку, и представляла, каково это — оказаться в его руках, чувствовать, как они обнимают ее, прижимают к себе.

Она стыдливо отвела взгляд и заметила еще один ярмарочный шатер. Шатер кузнеца. Грета подошла к нему и с интересом стала разглядывать медальоны, выставленные на продажу.

— Можем сделать любую надпись! — услышала она ломающийся юношеский голос.

Грета подняла глаза и увидела мальчишку-подмастерье, которые стоял рядом с прилавком и весело подмигивал ей. Кивнула.

— Вот этот, — и показала на круглый медальон с неровным краем, на котором был выкован Уль, мчащийся на лыжах, в забавной шапочке и с развевающейся по ветру бородой. — Напишите «Фридрих», пожалуйста.

А потом, обернувшись к тире, помахала рукой Фрицу.

Тот, увидав ее, весело подмигнул и, хорошенько прицелившись, попал в последнюю мишень.

— Ого! — громко восхитился хозяин маленького тира. — И что ж мне теперь? Белку вам отдавать? Она на этом крюке два года висит!

— Повисела и хватит, — рассмеялся Фриц. — Снимайте.

Еще немного поспорив с хозяином и получив, наконец, свой трофей, он перемахнул через невысокое ограждение возле тира и подбежал к Грете.

— Главный приз для моей девчонки! А что у тебя здесь?

— Потерпи немного, — Грета улыбнулась сначала Фрицу, потом белке, а потом, вскинув брови, прочитала то, как юный кузнец написал имя на медальоне. Это ж надо было умудриться сделать такую глупую ошибку! — Ты в школу-то ходишь? — спросила она у мальчишки, расплачиваясь.

— А зачем? — удивился он, протягивая ей сдачу. — Я в районе самый сильный. И бегаю быстро. Следующим летом поеду в спортивный лагерь для юношей.

— Лучше бы книги читал, — буркнула Грета и повернулась к Фрицу, протягивая ему Улля на кожаном шнурке. — А это тебе. Пусть всегда будет с тобой.

— Fridrich, — прочитал Фриц и ободряюще улыбнулся. — Ну... зато второго такого точно ни у кого не будет. Пусть он поможет мне выиграть соревнования по гребле весной! Мы уже сейчас думаем над лодкой с ребятами.

— Второго точно не будет, — улыбнулась Грета.

Фриц был так заманчиво молод! Она нередко чувствовала себя рядом с ним предательски взрослой. Словно была старше не на два года, а гораздо больше. И в то же время, он порой умудрялся сделать что-то такое, после чего она казалось себе маленькой глупенькой дурочкой.

— Теперь карусели, — вспомнила Грета, — и сосиски на костре. Кажется, пряников оказалось недостаточно.

— Так карусели или сосиски? С чего начнем?

Они начали с каруселей, потом были сосиски с горчицей и капустой, затем представление в цирке. Под вечер уставшие, но довольные с белкой подмышкой и связкой кренделей они добрались до дома тетки Фрица, у которой должны были переночевать.

Та оказалась весьма добродушной и довольно еще нестарой женщиной, тут же усадила их за стол и угощала своим особенным луковым пирогом, которого, по ее словам, никто так не выпекал, как она. Уж во всяком случае, вкуснее они точно не едали. И это им пришлось тут же подтвердить, иначе она смертельно обиделась бы.

— Вот поженитесь с Фрицем, обязательно дам вам рецепт, но не раньше! — помахала

тетка указательным пальцем перед носом Греты и тут же обратилась к племяннику: — К слову, Фриц, ты уж не тяни, уведут!

— От меня далеко не уведут! — рассмеялся юноша и приобнял Грету за плечи, не обращая внимания на ее вспыхнувшие щеки.

— Что? Устали? — спросила тетушка.

— Устали, — кивнула Грета.

Ей действительно казалось, что сейчас у нее достанет сил только рухнуть в кровать и проспать до завтрашнего обеда.

— Я постелила вам на втором этаже в комнате дочери. Она уехала в прошлом году в Берлин. Замужем за судьей, представляете? Идемте, проведу. Фриц, а ты к себе ступай.

Фриц коротко рассмеялся, целомудренно поцеловал Грету в щеку. На том и разошлись.

Уже в комнате под крышей, в которой пахло свежими досками — здесь только обновили мебель, тетушка, откидывая край одеяла, как бы невзначай произнесла:

— У вас это все серьезно, Маргарита?

Грета смутилась.

— Мне очень хочется верить, что да, — ответила она. — Фриц — замечательный. И мне очень дорог. Он молод, но ведь можно немного подождать. Как вы думаете?

— Фриц никогда и ни за что не станет ждать, — снисходительно улыбнулась женщина.

Подтверждение ее словам Грета нашла всего-то спустя полчаса, когда в окно второго этажа тихонько... постучали.

Она открыла створку и с улыбкой посмотрела на Фрица, легко перебравшегося через подоконник.

— Какой же ты еще мальчишка!

— Но тебе же это нравится! — выдохнул он и тут же завладел ее губами. Для этого ему пришлось наклониться к ней. С его-то ростом он был одним из немногих юношей, возле кого она чувствовала себя невысокой. Фриц обнял ее крепко, прижал к себе, а руки его зашарили по ее спине в тонкой сорочке.

— Нравится, — подтвердила она между поцелуями.

Грета была влюблена. И все, что было связано с Фрицем, доставляло ей радость: видеть его в своем окне, слушать о сыновьях, которые у них будут, знать, что Рихард и Хильда относятся к ней, как к собственной дочери. И встречать рассвет, сидя на кровати в комнате его кухни, прижимаясь щекой к его рубашке и чувствуя, как приятно ноют губы после поцелуев всю ночь напролет.

Уже под утро, когда пора было уходить — так же, через окно, чтобы тетка ни о чем не догадалась — он напоследок, уже открывая створку, сказал:

— И правда, Грета, давай уже поскорее поженимся.

Глаза ее заблестели.

— Поговори с отцом.

— Нет, ты мне сперва скажи! Мы могли бы пожениться еще до Рождества.

Она крепко ухватилась за створку окна. Ему всего девятнадцать. Быть может, именно сейчас ей сто́ит вспомнить, что она старше, подумать за двоих.

— Давай отложим на год, — нерешительно сказала Грета.

— И что изменит этот год? — удивился он.

— Мне кажется, так будет правильнее... лучше.

— Но если так будет правильнее... для тебя, то тебе придется забыть обо мне вовсе, —

очень спокойно и сдержанно сказал Фриц, и это был верный признак того, что спорить с ним об этом бесполезно. — Потому что поцелуев мне давно уже мало. И пожениться было бы честно — для нас обоих.

Грета замотала головой.

— Поговори с отцом! Я хочу быть твоей женой.

Фриц счастливо улыбнулся, отчего лицо его сделалось еще моложе, и крепко поцеловал ее прежде, чем исчезнуть в окне.

Пожились они в самом начале декабря. А весной он выиграл свои соревнования по гребле. Ульль помог, как любил он говаривать впоследствии. Еще через год родился Гербер.

Весна 1946 года, Констанц

У Риво в кои-то веки было немногочисленно. Кажется, в этот раз он собрал у себя только тех, кого считал самыми близкими. Либо это его жена собрала тех, кого считала самыми близкими. Определенно, раз в год она имела на это право. Что примечательно, так это то, что почти все офицеры, оказавшиеся на пасхальном обеде, были людьми семейными. За редким исключением. Ноэль в эти исключения попал. Мадам Риво всегда была к нему равнодушна. Но мучило гадкое чувство — никто из них не сел бы за один стол с Гретой, приведи он ее на обед. Одновременно с этим больше всего на свете он хотел бы обедать теперь не с ними, а с Лемманами. Интересную шутку сыграла с ним жизнь. Он столько лет воевал против немцев, чтобы теперь мечтать провести остаток жизни с немкой.

Едва подали чай, он откланялся. Наплел что-то генералу про дела, каких у него не было. Звучало убедительно. И только Юбер, оказавшийся в немилости мадам Риво, но в числе любимцев месье Риво, ухмылялся со своего самого дальнего стула за праздничным столом, отвоеванного для него генералом у жены.

Какое счастье — жить на соседней улице! Всего несколько минут пути по дороге, усыпанной гравием, весело шуршавшим при каждом его шаге. Подходя к крыльцу, он достал из кармана ключ, подбросил его, поймал и зажал в кулак. Поднявшись на две ступеньки, вставил ключ в замок и отворил дверь.

Однако привычной тишины в доме не было. И шума не было тоже. Только вот что-то неуловимо изменилось в сравнении с этим утром. Ноэль прислушался. В гостиной тихий разговор. О чем — слышно не было. И вдруг понял — на полу, у порога, пара сапог, не принадлежавших Рихарду. Лишняя пара. Неужели гости? Это было так некстати. Ноэль решительно двинулся к гостиной и остановился, не дойдя, очень четко различив мужской голос, произносивший:

— От Мюнстергассе мало, что осталось. Когда был там, ей-богу, слез сдержат не мог. Хорошо, что вы всего не видели.

— Мы видели достаточно, Фриц, — раздался в ответ мрачный голос Рихарда.

Ноэль судорожно глотнул. И, еще не веря своей догадке, и понимая, что она верна, стремительно вошел в гостиную.

За скудно обставленным большим обеденным столом сидели трое. Лемманы. Все трое — Лемманы. И все трое теперь молчали.

Мужчины глядели на него.

Грета смотрела прямо перед собой.

И в глазах ее была совершенная пустота. Такая же, как и в ее голове. Единственное, о чем она могла думать, пока здоровалась с Фрицем, грела воду, чтобы он мог умыться с дороги, накрывала на стол, — как часто в ее жизни все было не ко времени. Фриц вернулся тогда, когда она перестала его ждать. Но от этого он не перестал быть ее мужем.

— Господин лейтенант! — проговорил Рихард, вдруг разорвав тишину, повисшую в комнате. Его голос звучал очень спокойно, не выражая ни особенной радости, ни счастья, ни веселости. Совсем ничего. — Проходите, господин лейтенант. Мой сын, Фридрих, вернулся.

Фридрих торопливо, но запоздало вскочил со стула и одернул полы пиджака. Выправка у него была военная. Он был худ, но, вероятно, исключительно оттого, что питался

нерегулярно. Вместе с тем вид его не был ни болезненным, ни даже уставшим. Это был все тот же Лемман. Только выживший. Ноэль шагнул к столу. Коротко кивнул и представился:

— Лейтенант Уилсон.

— Фридрих Лемман, — отозвался молодой мужчина. А Ноэль мысленно усмехнулся — его не узнали. Какая глупость!

— Очень приятно.

Он перевел взгляд на Грету.

— Рад за вас, фрау Лемман, поздравляю, — еле-еле выдавил Ноэль из себя, надеясь только, что его голос звучит достаточно спокойно. Хоть вполтину так, как голос Рихарда.

— Благодарю вас, — пробормотала Грета, уставившись в чашку, которую крепко держала обеими руками, в то время, как единственное, чего Ноэль сейчас хотел — это поймать ее взгляд. Чтобы понять, черт подери, что воскрешение ее мужа ничего не меняет между ними. Потому что... потому что... Потому что он любит ее, а она любит его. Остальное в прошлом.

Он рассеянно посмотрел на Фридриха и выдохнул:

— Но... как?

— Господину лейтенанту это интересно? — приподнял бровь немец.

— После ранения во Франции Фриц попал в госпиталь, выздоровел и был переведен в Египет, — вдруг затараторил Рихард, словно боялся хоть минутного замешательства. — Письма не доходили. Ни наши до него. Ни его — до нас. Потом он попал в плен. Мы переехали сюда, а от нашего дома в Гамбурге ничего не осталось. Пока мы искали его, он искал нас. До этого времени бесплодно.

— Денацификацию я прошел перед возвращением в Гамбург, — перебил его Фриц, и говорил он спокойно, бесстрастно, будто рапортовал старшему по званию. — В партии не состоял. Выгод не извлекал. Воевал. Свидетельство при мне. Разрешение на перемещение в Констанц мною получено. Это все, господин лейтенант.

— Меня это не касается, — вяло произнес Ноэль. — Я всего лишь хотел знать... как...

— В рамках закона, установленного Контрольным советом, господин лейтенант.

— В этом я совершенно не сомневаюсь.

Ноэль снова бросил взгляд на единственную в комнате женщину. Странное отупение навалилось на него. Он понимал, что головы она не поднимет. Как понимал и то, что будет ждать ее взгляда.

А она не могла видеть мужчин вокруг себя. И слышать их спокойный разговор было невыносимо. Знать, что Фриц их искал, ее искал — и понимать, что больше никогда и ничего не будет, как прежде. Что теперь есть лишь обещание, данное ею мужу. И ей придется сдержать его.

Все эти мысли наслаивались панцирем на ее глупое сердце, которое пыталось напомнить ей о сегодняшнем утре, о Ноэле, который стоял так близко от нее, и на которого она не смела поднять глаза. Потому что ему теперь она обещать ничего не могла.

— Будете ужинать с нами? — осведомился Рихард.

— Я только что от генерала, благодарю вас. Я... к себе.

Ноэль, не помня себя, пошел прочь. Ступеньки лестницы закрипели, и на втором этаже хлопнула дверь.

Фриц перевел дыхание.

— Не выношу их. Почти как британцев. Плен, скажу я вам, прегадкая штука.

— Привыкнешь, — отозвалась Грета.

Поднялась из-за стола, собрала грязную посуду и вышла в кухню, бросив беспомощный взгляд на Рихарда. Тот, проводив ее глазами, быстро перегнулся через стол и сказал:

— А теперь слушай внимательно. Она с сорокового не имеет о тебе никаких вестей. Совсем никаких, это понятно? Не было ничего.

— Я должен сказать за это спасибо? — отозвался Фриц.

— Нет. Потому что жизнь сама все расставляет по местам.

— Ты прав. Я рад, что нашел вас. Я бы не дошел, если бы вы не ждали.

Рихард горько усмехнулся и внимательно посмотрел на сына. Единственный его ребенок, которого он не видел так много лет. Он теперь представлял, как рыдала бы на его груди Хильда, если бы встретила здесь. Представлял, как Гербер, которому теперь было бы целых семь лет, оказывается на шее отца и треплет его шевелюру. Они были так похожи. Он сам чувствовал, как к глазам подступают слезы, и все-таки выдохнул:

— Я не ждал, Фридрих.

Фриц горько усмехнулся, но взгляда не отвел.

— Меня каждую минуту могло не быть. Я не буду за это оправдываться. Но вы нужны мне.

— А та твоя?

— Ей не так повезло, как мне. И я не хочу говорить об этом. Было и нет. Вы остались. А больше ничего не осталось.

Рихард побледнел и встал со стула.

— Если так, то иди к жене. Потому что только от нее все зависит, и ты это знаешь.

С этими словами он вышел прочь, сил продолжать разговор у него не было. Сын был жив, вернулся домой. Но радость, которую он должен был бы испытывать, которую он испытывал бы при любых других обстоятельствах, была будто отравлена. Уже когда он заходил в свою комнату, услышал голос Фрица на кухне.

— Ты изменилась, Грета...

Рихард хмыкнул и закрыл дверь.

— Ты стала совсем другая...

— Ты тоже, — тихо ответила Грета. — Так давно от тебя ничего не было. Я так долго не знала, что с тобой.

— Но я вернулся. Я живой. И ты живая. Мы ведь нужны друг другу, да?

— Ты живой, это главное, — она посмотрела на мужа. — Идем отдыхать, слишком много впечатлений для одного дня.

Грета медленно поднялась по лестнице, слыша, как Фриц поднимается следом за ней. Вошла в комнату, включила свет. Достала из шкафа подушку, одеяло. Медленно разделась и, оставшись в одной сорочке, устроилась на краю кровати. Фриц чуть придвинулся к ней и перекинул руку через нее, обхватывая талию, словно бы хотел прижать к себе. Но так и не сделал этого. Он заснул уже через несколько минут, тихо посапывая. Остановившимся взглядом Грета смотрела на стену, за которой была комната Ноэля. За которой был Ноэль. Стена всегда теперь будет их разделять. Она нужна Фрицу. Он вернулся живым. И все, чего ей остается желать, — чтобы Ноэль поскорее уехал. Ради нее и ради себя.

И только тревожило душу осознание того, что там, в своей комнате, на своей постели, которую они могли разделить в эту ночь, Ноэль не спит тоже. И точно так же смотрит на стену остановившимся взглядом.

Утром понедельника Лемманы, сын и отец, отправились в ратушу, чтобы зарегистрировать новое место проживания Фридриха.

— Это ненадолго! — объявил он за завтраком. — Я в этом тихом городке не выдержу и месяца. Да и работы здесь нет. А Гамбург будут отстраивать. Руки нужны.

— Руки-то руки, — возразил Рихард. — Но это на другом конце страны, там британцы...

— Ну я же до вас добрался. Ничего, посмотримся, разберемся, верно я говорю, Грета?

— Я не смогу уехать из Констанца в ближайшее время, — ответила она спокойно, наливая Рихарду кофе. Себе и Фрицу поставила травяной чай.

— Ну вот с этим и разберемся! — упрямо мотнул головой Фриц. — Придумаем что-нибудь — мы теперь вместе. А там все равно дом. И мама там...

О Гербере он ничего не сказал. Он вообще никогда не думал о сыне, потому что почти не знал его. Тот был совсем крохой, когда Фриц ушел воевать. Один раз, еще до ранения, приезжал в отпуск и привез ему красивую погремушку из Франции. Мальчишка забросил ее в дальний угол и пожелал открутить пуговицу с его формы. Пожалуй, это было единственное и самое яркое воспоминание, что у него осталось.

За завтраком Фриц много рассказывал о том, как добирался до Констанца, о том, как его досматривали едва ли не в каждом городе. О том, как подрабатывал дорогой, чтобы достать еды. Рихард мрачно пил свой кофе и следил за Гретой. Странно, должен был бы радоваться за сына... А вместо этого испытывал чувство вины перед невесткой. Лейтенант на службу все еще не ушел, но и из комнаты пока так и не вышел. Это тоже тревожило. И ему хотелось как можно скорее увести сына из дому.

— Мы еще пройдемся по городу, — сказал ей на пороге Фриц. — Вдруг где работенку найду. Весна все-таки.

Особенной чертой его характера было то, что он никогда не унывал. И барахтался в меру своих сил.

Грета проводила их взглядом.

Фриц прав, надо разобраться. Если бы она смогла уехать с ним в Гамбург — все могло бы стать проще. В Гамбурге они были счастливы вместе. Может быть, что-то еще можно вернуть. Ее долг попробовать. А значит, надо придумать, как выбраться из Констанца.

Она мыла посуду, стирала, подолгу смотрела в окно. Что она может придумать? Денацификацию она не прошла, денег у нее нет. Завтра ей уезжать на перезахоронения. И это хорошо, что вернулся Фриц, Рихард останется не один.

Подхватив миску, вышла во двор. Развесила белье и посмотрела на окно Ноэля. В его комнате было тихо, но она точно знала, что он дома. Грета сглотнула. Надо уйти. На рынок, к Бауэрам, куда угодно. Уйти от него.

Уйти не получилось. Стоило ей вернуться в дом, как взгляд ее уперся в его лейтенантскую форму. Глаза подняла — и пропала. Он стоял на нижней ступеньке лестницы и смотрел прямо на нее, поймав взгляд, который она прятала накануне. Несколько тяжелых мгновений, которые в этот момент соединили их крепче, чем любые слова.

Уилсон сошел с лестницы. Половицы под его ногами закрипели.

Через минуту миска летела на пол, а он сжимал ее в объятиях, и с губ его стоном

сорвалось:

— Господи... Грета...

— Отпусти меня, пожалуйста, — жалобно проговорила она, поведя плечом.

Он зарылся носом в ее волосы, закрыл глаза и тихо сказал:

— Я не могу... Я люблю тебя.

Она больше не двигалась. Застыла, пытаясь продлить их нежность еще на несколько минут. Смотрела прямо перед собой, чувствовала запах табака от рубашки. А после, очнувшись, провела ладонью по его груди и попыталась оттолкнуться.

— Фриц вернулся, — сказала негромко.

— И что это меняет для меня и для тебя?

— Он мой муж.

В сердце его похолодело. Он прикоснулся пальцами к ее лицу и заставил ее посмотреть на себя. А потом сказал голосом, в котором не было ни сомнения, ни разочарования — только отчаянное упрямство:

— Мы оба знаем, что единственный муж, какой у тебя может быть — это я.

— Нет, Ноэль, — не отводя взгляда, ответила Грета, — он мой муж. Его я ждала много лет. И он вернулся. Вернулся оттуда, откуда многие не возвращаются. Он вернулся ко мне.

— Ты слышишь, что ты говоришь? Да, ты ждала его, я понимаю, но... что тогда было между нами, черт подери?

— Я забылась... — она снова попыталась разорвать его объятия и тяжело задышала. — Мне больно.

Он побледнел. Почти не понимал, что она говорит. В голове зашумело — она забылась. Ноэль теперь слышал одно только это слово, превратившееся в нем самом в пульсирующую боль, и оттого еще сильнее сжимал пальцы. Разве могло это помочь? Что вообще могло ему помочь, если она просто забылась? И между тем, здесь, сейчас по ее теплой коже, пахнувшей чем-то до невозможности родным, спрятанной под тканью одежды, скользят его руки. Он чувствовал ее тело, которого жаждал столько долгих недель. Чувствовал, как она дышит — медленно, протяжно. Чувствовал, как вздымается ее полная грудь — теперь мешковатой одеждой его уже не обманешь. Этой грудью он восхищался в минуты, когда они оставались одни. Даже когда просто лежали, обнявшись, он любил водить по ней кончиками пальцев — по кругу, от сосков и все выше, выше. А потом покрывал ее поцелуями, превращая простое объятие в неминуемый шквал, накрывавший обоих.

Будто пьяный, он резко оторвал ее от пола и прижал к стене, теперь уже вжимаясь в нее всем телом. Все, что было важно теперь — расстегнуть мелкие пуговики на невзрачной блузке, целуя тонкую шею и все так же не думая, что ей может быть больно. Потому что больно было ему.

Судорожно впусив воздух в легкие, Грета вскинула руки, оплела его шею, запустила пальцы в густые волосы солнечного цвета, которые помнила с самого первого дня, когда он появился в их доме. Потом, словно опомнившись, стала спешно расстегивать пуговицы, одна не поддавалась, путалась в петле, пальцы дрожали, и Грета рванула ее. Тонкая, старая, много раз стирания ткань громко треснула. Она прижалась к Ноэлю и быстро зашептала:

— Ты все равно уедешь. Ты же уедешь? Ты уедешь. Обещай, что ты уедешь.

Он вздрогнул всем телом. Но вместо того, чтобы отстраниться, прижался лицом к ее обнаженному плечу. Почувствовал, что в глазах щиплет, и с удивлением понял: это слезы. Не плакал с восьмилетнего возраста, когда Генри пристрелил собаку, жившую в их доме — та

взбесилась и чуть не покусала ребенка. А теперь в глазах слезы, которых не спрятать. Которых не стыдиться.

Он снова целовал ее, искал ее губы на холодном лице, прокладывая языком влажные дорожки по коже, спускаясь к ключицам, к груди. Сел на колени, целуя ее мягкий чуть выпуклый живот. А потом уткнулся лбом ей в ноги и услышал свой голос, произносивший:

— Пожалуйста, уедем вместе. Я найду способ увезти тебя. Пожалуйста, Грета. Мы не сможем так жить.

Откинув голову назад, она смотрела куда-то в потолок.

— Нет. Я замужем. Мой муж хочет увезти меня домой, в Гамбург. Там наш Гербер. И только так правильно.

— Гербер умер! А мы живы! Ты столько лет жила одна. Что же плохого в том, что ты полюбила меня? Что неправильного?

Она вдруг резко опустилась к нему и, глядя прямо в глаза, зло выдохнула:

— Ты бы хотел, чтобы тебя не дождались, забыли, вычеркнули?

Он молчал долго-долго. Часы в гостиной отсчитали всего несколько секунд. Но это все равно была бесконечность. Он рассматривал ее ресницы — золотистые, но темнее волос на голове. Они казались влажными. Наверное, потому и темнее. Вокруг глаз морщинки — сейчас они были глубже, чем всегда. Меж бровей наметилась складка. Раньше не было. Наверное, потому, что хмурилась. Вот только что. Не успела разгладиться. Нос — тонкий, правильной формы, мечта скульптора. Ноздри чуть расширились — конечно, злится. Губы приоткрыты. Но совсем не угрюмые, как ему раньше казалось. Просто почти разучившиеся улыбаться.

Господи, что он делает? Неужели пытается запомнить ее лицо на долгие годы вперед? Неужели это уже конец?

— Мы никогда не будем счастливы, понимаешь ты это? — спросил он.

— Я буду помнить. Большого обещать я не могу.

— Мне лучше уйти?

Грета закрыла глаза и кивнула. Произнести вслух не смогла. Но и удерживать его не смела. Однажды он вернется домой, в прежнюю жизнь. Чужая страна, чужая женщина навсегда останутся в прошлом. И все обязательно наладится. Он сильный. Он сможет один. А Фриц пришел к ней. Может быть, не пришел бы, если бы не знал, что она ждет.

Ноэль медленно отстранился. Встал, одергивая форму. Потом бросил взгляд на Грету, оставшуюся на полу.

— Я побуду пока у Юбера, — сказал он бесцветно. — Еще четыре дня. Потом уеду в Париж. Если когда-нибудь тебе что-нибудь будет нужно, обратись к нему.

— Надеюсь, мне никогда не придется о чем-либо просить капитана Юбера, — усмехнулась Грета.

— Твое право, — сухо ответил он, сдерживаясь — потому что иначе снова оказался бы рядом, терзая и ее, и себя. — Пойду собирать чемодан. Ключи оставлю в комнате. Дверь потом закроешь. Если я чем-то обидел тебя, прости. Этого я хотел меньше всего на свете.

— Я знаю, — негромко ответила она.

Попыталась запахнуть блузку. Получалось плохо. Удерживая ее одной рукой, второй заскользила по стене, медленно поднимаясь. И думала о том, что через четыре дня ее здесь не будет. И это тоже к лучшему. Может быть, это и есть везение?

Несколько недель спустя, Констанц

Генриетта налила в чашку теплого молока и поставила на стол. Отто третий день лежал с высокой температурой и почти не мог жевать — воспалились десны. Она взяла кусочек хлеба и опустила его в чашку. А потом сказала, посмотрев на фрау Лемман, сидевшую на стуле в углу:

— Когда он был еще малышом, а я не могла кормить грудью, приходилось точно так же пропитывать хлеб молоком, потом заворачивать в тряпицу и давать ему сосать... Только хлеб тогда был белый, и этот хитрюга куда больше любил пропитанную булку. Ничего, теперь пожует. Вы-то как себя чувствуете? Я так рада, что вы зашли.

— Мне захотелось увидеть вас и Отто, — глухо проговорила Грета и отвела глаза от мальчика.

Гербер мог быть почти как Отто. Если бы не остался навсегда там... И когда его однажды нашли, наверное, он был похож на детей, что ей пришлось переносить из общей могилы в окрестностях Лёрраха. А она даже не знает, успела ли Хильда его одеть. Когда уходила на рынок — он спал. В одной рубашке ему было холодно среди камней так же, как и этим детям было холодно в земле.

Она прикрыла глаза и потерла лоб.

— Фрау Бауэр, я пока не смогу приходить к вам. Сейчас Отто болеет, а потом... потом пусть будут каникулы. Скоро лето.

— Значит, это правда? То, что болтают? Что вы уезжаете?

— Муж говорит, мы должны вернуться в Гамбург.

Генриетта кивнула и придвинула чашку к Отто. Тот слабо улыбнулся и спросил:

— Гамбург — это далеко?

— Далеко, — кивнула Грета, — на севере.

— Жаль, — расстроился мальчик. — Я не смогу навестить вас там.

— Зато ты сможешь писать фрау Лемман, верно? — подмигнула ему мать. — Забирай свою чашку и пойдем в постель.

С этими словами фрау Бауэр взяла сына на руки и, улыбнувшись Грете, понесла его в комнату. Улыбка у нее тоже странным образом выходила суровой, как и все, что она делала. Ждать ее возвращения долго не пришлось. Она вернулась почти сразу и тут же, с порога, спросила:

— А вы-то сами хотите в свой Гамбург?

Грета задумалась. Сама она ни разу не задала себе этот вопрос.

Две недели назад она этого не хотела. Она знала, что должна, что поедет, что им с Фрицем надо искать возможности, чтобы она смогла выехать из Констанца. Но она этого не хотела.

Повернула руки ладонями вверх, долго смотрела на свои мозоли. С кровоподтеками, сорванные. Она совсем не чувствовала боли. Руки не болели, стучало в висках. Грета снова видела траншеи с телами. Мужчины, женщины, дети, одетые, раздетые, бесформенными кучами, словно и не были никогда людьми. Траншеи, бесконечные траншеи. До самого горизонта. До конца ее жизни.

— Хочу! — она сжала руки в кулаки.

— Я буду молиться, чтобы у вас сложилось, — сказала Генриетта. — Вы знаете, если на будущий год все-таки откроют школы, я решила... я буду его носить хоть на своем горбу. На зиму санки есть. Если бы не вы, не решились бы.

— Должны открыть. И это хорошо, что вы так решили. Отто должен учиться. Он очень способный мальчик. Я лишь немного ему помогла.

Генриетта хохотнула — это было непривычно слышать. Звук получился гортанный и чуть скрипящий.

— Слушайте, та, что лишь немного помогла, у меня есть для вас подарок. Идемте-ка ко мне в комнату.

Она кивнула головой в сторону коридорчика, соединявшего кухню с другими комнатками, и снова вышла, не дожидаясь. Грете не хотелось вставать, куда-то идти. Фрау Бауэр постоянно что-то выдумывала. Она вздохнула, тяжело поднялась и поплелась за хозяйкой.

— Вот, глядите! — оживленно заговорила Генриетта, доставая из большого ящика в углу скудно обставленной комнаты небольшой пакет. Из пакета было вынуто кружево цвета слоновой кости и очень тонкой работы. — Кусок небольшой совсем, мне некуда его приспособить, но я решила, что на воротник к вашему платью хватит... К тому, что вы в феврале еще начинали.

Некоторое время Грета смотрела на кружево, будто на ядовитую змею, которую никак нельзя было брать в руки. А потом шипящим неприятным голосом заговорила:

— Никогда не упоминайте на людях, кто научил Отто читать и писать. Ему не пойдет на пользу, что у него была учительница-нацистка, дававшая ему частные уроки. Тем более не позволяйте ему ей писать. И никогда не упоминайте, что вы ее кормили, чтобы вас не обвинили в сочувствии этой учительнице. И уж тем более эта учительница не нуждается ни в каких платьях с кружевами. Прощайте, фрау Бауэр.

Она развернулась и ринулась вдоль узкого коридора к двери.

— Грета, погоди! — Генриетта бросилась за ней и догнала в несколько шагов, схватила за руку и развернула к себе лицом. — Что? Совсем невмоготу, да?

Грета пожалала плечами.

— Мне страшно. Все остальное не имеет значения.

— Всем страшно, милая. Всем очень-очень страшно. Когда мой Бруно сгорел в танке, а я осталась с Отто на руках... мне тоже было страшно. И до сих пор... будто бы горячо... Я так часто думаю о том, как он горел, что мне кажется, сама горела десятки раз. Я спать не могу, ночами вою.

В бараках под Лёррахом тоже одни выли по ночам. Другие не выходили из уборной. А Грета сидела до рассвета, глядя в одну точку. Без слез, без приступов тошноты.словно все внутри нее залили цементом. В первый вечер по возвращении она, сказавшись уставшей, ушла ночевать в комнату, в которой жил Ноэль. В ней было пусто, хорошо проветрено, и ничто не напоминало о французском лейтенанте с английской фамилией и русским отцом. Впервые за прошедшие десять дней она ненадолго забылась, чтобы уже через несколько часов проснуться от липкого мерзкого ужаса, который прорывался в нее крошечной темнотой сквозь бетон. Она вскочила и перебралась к Фрицу. Муж не проснулся, пока она забиралась в кровать. Но прислушиваясь к его тихому дыханию, Грета ясно поняла — она поедет куда угодно и сделает все что угодно, только чтобы не оставаться по ночам один на один со своим ужасом.

— Прощайте, фрау Бауэр, — упрямо повторила Грета.

— Прощайте, — пожалала плечами Генриетта, а когда Грета исчезла за поворотом, пробормотала: — А кружево-то к платью здесь при чем?

А потом ушла в дом, думая о том, что подарок все равно занесет. Попозже.

Возле дома, сидя на крыльце, что-то мастерил Фриц. Увидав Грету, помахал ей рукой издалека и широко улыбнулся. Удивительно еще было видеть людей, которые улыбаться не перестали, но улыбались, будто назло всему, что происходило вокруг, много, часто... и что самое удивительное — искренне. Фриц был таким. Он умел посмеяться, умел заставить себя забыть, умел жить так, будто ничего не случилось и, вместе с тем, принимать случившееся, расхлебывая последствия наравне со всеми.

— Отец сказал, что старый Тальбах не против, чтобы ты снова вернулась на работу, — сходу сказал он Грете. — Правда, против буду я. Вообрази, этот скряга говорит, что сможет расплачиваться только едой. Так что я решил послать Тальбахов к черту.

— Зря! — Грета остановилась в нескольких шагах от мужа и прислонилась к дереву. — Кроме Тальбаха меня может больше никто не взять на работу. Ты перебиваешься временными заработками. У меня ни денег, ни карточек. У Рихарда скоро начнется аллергия на капустную похлебку. А так хотя бы будет еда.

Фриц мотнул головой — этим он так напоминал себя прежнего, что только и оставалось вспоминать девятнадцатилетнего юношу, за которого она вышла когда-то замуж.

— Проживем! — сказал он. — В Гамбурге нам бы полегче было. Но проживем. Тут дельце одно назревает. Французы вздумали госпиталь отстроить. Может быть, выйдет подзаработать. А будут деньги, попробуем все-таки уговорить их назначить тебе хотя бы штраф. Верно я говорю?

— Да, — согласилась Грета, — попробуем их уговорить.

Фриц кивнул и стал перебирать гвозди в коробке под ногами. Гвозди были разной длины. Он будто никак не мог подобрать то ли нужный гвоздь, то ли нужное слово. А потом поднял к ней свои глаза, казавшиеся сейчас не серыми и не голубыми, а какого-то странного светлого цвета, будто вылиняли на солнце. И тихо сказал:

— Я вот думаю, что дома будет нам лучше, да? Уж сколько дней прошло, а я и тронуть тебя боюсь — ты чужая какая-то.

Самой Грете было совершенно безразлично, как будет. Она привыкнет. Фриц никогда не умел особенно нежничать, это было вроде проявления слабости. Но он всегда был добр к ней. Никогда не обижал, по-своему заботился. И только бы не оставил, только бы не остаться одной.

Грета вздрогнула. Резко, всем телом. И значит, с ним.

— Прости, я... я не чужая... я не думала, что тебе так кажется...

— Я понимаю, столько лет прошло... А ты бродишь тенью, бесконечно что-то чистишь, стираешь, гладишь, готовишь, не остановишься возле меня ни на минуту, спишь на другом конце кровати... И я боюсь показаться тебе насильником, если придвинусь ближе и хоть поцелую тебя.

— Глупости какие, — она пожалала плечами. — Я хозяйством занята, пока ты работаешь. Еще не хватало, чтобы тебе сказали, что я за тобой не смотрю. Ты же знаешь, люди скоры на язык, — она помолчала, подошла ближе, долго смотрела на Фрица. Наконец, сказала больше для себя, чем для него: — Ты — мой муж, я — твоя жена. Ничего не изменилось...

Он улыбнулся ей в ответ, встал с крыльца и, взяв за руку, притянул к себе.

— Правда, по-прежнему? — спросил Фриц.

— Правда, — она подалась к нему. — Есть хочешь? Обедать пора.

— Можно и пообедать, — рассмеялся он и, наклонившись к ней, крепко поцеловал в губы.

Его губы были давно забытыми, чужими. Ни радости, ни отвращения. Не испытывая никаких чувств, Грета подождала, когда он отстранится от нее, и слабо улыбнулась.

— Пойду разогрею, потом тебя позову, — с этими словами она скрылась в доме.

Потом неторопливо двигалась по кухне, накрывая на стол, и поглядывала в окно. Фриц снова что-то сколачивал, когда к нему подошел Рихард. В последнее время он часто ходил, словно чем-то озабоченный. Даже Грета порой замечала его хмурый вид. Пожалуй, никогда раньше она не видела его таким. Отстраненно подумала, что надо бы с ним поговорить. И снова вернулась к столу.

Когда все было готово, вышла в прихожую, чтобы позвать Рихарда и Фрица к обеду. И там же и замерла, расслышав через приоткрытую дверь голос мужа.

— Не знаю, отец... Я видел слишком много женщин... Которых... Над которыми поиздевались солдаты. И подумал, что случилось... Когда ехал сюда, больших надежд вас найти не питал, мне Берта сказала, что вы хотели перебраться в Констанц. И мало ли, что в дороге. Кругом военные. А теперь думаю, как понять ее. И других объяснений не нахожу.

— Нет, — раздался в ответ угрюмый голос Рихарда. — От этого я ее уберег.

— А этот ваш француз? Который жил у вас?

— Нет.

— Нет?

— Он бы не стал.

— Все солдаты одинаковые, тебе ли не знать?

— И ты?

— И я.

— А как же эта... твоя?

— Она не всегда была. Нет, нам точно надо поскорее выбираться. Домой вернемся, жизнь пойдет по-прежнему! Если бы ей дали разрешение на выезд! Нас только Грета и держит в этом окаянном городишке!

— Но ты ведь без нее не уедешь?

— Я столько к ней шел, что никуда без нее теперь не уеду.

Дальше слушать Грета не стала. Вернулась в кухню и позвала мужа в открытое окно. Страх, закравшийся в душу, мешал ей спокойно думать. Страх, что однажды Фрицу надоест ждать. Да и одиноких женщин нынче много. И чтобы он не оставил ее, она должна найти выход. И как можно скорее.

Остаток дня прошел спокойно и ничем не отличался от других дней. Был так же наполнен делами и вместе с тем оставался пустым. Будто не было. И не вспомнишь. Вечером Фриц задержался во дворе — он окончательно решил избавиться от каштана под окнами. Рихард только пожимал плечами и не спорил. Грета была уже в постели, когда муж, наконец, поднялся в комнату.

Он не обошел кровать с другой стороны и не лег, как делал это обычно. А сел с краю, возле жены. Протянул руку и провел ею по ее лицу. Глаза его будто светились изнутри — но это от света ночника. Кожа на пальцах шероховатая от застаревших мозолей. Но руки совсем прежние — большие, красивые мужские руки. Когда-то в этих самых руках она чувствовала

счастье быть женщиной. Но как же давно это было!

— Я скучал по тебе, — тихо сказал Фриц.

— Я тоже, — так же тихо отозвалась Грета.

От его руки она не отстранилась и вяло думала о том, что надо лишь потерпеть. Они муж и жена, по-другому не будет. И ей не так страшно, когда он спит рядом. Только дожидаться, что Фриц заснет. Просто дожидаться. Она посмотрела ему в лицо. Пусть так, пусть и он думает, что она ждет. Ждет его.

Он тихо выдохнул и наклонился к ней, крепко прижавшись губами к ее шее. Потом откинул одеяло, стащил с себя белье, бросив его к изножью, чуть подвинул ее к середине кровати и лег рядом. Через ночную рубашку торопливыми, рваными движениями стал гладить ее грудь, живот, бедра, пока не нашел самый край, и, приподняв ткань, скользнул своими шероховатыми пальцами по голой коже, а потом сам перекатился на нее. Нашел ее рот. И снова стал целовать — уже по-настоящему, раздвигая языком ее губы, скользя им по зубам, по ее языку, все глубже. А потом коленом заставил ее развести ноги в стороны.

— Обними меня, — выдохнул Фриц.

Грета послушно закинула руку на его шею, другой дернула повыше рубашку. Двинула бедрами, подстраиваясь под него. Муж в ответ приподнялся, и она заметила шрам. Небольшой рубец почти идеальной круглой формы, испортивший гладкую кожу под ключицей. Она не могла оторвать глаз от давно зажившей раны, которая могла оборвать его жизнь. Раны от пули снайпера. Снайпера, о котором знал Ноэль. Ноэль... Она стиснула зубы, чтобы не выкрикнуть его имя вслух, когда остро почувствовала нетерпение, исходившее от Фрица. Грета слабо вздрогнула, чуть согнула ноги в коленях, разведя их шире, чтобы меньше касаться его горячей кожи. И закрыла глаза. Надо лишь потерпеть.

— Господи, сухая совсем, — поморщился он.

Вошел в нее не сразу. Не получалось. Но и закончилось быстро — его хриплым сбивчивым дыханием, короткой конвульсией и совсем забытым выражением лица, похожим на оскал. Потом он скатился с нее на другую сторону кровати. Только рука его продолжала сжимать ее грудь.

— Ничего... Ты привыкнешь ко мне снова... — прошептал Фриц, когда дыхание немного восстановилось.

— Да, Фриц, — ответила Грета и, одернув сорочку, накрылась одеялом. — Я привыкну.

«Здравствуй, отец!

Мы теперь у Тобрука.

Я долго не писал. Сначала не было возможности, потом не мог собраться с духом.

Я не вернусь, папа. Вернее, не вернусь к вам, к Грете. Я хочу другой жизни с другой женщиной, которую полюбил, и без которой мне бы не выжить здесь. Так вышло, что она со мной. И так вышло, что я считаю ее своей женой.

Мы познакомились во Франции. Я был ранен (серьезно, но маме не говори, хватит с нее других вестей). Джит служила в госпитале медицинской сестрой. И она ставила меня на ноги. Может быть, если бы не она, меня не было бы в живых.

От отпуска после ранения я отказался. Говорю тебе честно и прямо — я не хотел потерять Джит. Обязательства перед Гретой и Гербером удержали бы меня на месте. А я не хочу и не могу. Как только представилась возможность, попросился в Египет, лишь бы от дому подальше — только на сейчас, на это время. Джит со мной. Мы теперь ни за что не

расстанемся.

Мне жаль, что так вышло. Я никогда не откажусь от сына, но жить с Гретой не стану. Она хорошая, добрая, и я благодарен ей за многое. Но на волоске от смерти я выжил, потому что рядом была Джит. Разорваться не получится. И если чему я и научился, так это ценить то, что есть сейчас.

Прошу тебя, поговори с Гретой и с мамой. Я знаю, маме тяжело будет это принять. Грета еще молодая, устроится. Позаботься о ней и о Гербере, пожалуйста. Когда я смогу, я буду помогать им сам.

И прости меня. Я знаю, ты иначе меня воспитывал. И тебе будет за меня стыдно. Но я не хочу жертвовать своей жизнью. Ее и без того может оборвать любой снаряд.

А Джит вам понравится, честное слово. Я иногда думаю, что она, наверное, даже Грете понравилась бы. Пока она со мной, ничего не случится. Обещаю.

Люблю вас, крепко обнимаю. Надеюсь, свидимся.

Friedrich, 5. Juni 1941».

Ион Антонеску приговорен к смертной казни. 17 мая 1946 года. Черной типографской краской по белой шуршащей бумаге.

Рихард свернул газету. Он привык уже к союзнической. И привык читать о казнях едва ли не в каждом выпуске. И почти уже не ждал появления немецких изданий, понимая прекрасно, что однажды те все равно будут. И в них перестанут писать о бесконечных процессах над нацистами.

Он долго курил во дворе, прислушиваясь к тому, что происходит в доме. Фриц ушел на работу. Грета притихла. Впрочем, тихой она была уже давно. Самого себя Рихард чувствовал мерзавцем. Ему бы радоваться сыну, а внутри все скреблось и царапалось. Чувство, до сей поры неведомое. Наверное, это чувство вины. Вместе с тем он всего лишь делал то, что считал правильным. Каждый день своей не всегда правильной жизни.

В конце концов, потушив окурок, он встал со скамьи, сколоченной накануне Фридрихом, но еще не окрашенной, и, мимолетно подумав о том, к чему обустроивать двор, если так стремишься уехать, вошел в дом.

Грета нашла в гостиной. Сидела в кресле у окна. Кресло было то самое, отремонтированное лейтенантом. А Грета была другая. И он прекрасно понимал, почему. И вопросы сына о том, что солдаты сделали с его женой, казались чудовищными даже несмотря на то, что вокруг многим повезло куда меньше Греты.

— Что там у тебя? — спросил Рихард, усевшись в кресло напротив.

— Перчатки, — Грета подняла глаза на Рихарда, — надо убрать. Почти лето. Ни к чему они.

Это были те самые перчатки, подаренные ей Ноэлем на Рождество вместе со шляпкой.

Рихард бросил газету на стол и откинулся на спинку кресла. Потом, не глядя на нее, сказал:

— Когда тебя увезли в Лёррах, он приходил. Его демобилизовали. Возвращался домой.

— Он правильно сделал, что уехал.

Ее голос был спокойным. Будто она говорила о чем-то совсем простом и неважном. Встала, подошла к буфету и, достав льняную салфетку, обернула в нее перчатки.

— Может быть, вам стоило... — Рихард загнулся и опустил голову еще ниже — как с ней такой говорить. — Я не знаю, что у вас произошло, и что он мог тебе предлагать, но... Ты поспешила решить, ласточка.

Внимательно глядя на Рихарда, она медленно проговорила:

— Я ничего не решала. Я поступила так, как должна была поступить. С фронта вернулся мой муж.

— Шесть лет прошло. Ты сама-то чувствуешь, что муж?

— Фриц — мой муж, сколько бы лет ни прошло.

— Муж... — усмехнулся Рихард и встал с кресла. Через минуту он стоял возле буфета, возле нее, и рылся во внутреннем кармане своего пиджака. Он был бледен и по-прежнему избегал смотреть ей в глаза, а когда, наконец, нащупал пальцами потрепанный конверт, проговорил: — Почему, ты думаешь, за столько лет ни единой весточки, хотя он был жив? Грешить на подорванные поезда и плохую почту? Мы уехали из Гамбурга только в сорок третьем. И до этого времени он совсем не писал. Кроме единственного раза, когда мы еще

пытались его искать. Письмо пришло по адресу нашей лавки, чтобы ни ты, ни Хильда его не увидели. Вот, читай!

Едва сложенный в два раза лист бумаги коснулся ее ладони, время остановилось. И стало откручивать стрелки часов назад. Строчки были ровные, но почерк некрасивый, у Фрица всегда буквы будто танцевали глупый и очень веселый танец. Тем более это ощущение не сочеталось с тем, что было написано.

Медленно, вглядываясь в каждое слово, Грета читала письмо мужа. Долго смотрела на дату. Шоферу повезло, и он не погиб в сороковом. Шоферу повезло, рядом с ним оказалась женщина, которая помогла ему выжить. Шоферу повезло, с ним ничего не случилось, и он вернулся домой.

Она перечитала письмо еще раз. И еще раз. И теперь пыталась вспомнить, что она делала в те месяцы, когда считала, что Фриц пропал. Кажется, они писали, куда только можно, дожидаясь вестей. Но вестей все не было. А Гербер ждал папу. Они вместе ждали папу.

Грета протянула письмо обратно Рихарду.

— Это ничего не меняет. Он жив. Он вернулся. Он приехал за нами через всю страну. Значит, ему это нужно.

— Черта с два это ничего не меняет! Это меняет все! — закричал Рихард, выхватив из ее рук конверт и бросив его под ноги. — Эту дрянь я таскаю с собой бог знает сколько лет. Ничего от нас не осталось, а это письмо осталось! Я носил его при себе, чтобы ты или Хильда не нашли. Надеялся, одумается. Надеялся, война все спишет. А теперь нет ни Хильды, ни Гербера, ничего. А письмо это проклятое со мной. Не списывает ничего война, понимаешь? Предательство не списывает!

— Тогда она ему была нужнее, — Грета помолчала, глядя на потрепанную бумагу под ногами. — Я ведь тоже его предала. Мне было удобнее принять, что он мертв, чем продолжать ждать его. Надо уметь сдерживать себя, свои чувства, желания. Нам с Фрицем не удалось. Но мы можем попробовать еще раз. Когда-то мы были счастливы.

— Но тогда он был мертв для нас! Мы оба дальше жили. Ты не смеешь себя винить, потому что он за свой выбор никогда не станет раскаиваться! Если бы Джит была жива, он не вернулся бы! А твой чертов француз жив! И вы оба корчите из себя мучеников!

— Вы знали, что Фриц может быть жив. И убеждали меня, что я вдова. Он ваш сын Рихард. А вы рассуждаете о мучениях француза.

Несколько мгновений Рихард смотрел себе под ноги. Что отвечать ей? Объяснять, что вина за это молчание останется с ним на всю жизнь, было бессмысленно. Она его оправдает. Она всегда и всех оправдывает, кроме себя. Куда важнее объяснить то, что происходит сейчас. Но, в конце концов, он и сам едва ли понимает, что правильно, а что нет... И все, что случилось, лишь следствие его молчания. Он поднял голову, заглянул в ее светлые глаза, теперь больше зеленоватые, чем голубые — не иначе от слез и усталости.

— Да потому что я люблю тебя, глупая ты девчонка, — сказал он. — И у меня столько лет никого не было, кроме тебя.

— У меня тоже, — Грета взяла Рихарда за руку и крепко сжала ее. — И я останусь с вами. Мы уедем в Гамбург, может быть, узнаем, где похоронили Хильду и Гербера. Мы справимся, Рихард.

— А теперь объясни мне, при чем здесь Фриц? — вдруг улыбнулся Рихард, притянув ее к себе и приобняв за плечи. — В остальном мы, конечно, справимся.

Грета слегка вздрогнула.

— При том, что Фриц — мой муж! — угрюмо выдохнула она. — Ему здесь не нравится, но он ждет, пока я смогу уехать. Он берется за любую работу, чтобы можно было заплатить штраф. Для него это важно.

— Важно, важно, — проворчал он и тяжело вздохнул. В конце концов, она-то имела право решать сама. Даже если ему это все совсем не нравилось. И он добавил, кажется, говоря совсем не о штрафе: — Но даже деньги сейчас ничего не решат, и ты знаешь это.

— Знаю, — Грета кивнула.

Конечно же, она знала. Знала, что нужно что-то сделать. Именно она должна сделать. Грета начала догадываться, что есть одна возможность. Пожалуй, единственная.

От этой мысли стало гадко, но это был шанс. И она им воспользуется! Чем скорее, тем лучше. Это предательством не назовешь. С ее стороны теперь ничего не имело значения. Фриц, как оказалось, больше не имел права требовать от нее честности. В конце концов, о нем она думала не меньше, если не больше, чем о себе. И без того слишком долго тянула.

Но было еще одно, что беспокоило Грету.

Улль...

Напоминание о том, прежнем. Никому не нужное напоминание.

От него надо было избавиться. Его никто не должен увидеть. Ни Фриц, ни Рихард. Для обоих это станет ударом.

Спустя полчаса она твердым быстрым шагом направлялась к озеру. Брови ее были нахмурены, губы плотно сжаты. Рот снова стал угрюмым, как когда-то. Она сердилась на Рихарда. Их разговор взволновал ее, заставил вспомнить о Ноэле. Она столько дней гнала от себя мысли о нем. И была уверена, что поступила правильно. Теперь, шагая по городу, она находила все больше и больше тому причин.

Потому что муж ее оказался жив.

Потому, что она не могла допустить, чтобы от Ноэля стали отворачиваться его друзья, коллеги, знакомые. Его семья. Ей самой отвечать за свои поступки.

Потому, что он должен ее забыть. Что она могла ему дать? Не больше, чем хорошая прислуга. Однажды он встретит женщину, достойную его, из-за которой на него не станут показывать пальцем, которой не будет стыдно за свое прошлое. Она станет ему настоящей женой и подругой, той, которая разделит его судьбу, жизнь, увлечения. И сделает его счастливым. Кому, как не ему, быть счастливым?

А девочка... маленькая золотоволосая девочка, о которой она когда-то мечтала, так и останется ее мечтой...

Но, Господи, наверное, она бы все отдала за то, чтобы однажды увидеть его и знать, что с ним все хорошо. И теперь, как никогда раньше, даже в день их прощания, сознавала — этого не будет. Все кончено. Она сама все закончила. Сама, сама, сама...

Очнулась Грета у озера. Она стояла на деревянном помосте, уходящим далеко от берега, и смотрела в прозрачную воду. И вдруг улыбнулась. Сейчас она избавится от Улля, забросив его как можно дальше.

А завтра пойдет к капитану Юберу.

Из кабинета генерала Риво Юбер вернулся в свой в мрачном расположении. Совещания навевали на него невозможную тоску. Доклады он ненавидел — писать, читать, слушать. Нынче речь шла об отправке следующей партии признанных попутчиками и отказавшихся от выплаты штрафа на работы в Лёррах. Хоть какая-то польза — очистить леса и траншеи у обочин от трупов. Несколько дней назад он сам оттуда вернулся. Ездил вовсе не по поручению и не по надобности. Хотел своими глазами посмотреть на лица этой массы людей, еще несколько месяцев назад убежденных в том, что все идет, как надо, что все верно и честно.

Надежды его не оправдались. Все, что он видел, это несчастных и обездоленных, роющих ямы, переносящих трупы, изъеденные червями и наполовину разложившиеся. А он никогда не желал относиться к ним как к несчастным и обездоленным. Их он желал ненавидеть.

Теперь внезапно понял, что цепляется за свою ненависть к ним, чтобы забыть о себе. Наверное, осознание этого пробило в его голове в то мгновение, когда его едва не стошнило от запаха, который стоял вдоль дороги, по которой ехал.

В Констанце, в своем кабинете он теперь отчего-то тоже чувствовал этот запах. И в доме, где жил. И у озера — везде. Будто бы этот запах проник в него самого и стал его неотъемлемой частью.

В дверь постучали. Юбер поднял голову и крикнул:

— Входите!

В кабинете показалась голова капрала Жерома.

— Господин лейтенант, у комендатуры фрау Лемман, — проговорил он. — Просит разрешения переговорить с вами. Я проверил журнал — ее не вызывали.

Разумеется, ее не вызывали! Как вообще можно было вызывать ее после того, чему он невольно стал свидетелем в последние дни перед отъездом Ноэля! Уж о чем он не жалел, так это о том, что отправил ее в Лёррах.

— Чего ей нужно? — спросил он.

— Говорит, по частному делу.

— Хорошо, пусть войдет, — нехотя проговорил Юбер.

Он откинулся на спинку стула, достал из кармана пачку сигарет и закурил, дожидаясь, пока ее обыщут и проведут в кабинет, и испытывая двойственное чувство любопытства и усталости. Усталость накатывала на него одинокими волнами, крепчающими с каждым днем. Любопытство исчерпывалось желанием увидеть, какая она теперь, после десяти дней на перезахоронении. Потому, когда, открываясь, скрипнула дверь, он, выпустив облако дыма, взгляделся внимательно в вошедшую женщину.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас, господин капитан. Но мне нужна ваша помощь, — услышал он.

Голос ее был спокоен. Юбер улыбнулся и отметил про себя, что и выглядит она куда спокойнее, чем обычно.

— Фрау Лемман, вот так сюрприз. Давно не видал вас. У Тальбаха вы больше не бываете. В церковь не хожу я. Позвольте поздравить вас с возвращением герра Леммана. Полагаю, вашему счастью нет предела.

— Вы правы, господин капитан. Но есть то, что омрачает наше с ним счастье. Мы хотели бы вернуться домой, но, как вы знаете, я не могу уехать из Констанца.

— Очень сочувствую вам, фрау Лемман.

— Благодарю вас, — Грета слабо кивнула. — Но именно поэтому я и пришла. Помогите мне. Если бы мне назначили штраф...

— Вы пришли просить о штрафе?

— Я пришла просить вас, господин капитан, чтобы вы помогли мне со штрафом. Выплатив его, я могла бы уехать в Гамбург.

— То есть вам необходимо покинуть французскую оккупационную зону? То есть вы считаете, что достаточно перевоспитались, чтобы получить свидетельство о денацификации? То есть вы больше не врете властям, фрау Лемман?

— Я ничего не считаю, я всего лишь хочу уехать домой.

Грета подошла ближе к столу и, глядя прямо в глаза Юберу, сказала:

— И, если вы мне в этом поможете, вы окажете любезность французской зоне. Избавите ее от такой, как я.

— Кажется, я настаивал на том, что сперва вам придется оказать любезность мне?

— Это я хорошо помню, — равнодушно ответила Грета.

На ее спокойном лице двигались только губы, медленно проговаривая каждое слово.

Она подняла руки к волосам и вынула шпильки. Потом развязала на шее узенький шарфик и стала расстегивать пуговицы. Когда пальцы добежали до пояса юбки, она распахнула блузку на груди, спустила ее с плеч, с рук и следом за блузкой спустила бретельки сорочки.

— Иначе мне незачем было бы идти к вам, господин капитан, — сказала она, не отводя глаз.

Взгляд его потемнел, но при этом лицо оставалось безмятежным. Он медленно встал и подошел к ней, внимательно рассматривая ее тело, которое она так бесстыдно выставила ему на обозрение. Кожа была бледная, ключицы выпирали. Но грудь полная, высокая. Он протянул руку и провел пальцами чуть выше края ее сорочки. Потом поднял свой взгляд к ее губам. И улыбнулся.

— Однажды я сказал Уилсону, что мне стало бы легче, если бы он затолкал свой член вам в рот по самые яйца. Сейчас я думаю, что это дурацкая идея. Сделали бы его евнухом.

— Вам это не грозит, если это вас беспокоит.

— Меня беспокоит не это, Маргарита. Меня беспокоит то, что я дал ему слово помочь вам, если вы попросите. И я искренно надеялся на то, что вы не попросите.

— Так помогите, — она слабо пожала плечами. — У вас развязаны руки. И вы сможете сдержать слово дважды.

Юбер снова улыбнулся. Или нет... это была не улыбка. Это было похоже на гримасу, которая должна изобразить улыбку, но улыбкой при этом не будет никогда.

Когда несколько недель назад накануне отъезда у него поселился Ноэль, очень многое стало на свои места. Главным образом то, что теперь Юбер, наконец, окончательно уверился в том, что это его желание жениться на Маргарите Лемман — не блажь и не пьяный бред. Уилсон влюбился в женщину, которую он, капитан Юбер, хотел. И хотел давно. Еще с тех пор, как заметил ее официанткой в погребке. О соперничестве речи не шло. Уилсон был сдержан и спокоен. Ничего не говорил, но и взгляд его был другой... Такими глазами смотрела тетка, когда рассказывала, как вытаскивала из петли Мадлен. Вроде бы и живы все,

и принимаешь все спокойно, а жить по-прежнему уже не станешь.

Теперь она пришла сюда, к нему. И предлагала себя, как он того ожидал очень давно. Потому что в действительности все женщины — шлюхи. В большей или меньшей степени. И все без исключения ждут того, чтобы их взял сильнейший из тех, кто дрался. Их судьба — принадлежать, они не приемлют равенства. Арийские шлюхи — в особенности. Им рожать от победителей. Им это внушали.

Но, черт подери, был этот болван Ноэль! Который влюбился в шлюху!

— Оденьтесь, тогда поговорим, — буркнул Юбер и отвернулся к окну.

Грета стала, не торопясь, одеваться. И спросила:

— Вы поможете мне?

— Уехать в Гамбург и избавить Констанц от вашей персоны? — он обернулся к ней. — Пожалуй. Как только найду способ. Вы не подлежите денацификации. Может быть, со временем учителей и допустят, но пока с этим строго. Это месяцы, может быть, годы. Ждать, как я полагаю, вы не хотите. Без этого разрешения на выезд вам не получить. Выбраться можно только нелегально. Как — пока не знаю. Но придумаю.

— Я понимаю, — Грета кивнула, сделала несколько шагов к двери и резко остановилась. — У меня есть еще одна просьба. Менее затруднительная, — опасаясь, что он откажет, она быстро смущенно добавила: — Передайте письмо лейтенанту Уилсону. Пожалуйста.

Она протянула Юберу конверт, который достала из кармана юбки. Он взял его и, криво усмехнувшись, проговорил:

— Ай-яй-яй, фрау Лемман... Счастливы с мужем, пришли ко мне, а письма пишете бывшему любовнику? Я теряюсь, разочарован я в немецких женщинах, или худшие ожидания подтвердились.

— Я не стану перед вами оправдываться, господин капитан. Впрочем, именно ваше хорошее мнение о немецких женщинах мне бы показалось лицемерным.

— Ваше право, Маргарита. Хорошо, я передам письмо. И как только придумаю, что делать с вами, дам вам знать. Вы можете идти.

Она только кивнула и пошла к выходу. Спина ее оставалась идеально ровной, и Юбер почему-то подумал, что не так уж сильно не понимает Уилсона... Несмотря ни на что. Грудь у нее, и правда, была красивее, чем у Карин — даже через сорочку. Едва дверь за фрау Лемман закрылась, он рванул край конверта и вынул из него исписанный ровными буквами листок.

«Дорогой Ноэль!

Не знаю, решусь ли я передать тебе это письмо. Найдет ли оно тебя, если передам. Станешь ли ты читать, если получишь. Я молюсь, чтобы ты не нуждался в моих словах и все давно забыл. И все же прости меня, что я отказалась уехать с тобой.

Я не могу бросить мужа. Зная, что он через многое прошел. Я также знаю, что он совершил много поступков, за которые должно быть стыдно. Но не я ему судья. Когда-то мы выбрали друг друга. Мы мечтали о многом. Ты должен меня понять. У тебя тоже была женщина, которую ты выбрал. Только представь, что она оказалась жива.

Однажды Рихард сказал, что у каждого свое прошлое, и оно всегда с нами. Да, я выбрала остаться — с ним, в своей стране. Грета Лемман всегда была трусливой. Это не оправдывает меня. Но теперь я рада, что ты уехал, и я не посмела позволить себе испортить твою жизнь. Ты слишком дорог мне для того, чтобы я навязывала тебе свое прошлое. В Лёррахе я увидела

его достаточно ясно, чтобы понять, что однажды ты устанешь от тех упреков, которые будут связаны со мной. Ни минуты не сомневаюсь, ты бы проявил великодушие и оставался со мной из чувства долга. Но согласиться уехать с тобой — значило бы признать за тобой этот долг.

Не думай, пожалуйста, что я не люблю тебя. Я не жалею ни о чем. Каждое мгновение рядом с тобой было для меня подарком, праздником, только моим Рождеством.

Прощай. Будь счастлив за нас двоих. Я бесконечно сожалею, что вмешалась в твою жизнь. Но благословляю тот день, когда ты появился на пороге нашего дома».

Юбер сложил письмо и вернул его в конверт. Затем бросил на стол и подошел к окну. День за стеклом был до отвращения солнечным и светлым. Совсем не так, как в его душе. Потому что в душе его ни черта разобрать было нельзя, будто в сумерки.

— Два идиота! — процедил он сквозь зубы и выругался.

Несколько недель спустя капитан Анри Юбер самолично явился в дом Лемманов и сообщил, что вскоре будет перевозить в Гамбург двух известных ученых, в том числе и Альберта Кунца. В машине оставалось еще одно место. Для Маргариты Лемман.

Июль 1946 года

Известие о скором отъезде оказалось для Греты неожиданным. Она до конца не верила, что капитан Юбер станет что-то делать для нее. Тем более просто так. Она помнила о слове, данном им Ноэлю. И все же не верила. Ей казалось, что Юбер скорее отправит ее снова в Лёррах или на несколько месяцев в тюрьму, если узнает про Отто Бауэра, чем поможет ей.

Понимать, что капитану обязана своим освобождением, было тягостно. Это был долг, который она никогда не вернет. И все же благодаря этому человеку через несколько дней она уедет из Констанца.

Надо было подумать, что взять с собой. Только самое необходимое, остальное заберут Фриц и Рихард. На нее снова накатывал мерзкий страх. Как она поедет сама, с неизвестными ей людьми? Путь до Гамбурга неблизкий.

Фриц постановил, что, поскольку она будет выбираться с капитаном и придет в любом случае раньше их, то временно устроиться она вполне сможет у Берты, их старой соседки, которая приютила и его самого, когда он явился в Гамбург в поисках семьи.

— Она славная и пустит тебя, — говорил он в свойственной ему спокойной и уверенной манере, будто разговаривал с подростком. — Может быть, тебе придется ждать несколько дней. Ну да это ничего. Побродишь по городу, осмотришься, может, найдешь, где подработать. Денег тебе хватит. Ешь, как птичка.

Рихард только неодобрительно вздохнул из своего кресла, следя за ними из-под бровей.

— А с этим домом что? — спросил он, словно бы между прочим.

— Может, продать! — воодушевился Фриц. — Все равно запрем, придет в запустение. Верно я говорю, Грета? Твой же дом!

Грета посмотрела на Фрица, потом на Рихарда. Продать дом было бы правильно. У них бы появились деньги, которые наверняка понадобятся в Гамбурге. Им нужно жилье, а Рихард мог бы попытаться снова завести лавку. Она знала, что старик мечтает об этом.

— Если найдется покупатель — продайте, — ответила она.

— У кого сейчас будут деньги на дом? — хмуро спросил старый немец. — Разве только за бесценюк продать.

— Ну, быть может, кто из французов купит. У офицеров-то деньги быть должны, — отмахнулся Фриц. — Этот твой Юбер в Констанце обосноваться не думал?

— Лучше спросить у фрау Бауэр. Она многих знает. И среди французов тоже. Рихард, а вы можете поговорить с Тальбахом.

— Могу, могу, — проворчал Рихард.

— Сейчас многим жить негде, — гнул свое Фридрих. — А даже если сейчас не продадим, потом это сделаем. Не навсегда же эти проклятые зоны! Ей-богу, мы еще будем жить, как раньше. Без указаний.

— Как раньше, — эхом отозвалась Грета. — Скорее бы уже выбраться отсюда. Я устала. Рихард снова неодобрительно вздохнул и уткнулся в газету.

После ужина, теперь уже точно последнего семейного ужина в Констанце, когда Фриц пошел курить на улицу, а Грета привычно мыла посуду, старик остался на кухне и угрюмо смотрел на нее. Потом тихо сказал:

— В Гамбурге он тебя не найдет, если станет искать. И, если честно, я не уверен в том,

что и сам найду тебя в Гамбурге. Не нравится мне это все, ласточка. Совсем не нравится.

— Не говорите глупостей, — отмахнулась Грета. — Во всяком случае, лучше попробовать, чем сидеть еще неизвестно сколько лет в Констанце. Фрицу это когда-нибудь надоест, и он уедет. А я не хочу, слышите, не хочу оставаться здесь сама!

— Я тебя никогда не брошу. Тебе это известно. Мы говорили об этом. Но я с ума сойду, если с тобой что-то случится в дороге. Капитан Юбер может сделать все что угодно.

— Я же знаю, что вам тоже хочется вернуться, — Грета оставила посуду, подошла к столу и села рядом с Рихардом. — А капитан Юбер может сделать все что угодно. Потому я и обратилась к нему.

Она долго молчала, глядя перед собой.

— Со мной ничего не случится. Со мной уже ничего не может случиться.

— Ты молодая, — отмахнулся он, понимая ее слова именно так, как только и правильно было их понять. — Молодая, красивая, и плевать на все. Много лет я жил, пытаюсь понять, зачем все это... Война — первая, вторая. Кульгя вместо руки. Сын, который совсем не тот, кого я хотел воспитать. Гербер и Хильда, у которых, может быть, даже могилы своей нет... А оказывается, все просто... В перерывах острее чувствуешь счастье, острее живешь. Сильнее любишь. Многое оказывается не тем, чем казалось, но раскаяния или сожаления нет.

Грета почувствовала, как что-то неизвестное до этой минуты шевельнулось внутри. Она подумала, что это была злость. Никогда раньше она не испытывала злости. Но сейчас была именно злость. Она повернулась к Рихарду всем телом и тихо проговорила:

— Вы правы, как обычно. Многое, да нет, почти все оказывается не тем, чем казалось. Раскаяние? Наверное, нет... Но сожаление... Я сожалею! Очень сожалею, что в тот день, 1 июля, пошла на чертов рынок. Хильда хотела пойти, а я ее не пустила. Сказала, что сбегая быстрее.

— А я пошел закрывать лавку и прятать проклятый торшер! — прошипел Рихард. — Мы оба могли остаться, но не остались. А еще знаешь что? Еще можно было просто не развязывать войну, просто не верить национал-социалистам, просто жить как-то иначе. Но ничего этого не было. Ни у кого из нас не было. И если ты так и не научилась с этим жить, то я тебе не смогу помочь. И еще меньше сможет Фриц, потому что не любит тебя. Потому что просто гоняется за тем, чего не вернуть. И ради этого ты сейчас рискуешь собой?

— А я гоняюсь за Фрицем. И вовсе ничем не рискую.

Он кивнул и резко встал из-за стола.

— Тебе виднее. Кстати, не забудь захватить с собой свою шляпку. Обнову скоро купить не получится.

— Нет, — Грета опустила голову, разглядывая узоры на скатерти. — Я никогда не стану ее надевать. Зачем зря брать ненужную вещь.

— Мне жаль.

— Я думаю, она нам больше не пригодится, — Грета подняла голову, посмотрела на Рихарда и неожиданно улыбнулась. — Фриц вернулся, в тот самый день, когда я ее надела. Чего же нам желать еще?

Поднялась и поцеловала Рихарда в щеку.

— Старый ворчун, — пробормотала она и вернулась к посуде.

Он же подошел к ней со спины и прошептал на ухо:

— А ты — глупая перепуганная ласточка. Болван твой лейтенант. Надо было увозить тебя сразу. Теперь в голове уже совершенный бардак.

Со стола, из кипы документов и личных дел, на него глядела с крошечной фотографии Маргарита. Глядела хмуро и осуждающе. Юбер поморщился и сунул документы в большой картонный конверт. От ее личного дела он предусмотрительно избавился еще накануне. Будто никакого дела никогда и не было. Оставалась еще одна небольшая деталь в виде удостоверения личности, но это все позже. Когда удостоверение будет уже не нужно. Прибрав на столе все остальные бумаги, перевел дыхание. Теперь они лежали ровными стопками, как у порядочного чиновника, коим капитан Юбер так и не научился быть за этот год с лишним в Констанце.

— Господин капитан, профессор Кунц и профессор Хорнбергер ожидают вас.

— С регистрацией все в порядке?

— Да, господин капитан. Ни один из них не снимал жилья в Констанце. Кунц проживал у сестры, у Хорнбергера была квартира. Свидетельства у них в порядке. Генерал Риво посчитал, что причин отказать им в отъезде нет.

— Спасибо, капрал. Скажите, что я сейчас.

Капрал кивнул и скрылся в коридоре, прикрыв дверь. Юбер глянул в окно. День обещал быть солнечным. А значит, и жарким. Ну ее к дьяволу, такую погоду! Жара изматывала его. И он с куда большим удовольствием навестил бы питейное заведение герра Тальбаха, чем пускался бы в эту глупую авантюру.

Потом он взял со стола конверт и покинул свой кабинет. Проследовал по душному узкому коридору на улицу, куда уже подогнали служебный автомобиль. Оба почтенных господина с чемоданами стояли поблизости. Кунц обмахивался носовым платком и что-то говорил Хорнбергеру. Увидав Юбера, оба замолчали.

— Я полагаю, все готово? — спросил Юбер, приблизившись к ним.

— Да, господин капитан, — отозвался Хорнбергер.

— Дайте мне, пожалуйста, ваши документы. Когда мы будем выезжать, их попросят показать на посту.

— Да, да, конечно, — торопливо закивали ученые.

Через минуту оба удостоверения личности и письменные разрешения на выезд были в картонном конверте у Юбера.

— Как вам погода? — легко спросил капитан.

— Душновато, — отозвался Кунц. — Боюсь, в машине будет хуже.

— Давление?

— Есть немного.

— Ешьте меньше жирного, герр Кунц, — рассмеялся Юбер. — Рекомендую.

С этими словами он сел за руль и, дождавшись, пока оба профессора устроятся (Кунц впереди, Хорнбергер сзади), удовлетворенно кивнул обоим и тронулся. Несколько минут спустя они подъехали к дому Лемманов, и Юбер посигналил.

Грета вздрогнула. Резко, всем телом. И бросила быстрый взгляд на Рихарда. И если бы сейчас он ей сказал не выходить из дома, она бы не сделала и шагу. А впрочем, теперь уже поздно. Все поздно. Тряхнула головой и вскочила с кресла, в котором просидела все утро в ожидании капитана.

— Я буду ждать вас в Гамбурге, — улыбнувшись, сказала она Рихарду и подхватила

небольшой чемодан, приготовленный еще вчера.

Старик кинулся за ней. Утром получил свой привычный кофе, а произнести хоть слово так и не удосужился. Теперь она уже уезжала, и все становилось по-настоящему.

— Ничего не бойся, мы скоро приедем, — сказал он ей. — Все будет хорошо. Ты ведь помнишь адрес Берты?

— Помню, — она кивнула, сжала его ладонь. — Время быстро пройдет. Мы скоро свидимся. Я буду скучать.

— Ну что вы медлите! Будто на всю жизнь расходитесь! — рассердился маячивший рядом Фриц. — Грета, дожدهшься, что твой капитан уедет.

Он выхватил у нее из рук чемодан и направился к двери. Грета поцеловала Рихарда на прощание и поторопилась за Фрицем.

— Он не мой, — проворчала она. — Он всего лишь помогает, чтобы я могла уехать в Гамбург и жить там с тобой.

— Ну да, разумеется, — кивнул он, открывая входную дверь. Вид его был отчего-то озадаченный и очень серьезный. — Мы приедем, как только справимся здесь со всем. Не волнуйся. Это совсем недолго.

— Я не волнуюсь. Ты прав, мы же не на всю жизнь расстаемся.

Когда они подошли к машине, Фриц остановился, посмотрел на водителя и пассажиров и, поставив чемодан на землю, притянул Грету за руку, крепко обнял, а потом шепнул на ухо:

— Мы все делаем верно, да?

Она могла чувствовать, как гулко бьется в его груди сердце, будто выскакивая. И как вспотели его ладони, но это, видимо, от жары, в то время, как ее из-за стекла автомобиля гипнотизировал взгляд Анри Юбера, которого тот не отрывал от ее лица.

— Да, — она быстро поцеловала мужа, — мне пора.

Отстранилась, наклонилась за чемоданом. Вся сцена становилась нелепой. От взгляда Юбера взмок затылок, а по спине пробежал холодок. Сколько дней они будут добираться до Гамбурга? Неделю? Две? Где были ее мозги, когда она ввязалась в это сомнительное предприятие...

— До встречи, Фриц!

Повернулась к капитану. Тот вышел из машины, подошел к ним и взял с земли чемодан.

— Не передумали? — спросил он с ленивой улыбкой на губах.

— Нет, господин капитан.

— Где ваше удостоверение? На посту попросят предъявить. Удобнее, чтобы было у меня.

— Да, да, конечно, — Грета достала из сумочки документ и протянула Юберу.

Капитан кивнул и пошел устраивать чемодан в багажнике. Через минуту он открыл ей дверцу заднего сидения и с прежней улыбкой сказал:

— Едемте, фрау Лемман!

Она махнула рукой Фрицу и, стараясь ни о чем не думать, села в машину.

Он остался у дороги смотреть им вслед. У окна точно так же замер Рихард. Потом, когда входная дверь хлопнула, старик подошел к столу, взял чашку с остатками кофе и выплеснул их в раковину. В это мгновение он злился на собственного сына. И не знал, что теперь делать с этой непроходящей злостью на единственного родного человека.

Машина свернула за угол дома, и Юбер рванул вперед, буркнув:

— Устраивайтесь поудобнее, Маргарита, дорогая неблизкая.

В ответ раздался негромкий смех Альберта Кунца, сидевшего впереди.

Грета пробормотала благодарность и уставилась в одну точку. Кажется, это было ухо Юбера, но она вряд ли понимала, куда смотрит и что видит. И надеялась, что от монотонной езды ее сморит сон. Тогда не надо будет смотреть, думать, торопить время.

Оба ученых молчали и так же напряженно смотрели прямо перед собой. Впрочем, шум мотора заглушал все прочие звуки. Солнечный свет падал ей на левую щеку, и начинал припекать белую кожу — более бледную, чем обычно. Людей на улицах попадалось немного. Утро раннее. Большинство были на службе. Грета могла только вдыхать и выдыхать душный и одновременно слишком сухой для Констанца воздух, который пока еще не обжигал легкие, но уже сейчас становился мучительным. Машину пару раз тряхнуло, когда Юбер куда-то сворачивал, но дома за окном сливались для нее, словно были одинаковыми. А она и их не видела.

А потом машину тряхнуло в последний раз, и она остановилась. Юбер продолжал сжимать руль и напряженно смотрел, как к ним подбегает человек в форме.

— Уже? — со смесью волнения и облегчения прошептал сидевший рядом с Гретой профессор Хорнбергер.

От короткого слова, которое прозвучало словно сквозь толщу воды, она очнулась и посмотрела в окно. Брови ее удивленно взлетели вверх, в горле застрял вопрос, и она заставила себя отвести взгляд от торопящегося к ним офицера, откинувшись на спинку сиденья.

Машина стояла перед шлагбаумом, у которого располагался пограничный пост. Офицер, спешивший к ним, остановился у автомобиля и склонился к Юберу. Что-то сказал, но почти неслышно — из-за того, что капитан не заглушил двигатель. А потом тот спокойным и удивительно расслабленным голосом ответил по-французски:

— Капитан Анри Юбер. Была договоренность о вывозе в Кройцлинген группы профессора Авершина. Профессор Альберт Кунц, профессор Карл Хорнбергер, личный секретарь профессора Авершина, Маргарита Уилсон. Вот документы.

Он протянул постовому картонный пакет.

Тот взял бумаги и отошел с ними к другому офицеру, который вышел из здания поста.

Грета провожала его взглядом и убеждала себя, что ей все послышалось. Но «секретарь» почти на всех языках звучит одинаково. Кто такой Авершин — она знала. Маргарита Уилсон заставила ее сердце пропустить удар. Это было произнесено четко и ясно. Или, может быть, она спит? Грета снова уставилась в ухо Юбера и негромко позвала:

— Господин капитан...

— Молчите, Маргарита, — процедил сквозь зубы Юбер, не глядя на нее, но только на офицеров у шлагбаума, — только молчите. Не то мне грозит трибунал, а вас отдадут под суд.

Грета кивнула, потом поняла, что Юбер не видел этого ее жеста, открыла рот, чтобы ответить, и подумала, что он попросил ее молчать. И, совсем растерявшись, она низко опустила голову и стала аккуратно выкладывать складки на юбке. Так внимательно, словно именно от этого зависела вся ее последующая жизнь.

В салоне повисло напряженное молчание, перебиваемое только урчанием мотора. Да Кунц теребил пуговицу пиджака. Юбер сидел на месте так, словно бы застыл. Взгляд его был направлен в одну точку. Несколько минут. И пуговица Кунца оторвалась.

— Вам нужно лечить нервы, — громко произнес Хорнбергер. — И да, избегать жирной

еды тоже.

— Какая у вас специализация? — осведомился Кунц, глядя на пуговицу в своих руках.

— Не такая, как у вас.

— Медицинского образования у вас нет?

— Нет, но мой отец был неплохим хирургом.

— Он идет, — прошептал Кунц и сжал в ладони пуговицу.

Офицер вернулся, протянул Юберу документы и бросил что-то по-французски, что должно было бы значить «Счастливой дороги». После этого шлагбаум подняли. И машина плавно въехала в часть города, отделявшую немецкий Констанц от швейцарского Кройцлингена.

Грета успела дважды моргнуть, прежде чем они оказались перед следующим шлагбаумом. На этот раз швейцарским. К их машине неторопливо подошел офицер, широко улыбаясь всем четверым. Капитан Юбер вновь протянул документы, а Грета неожиданно задалась дурацким вопросом о том, откуда могла взяться фотография для Маргариты Уилсон. Пока швейцарец внимательно разглядывал пассажиров, она сообразила, что в удостоверении этой несуществующей женщины могло быть только лицо из ее личного дела в комендатуре. Всегда хмурое. В постоянной заботе о том, что будет на обед у них с Рихардом. Рихард! Грета впиалась ногтями в ладони. Старик, как всегда, оказался прав. Ни он, ни Фриц не найдут ее в Гамбурге!

Наконец, и здесь их пропустили дальше. Когда конверт с документами оказался в руках Юбера, он вдавил педаль газа до упора, чтобы как можно скорее проехать последний шлагбаум.

Они были в Швейцарии. Прошло не более получаса.

Юбер протянул конверт Кунцу и негромко сказал:

— Разбирайте ваши удостоверения. Через пару минут будем на месте. Мне объясняли, что гостиница в трех улицах отсюда.

Оба профессора торопливо вытряхнули из конверта свои документы. И передали его Грете. Она взяла конверт и, не глядя, положила его в сумочку.

Теперь уже тихо не было. Кунц и Хорнбергер что-то живо обсуждали. От жужжащего звука их голосов, перемежающегося с ревом мотора, неизвестно было куда деться, а смысл их болтовни постоянно и неумолимо ускользал. Все слова по отдельности были ясны. Но никакого общего значения не имели. И никакой мысли.

Юбер ехал прямо, миновав две улицы. У третьего поворота притормозил. На другой стороне улицы у ворот трехэтажного здания стояли несколько мужчин. Один из них выделялся неожиданно рыжим цветом волос. Он курил и напряженно вглядывался в каждый автомобиль, хотя тех в это время было совсем немного.

— Неудачно стал, — буркнул Юбер. И начал разворачиваться.

Пока капитан кружил, Грета не отрывала взгляда от Ноэля.

Словно бы проснулась после долгого сна, и он был первым, кого она увидела наяву.

Словно бы все те прошлые месяцы она спала.

Как она жила? Как она жила все это время?

Разве жила?

И прямо сейчас, в эти оставшиеся минуты, она должна решить... Что решить? Есть, что решать? Он здесь, вот он. Тот, без кого ей и дышать нельзя. Думала, что можно. Оказалось — нет. Оказалось, задыхается. Оказалось, одного взгляда на него достаточно, чтобы все

прочее стало неважным.

Он быстро потушил окурок и бросил его в урну. Потом подошел к краю тротуара. И стал смотреть уже на нее. Прямо, словно бы и на расстоянии знал, что она там.

Еще несколько секунд, и автомобиль остановился у здания гостиницы.

Первым вышел Юбер.

Потом немецкие ученые. Группа, встречавшая их, бросилась вперед.

Еще одно мгновение, дверь с ее стороны раскрылась, и она оказалась в руках Ноэля.

И прежде, чем успела даже рассмотреть его, почувствовала запах табака и услышала его хрипловатый голос, произносивший:

— Прости меня, пожалуйста, Грета, прости меня!

С этой минуты ничего другого уже не было. Были только его глаза, губы, голос, руки.

За долгие недели без Ноэля она заставила себя о многом не вспоминать. Он слишком много значил для нее. В его объятиях она всегда находила странный покой, так не вязавшийся с их бессонными ночами. Его глаза, когда он просил ее уехать с ним, преследовали ее дольше всего. Все это было лишним в той жизни, которую она выбрала.

Теперь он был рядом, и покрыть бы поцелуями его родное лицо, но сил не было. Грета смогла лишь обхватить его руками, будто он собирался тут же отпустить ее, и склонить голову ему на плечо.

Прошла целая вечность. Но ей было все равно. Даже вечность рядом с ним — мало. Наконец, она ткнула носом ему в шею и негромко сказала:

— Мне не за что тебя прощать.

— Я прочитал твое письмо, — шепнул он ей в волосы, его руки судорожно скользили по ее спине, сминая платье. Они дрожали, но вместе с тем сжимали ее крепко-крепко. И сам он был так напряжен, словно бы боялся хоть на мгновение выпустить ее.

Он вдыхал запах ее кожи, который так и не смог забыть за эти месяцы. Но зато почти забыл, что за его спиной стоят другие люди, приехавшие сюда по другому делу. И отец, который вызвался сам встречать немецкую группу. Или может быть, они уже ушли? Он забыл про всех. Все они были из другой жизни. И ничего-ничего не знали про него и про эту женщину.

— Я прочитал, — снова повторил Ноэль, и голос его дрожал тоже. — Ты понимаешь, что я не мог оставить тебя там после этого письма? После Лёрраха, после всего... Прости меня...

— Я не для того тебе писала, — Грета улыбнулась и подняла к нему лицо. Смотрела прямо в его глаза, вспоминая, узнавая их заново. В них застыло ожидание. Потом разглядывала его губы, которые теперь не двигались. Думала о том, что Греты Лемман больше нет, а кто такая Маргарита Уилсон — она еще не знает. Но если Ноэль этого захотел, она обязательно попробует стать ею. — Ты решил по-своему. Но, пожалуйста, не проси у меня за это прощения. Я не хочу, чтобы ты считал себя виноватым. Не передо мной.

Он порывисто наклонился к ней и на мгновение коснулся ее губ губами — словно бы так убеждался в том, что это она, что она здесь. Убеждался снова, не доверяя глазам, звукам. Не доверяя себе самому. Потом снова отстранился и, глядя в ее глаза, мягко касаясь ее волос, прошептал:

— Нет. Я виноват. Что не уговорил еще тогда, что сдался... Что дал тебе решить... Что ты могла решить тогда? Ты все сделала, как надо. Это я сплеховал...

— Но я же могу решить сейчас? — она внимательно посмотрела на Ноэля.

Он замер на мгновение. А потом прижал ее крепче, зажмурился, совсем как в детстве, когда загадывал желание на день рождения, и выдохнул:

— Решай!

— Если ты немедленно не прекратишь обвинять себя во всем, что приходит в голову, я обещаю, я вернусь с капитаном Юбером в Германию.

— А если прекращу?

— То останусь, — она улыбнулась. — Я останусь с тобой, Ноэль, потому что очень хочу этого.

Он медленно раскрыл глаза. И этот первый взгляд словно бы действительно стал самым первым. Потому что первого, случившегося много-много месяцев назад, он не помнил. Это было слишком давно и не с ними. Или, может быть, все-таки с ними?

— Тогда идемте завтракать, госпожа Уилсон? — шепнул он с облегчением, и улыбка коснулась его губ. Потому что он совсем-совсем не хотел есть. Изголодался он по другому.

— Идем, — кивнула она. Щеки ее стали розовыми, и глаза заблестели.

Рядом с ними давно уже никого не было. И, конечно, никто не видел ни розовых щек, ни блестящих глаз. Хотя уж это-то точно никому не было интересно. К подобным встречам после войны привыкли, хотя те все еще вызывали внутреннюю радость — куда-то вернулось счастье. И это лучше, чем привыкать к слезам и разлукам.

Эпилог

Июль 1946 года, Кройцлинген, Швейцария

На свете вообще есть очень много вещей, которые лучше слез и разлук. И оказывается, расстояние до счастья — всего несколько километров. И по времени занимает каких-то полчаса. Чего же еще?

Констанц — прекрасный город. И жить там Анри Юбер за год почти уже привык. Все в нем было славно, кроме немцев. Наверное, кто-то очень предусмотрительно именно в Констанце прочертил границу со Швейцарией. Это оказалось весьма кстати. Счастье стало чуть-чуть более осуществимым. Во всяком случае, нацизмом здесь не особенно пахнет. И, хотя Анри Юбер не выносил слова нейтралитет, как оказалось, все познается исключительно путем сравнений. Здесь Юбер спокойно пил кофе в ресторане при гостинице, лениво разглядывал окружающих. И впервые за очень долгое время был весьма доволен собой, несмотря на то, что еще утром был раздражен и настроен скептически к предстоящей аванюре. Потом появился азарт, подобный тому, что он испытывал давным-давно, в горах. Теперь на душе стало легко и ясно. В голову пришла еще и нелепая мысль — папаша Виктор сейчас бы, наверное, впервые в жизни мог испытать за него какое-то подобие гордости. Менее всего это вязалось с тем, что по большому счету в этот странный день он стал самым настоящим преступником.

Между тем, кофе был довольно крепким. И Юбер с удовольствием влил бы в него коньяка. Но это уже была глупая идея. Он и сам это признавал.

— Вы еще не уехали? — услышал он откуда-то из-за плеча и обернулся. К нему подходил мужчина лет шестидесяти в добротном костюме и с почти военной выправкой, несмотря на годы. Там, на улице, около часа назад, он представился профессором Авершиным. Что ж, во всяком случае, ясно, что лет через тридцать Уилсон не облысеет и не сгорбится.

— Я решил, что это будет забавно — выпить в Швейцарии кофе, а потом вернуться в Германию обедать. Когда еще случай представится.

— И то верно, — улыбнулся профессор и, не спрашивая, присел за столик. Через мгновение рядом был официант с меню. Но Авершин попросил только кофе. В конце концов, он тоже очень рано встал.

— Ваши коллеги уже устроились? — любопытствовал Юбер.

— Я полагаю, что да.

Встреча была довольно сдержанной и излишне официальной. Однако это событие — приезд в Кройцлинген двух немецких ученых, прошедших денацификацию — было весьма значимым. Оба известны. Один — скандально известен. Но взгляды его не сочли столь опасными, чтобы ему не позволили заниматься наукой. Во дворе перед гостиницей профессор Авершин, Ноэль Уилсон и несколько человек из университета ожидали прибытия немцев еще с раннего утра.

Машина подъехала. Оба почтенных господина вышли. Потом был обмен рукопожатиями. И ученые прошли в гостиницу. Задержались только Уилсоны — Ноэль и его супруга, секретарь профессора. Они не виделись несколько недель, за время которых мадам Уилсон в Констанце подготавливала необходимые бумаги для отъезда Кунца и Хорнбергера

за границу.

— И что вы станете делать с нордистом? — спросил Юбер.

— Меня мало волнует нордист. Хорнбергер нужен мне для экспедиции. Я не знаю лучшего археолога.

— А секретарю, я полагаю, вы дадите расчет?

— Никогда не нуждался в секретаре до сегодняшнего утра, господин капитан. Думаю, обойдусь и впредь. К слову, спасибо вам за рекомендации.

— Лучших рекомендаций, чем Ноэль, я вам не дам, месье Авершин, — рассмеялся Юбер, отпил из чашки и стал рассматривать скатерть.

Тогда, несколько недель назад, вместе с письмом, которое он отправил Ноэлю, в конверт было вложено фото из личного дела Маргариты Лемман и записка от капитана Юбера, гласившая: «Она просится в Гамбург. Но в Гамбурге ей делать нечего. И да, это я отправил ее в Лёррах. Подальше от тебя».

Потом он стал ждать ответа. И решил, что если Уилсон не ответит до конца июля, то придется держать слово, данное ему же несколькими месяцами ранее — помочь ей в том, о чем она просит. В конце июня он получил письмо от Ноэля. С готовыми документами и подробными пояснениями.

— Меня только интересует судьба Маргариты Лемман, — вдруг сказал Авершин. — Как я понимаю, в Германии у нее остались родственники?

— Маргариты Лемман в природе не существует. Она погибла предположительно во время бомбежки Гамбурга или немного позже, добираясь до Констанца со своим свекром. Вы знаете, среди мирного населения жертвы неизбежны.

— К сожалению, знаю слишком хорошо, — нахмурился профессор и стал следить за пальцами Юбера, гладившими ободок чашки. — Ее ищут близкие?

— Думаю, нет. Они узнали, что с ней случилось. И получили компенсацию. Ваш сын позаботился и об этом. Правда, все это произошло по их прибытии в Гамбург. Несколько недель спустя.

Авершин чуть прищурился и улыбнулся. В этот момент он был так похож на своего сына, что Юбер едва не рассмеялся.

— И вы уверены в том, что все эти меры обеспечат безопасность моего секретаря? — продолжил Авершин.

— Разумеется. Личное дело изъято из архива, а там, где ей приходилось работать, не осталось никаких бумаг. Единственное, о чем я беспокоился при пересечении границы, это о том, чтобы ее удостоверение не было изготовлено на киностудии вашей супруги.

Теперь смеялся профессор. Плечи его чуть подрагивали, и, казалось, он облегченно выдохнул.

— Нет, у моей супруги, по счастью, связи не только в мире кино. Потому удостоверение вполне надежное.

— Как вы думаете, оно того стоило? — резко посерьезнел Юбер, имея в виду совсем не удостоверение Маргариты Уилсон.

Профессор Авершин задержал свой взгляд на его лице. Юбер готов был дать руку на отсечение за то, что сейчас отец его лучшего друга вспоминает эти последние месяцы, которые Ноэль провел в Париже. И вспоминает удивительную встречу, случившуюся этим утром. Потому что та встреча перед глазами и у него тоже.

— Оно всегда того стоит, — с мягкой улыбкой ответил профессор. — Лучше скажите,

зачем вы в это ввязались?

Юбер пожал плечами и, чуть насупившись, сказал:

— Это веселее, чем протирать штаны в комендатуре. Я еще ни разу не участвовал в нелегальном вывозе нацистки в Швейцарию.

— Тшшш! — Авершин приложил указательный палец к губам, но губы продолжали улыбаться.

Может быть, потому что он слишком хорошо представлял себе, чем занимается его сын со своей нацисткой. А может быть, потому что капитан Анри Юбер тоже закончил воевать.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net